

Министерство культуры РФ
Музей истории донского казачества

Министерство науки, высшей школы и технической политики России
Кемеровский Государственный университет

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И
ВАРВАРСКИЙ МИР

(Материалы III-го археологического семинара)

ЧАСТЬ I

НОВОЧЕРКАССК 1992

Издание осуществлено при содействии агентства «Памятники Отечества», г. Ростов-на-Дону.

Ответственный редактор канд. ист. наук
Б. А. Раев

АМА	— Античный мир и археология
АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЦВМ	— Античная цивилизация и варварский мир
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВГУ	— Воронежский Гос. Университет
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИМК	— Вестник истории мировой культуры
ВМУ	— Вестник Московского Университета
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ГБЛ	— Гос. библиотека им. В. И. Ленина (Москва)
ГИМ	— Гос. исторический музей
ГМИНВ	— Гос. музей искусства народов Востока
ГМПО	— Годишник на музеите в Пловдивски окръг
ГПБ	— Гос. Публичная библиотека (С.-Петербург)
ДВК	— Древности Восточного Крыма
ДСКП	— Древности Северного Кавказа и Причерноморья
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАДК	— История и археология древнего Крыма
ИАИ	— Известия на Археологически институт (София)
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИВАД	— Известия на Варненското археологическо дружество
ИЛАИ	— Известия лаборатории археологических исследований
ИМКУз	— История материальной культуры Узбекистана
ИНМВ	— Известия на Народния музей във Варна
КАК	— Кубанская археологическая конференция.
КАЭ	— Кавказская археологическая экспедиция
КЕСАМ	— Кочевники Евразийских степей и античный мир
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза (1952—1991)
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский Гос. Университет
МАО	— Московское археологическое общество
МВД	— Министерство внутренних дел
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР МКА — Материальная культура Азербайджана
НАА	— Народы Азии и Африки
НИАЭ	— Научно-исслед. институт археологии и этнографии
НИИАЭ	— Научно-исслед. институт истории, археологии, этнографии
ОАК	— Отчет археологической комиссии
ПА	— Проблемы археологии
ПСАИ	— Проблемы сарматской археологии и истории
РИМ	— Российский исторический музей
РОМК	— Ростовский областной музей краеведения
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников

СГЭ	— Сообщения Гое, Эрмитажа
СМАА	— Сборник материалов по археологии Адыгеи
СХМ	— Сообщения Херсонесского музея
СЭ	— Советская этнография
ТГЭ	— Труды Гос. Эрмитажа
ТОИПК	— Труды отдела истории первобытной культуры
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ХС	— Херсонесский сборник
ЭСРЯ	— Этимологический словарь русского языка
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
ААН	— Acta Archaeologica Hungarica
АН	— Archaeologia Hungarica
AfA	— Anzeiger für die Altertumswissenschaft
AJA	— American Journal of Archaeology
AP	— Archaeologia Polski
AS	— Annales du Service des antiquités de l'Egypte
AVA	— Allgemeine Vergleichende Archäologie
BAR	— British Archaeological Reports
BAW	— Bayerische Akademie der Wissenschaften
BVbl	— Bayerische Vorgeschichtsblätter
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
FA	— Folia Archaeologica
HBA	— Hamburger Beiträge zur Archäologie
JGS	— Journal of Glass Studies
OrAr	— Oriental Art
PPH	— Proceedings of the prehistoric society
QIFL	— Quaderni dell' Istituto di filologia latina
RE	— Real-Enciclopedia der classischen Altertumswissenschaft
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum
ROB	— Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek
RSO	— Rivista degli Studi Orientali
SCIV	— Studii si cercetari de istorie veche

Б. П. Селецкий

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ МИГРАЦИЙ КОЧЕВНИКОВ, СЫГРАВШИЕ РЕШАЮЩУЮ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОСЕДЛЫХ ОБЩЕСТВ

Прежде чем перейти к рассмотрению этой проблемы, необходимо остановиться на причинах миграций кочевников, которые, с нашей точки зрения, лежат в характере хозяйства так называемых «чистых» кочевников (1). Летописцы и более поздние историки неоднократно отмечали особую агрессивность кочевников и опустошительный характер их завоеваний. Однако почти никто не заметил, что эти черты неразрывно связаны с их экономикой (2). «Чистые» кочевники не могут существовать без продукции оседлого хозяйства. Между тем оседлые с их комплексным хозяйством при необходимости вполне могут обойтись без продукции кочевников. Поэтому при мирном обмене кочевники, в конечном счете, остаются в убытке (3). Они становятся объектами эксплуатации со стороны оседлых на основе неэквивалентного обмена (6, с. 182, прим. 76; 7, с. 408, 511, прим. 39). В результате кочевники могли получать продукты сельского хозяйства оседлых без убытка только либо путем грабительских войн, либо, если они были достаточно сильны, – путем покорения оседлых данников (3, с. 316 сл.) Именно этим объясняется агрессивность кочевых обществ (4, с. 12 сл.)

Что касается опустошительности их набегов, то, как отмечал уже К. Маркс (5, с. 724), кочевники в данном случае действовали в полном соответствии с их способом производства, требовавшим обширных необитаемых пространств для кочевья. При росте кочевого населения обе эти насущные потребности кочевого хозяйства вступали между собой в непримиримое противоречие. Требовалось одновременно и постоянное увеличение незаселенных пространств для кочевья, и увеличение числа оседлых данников. Это противоречие по-

рождало в кочевых обществах стремление к беспредельной экспансии (4, с. 15 сл.). Наиболее сильное племя-орда подчиняло себе более слабые кочевые орды, и, став «царской», создавало более или менее сильное в военном отношении кочевое объединение. Такое объединение было связано не столько силой «царской» орды, сколько общим стремлением к захватам: в конечном счете у покорителей и покоренных были общие интересы. Миграция такого кочевого объединения напоминала катящийся снежный ком, обрастающий по пути новыми ордами. На протяжении двух и даже одного поколения покоренные кочевники полностью интегрировались и сливались с покорителями, не уравниваясь, однако, с представителями «царской» орды (8, с. 216). Единство и монолитность такого объединения обеспечивались военными успехами и участием всех воинов в дележе добычи в строгом соответствии со значением каждой орды в объединении. Таким образом, война для кочевников была ничем иным, как способом производства (5, с. 724). В соответствии с этим огромное значение имела военная организация кочевых обществ. Она покоилась на двух основаниях: на почти деспотической власти вождей-военачальников и на существовании «общины равных» воинов—рядовых членов кочевого объединения (4, с. 18 сл.). Эта община в известной мере напоминала спартанскую «общину равных» (9, с. 65). Могущество кочевых обществ определялось равновесием между этими двумя основами военной организации. Однако между ними существовало резкое противоречие: усиление власти военачальников влекло за собой их обогащение, социальную дифференциацию и разложение «общины равных» (4, с. 17 сл; ср.: 10, с. 102 сл). Результатом этого в конечном счете был распад кочевого объединения: оно больше не обеспечивало своим членам ни территории для кочевья, ни дани. Иногда в этом случае среди бедноты кочевых племен начинался процесс седентаризации (8, с.150; 3, с.318). Следует отметить, что процесс социальной дифференциации начинался в «царской орде», получавшей львиную долю военной добычи-Однако, если в пределах кочевого объединения или по соседству с ним имелась орда, в меньшей степени, чем: остальные, затронутая социальной дифференциацией, в кочевом обществе мог произойти процесс варваризации». Этот процесс состоял в том, что прежде всего свергалось господство прежней «царской» орды и ее место занимала наиболее «отста-

лая» орда, наименее затронутая социальной дифференциацией. Старая, чрезмерно обогатившаяся знать уничтожалась физически и ее место занимали военачальники наиболее отсталых кочевых племен. В объединении на основе регенерации родоплеменных связей восстанавливалась монолитная «община равных» (11, с.121 сл.). В этом случае военное могущество кочевого объединения возрождалось, и предел его захватам могло положить лишь достаточно сильное сопротивление оседлых. Уже не раз отмечалось, что политическое устройство кочевых обществ, нуждающихся в равновесии между сильной властью военачальников и «общиной равных», постоянно тяготело к «военной демократии», а, точнее – к тому, что в современной науке определяют термином „chiefdom" (12; ср.: 13; 14). Процесс «варваризации» был возможен только при наличии «варварского резерва», т. е. отсталых кочевых племен со слабой социальной дифференциацией (11, с. 129). В то время как в кочевых обществах процесс «варваризации» – этот «скачок назад» – был событием частым и весьма распространенным, у оседлых такое явление наблюдается исключительно редко (4, с. 20сл). Однако между некоторыми случаями варваризации в кочевых обществах и процессами варваризации у оседлых народов прослеживается неразрывная связь (4, с. 23). В настоящее время безусловно известны два случая варваризации оседлых обществ, более или менее доступные изучению на современном уровне исторических знаний (4). Это - разрушение в XII в. до н. э. варварами центров микенской цивилизации на территории Балканской Греции и крушение в V в. н. э. в результате «Великого переселения народов» Западной Римской империи-

Обратимся прежде всего к более изученному второму случаю и начнем с характеристики состояния, в котором находилась Западная (Гесперийская) империя к моменту «Великого переселения народов». Этому состоянию свойственны были следующие черты:

1. Разделение мира (разумеется – в понимании того времени) на «мастерские мира» (преимущественно – крупные торгово-ремесленные центры Римской империи) и «мировую деревню» (варварская «аграрная периферия») (ср. 11, с. 13; 15, с. 210). Обе эти части тогдашнего мира резко противостояли друг другу. «Мировая деревня» беспощадно эксплуатировалась «мастерскими мира» или путем прямого воен-

но-политического господства или на Основе неэквивалентного обмена (16, с. 5 сл.) и разного рода ростовщических операций за пределами Империи (17). Из всех варваров в самом неблагоприятном положении были кочевники, наиболее зависившие от продукции оседлого хозяйства.

2. Другой характерной чертой было появление в Римской империи (ср.: 18, р. 203) имперской «сверхмонополии», Ее появление было результатом конкурентной борьбы и явлений перепроизводства (19, с. 34 сл., 38 сл., 48). Эта «сверхмонополия» привела сначала к замедлению, а во II в. н. э. – и к полной остановке научно-технического прогресса (20, р. 532-533). К III в. н. э. это приводит Империю к глубокому кризису. Положение усугублялось тем, что предпринятая в I-II вв. н. э. попытка заменить рабский труд трудом свободных колонов не увенчалась успехом. Труд рабов до самого падения Зап. Римской империи (а в Восточной империи – и позже) продолжает сосуществовать со свободным трудом. Он определяет норму эксплуатации свободных работников и способствует их закреплению (19, с. 48 сл.).

На варварской «аграрной периферии» античного мира к моменту «Великого переселения народов» имеют место следующие явления:

1. В лице кочевников-гуннов складывается «варварский резерв», способный «варваризовать» всю «аграрную периферию». Сущность этой варваризации состояла, прежде всего, в сплочении всей «мировой деревни» для борьбы против эксплуатировавших ее «мастерских мира». Из всех варваров кочевники, в силу вышеперечисленных особенностей их экономики, подвергались наибольшей эксплуатации. Эксплуатируемая «мастерскими мира» оседлая часть варваров стремилась компенсировать себя неэквивалентным обменом с кочевниками, без которого эти последние не могли существовать. Именно поэтому «чистые» кочевники являлись авангардом варваров в их борьбе против «мастерских мира» и составляли «варварский резерв» всего остального варварского мира.

2. К рассматриваемому нами моменту в «мастерских мира» происходит остановка научно-технического прогресса. Это позволяет «аграрной периферии» достигнуть такого уровня развития, при котором она может вступить с ним в борьбу, обладая определенными шансами на успех. Ускорению развития «мировой деревни» способствует воздействие на нее ростовщического капитала «мастерских мира» (17, с. 198 сл.)

Конечной целью борьбы «аграрной периферии» была полная ликвидация паразитирующих на ней «мастерских мира» (4, с. 33 сл.).

Падение Зап. Римской империи под ударами «Великого переселения народов» имело, на наш взгляд, следующие решающие последствия для дальнейшей истории Зап. Европы:

1. Полное уничтожение значительной части главных «мастерских мира» и ослабление тех, которые уцелели после нашествия варваров (4, с. 35).

2. Ликвидация «сверхмонополии», которая привела к рассредоточению средств производства и ликвидации прежних господствующих классов (ср.: 21, т. 21, с. 154; т. 19, с. 501 сл.).

3. Падение Зап. Римской империи привело к разрушению всей существовавшей ранее экономической, социальной и политической системы. На первых порах Зап. Европа была отброшена далеко назад.

4. Результатом «Великого переселения народов» на Западе была натурализация хозяйства. Она на длительное время стерла экономические и культурные различия между «аграрной периферией» и подвергшимися разрушению «мастерскими мира». В сущности после «Великого переселения народов» в варварских королевствах на римской почве заново начался процесс классового образования и складывания государственности. Фактически общественная организация этих королевств была ничем иным, как «военной демократией», «chiefdom» с некоторыми лишь особенностями, порожденными наличием римского субстрата (ср.: 14, с. 175).

5. С гибелью Зап. Римской империи и ликвидацией там «сверхмонополии» снова стала возможна конкурентная борьба и открылся путь для научно-технического прогресса. В конечном счете крушение античной цивилизации под натиском варваров, приведшее сначала к глубочайшему упадку хозяйственной и культурной жизни, было необходимой предпосылкой для перехода европейского общества на новую, несоизмеримо более высокую ступень развития.

Рассмотрим теперь другой из интересующих нас случаев воздействия миграции кочевников – падение в XII в. до н. э. микенской цивилизации. Так же, как падение Зап. Римской империи, крушение микенских государств Балканской Греции было делом варваров, вероятнее всего – «народов моря» (22; 23; 24). Есть серьезные основания полагать, что во вре-

мя нашествия «народов моря» на страны Передней Азии застрельщиками этого движения были кочевники (25, с.13сл.; ср.:23). В.В. Струве пишет по этому поводу: «Авангарды этих племен появляются на островах Эгейского моря, а затем эти волны «народов моря» (так их называют египетские тексты) перекидываются на материк... На египетских изображениях видно, как арбы, запряженные быками, тянут за войском семьи этих народов» (26, с.204). В этих «тяжелых арбах», следующих за войском, легко узнать кибитки на высоких колесах – неизменный атрибут быта кочевников-коневодов (4, с.П). Имеются все основания полагать, что в кочевом обществе в период нашествия «народов моря» происходили некоторые процессы, весьма схожие с теми, которые имели место в период «Великого переселения народов». В пользу этого может свидетельствовать крайний консерватизм и застойность экономических, социальных и политических форм, сохранявшихся неизменными со времени складывания кочевого хозяйства и почти до наших дней. Зстойность экономики чисто кочевого скотоводческого хозяйства лучше всего иллюстрируется тем фактом, что численность гуннов и количество их скота на территории Монголии во II в. до н. э. были те же, что и численность монголов и их скота на той же территории в 1918 г. (27, с.40сл.; с.134). Это даже позволяет некоторым современным ученым полностью или частично отрицать поступательный характер развития кочевых обществ (ср. 29, р. 3–5; 8, с.273сл.).

Египетскими изображениями засвидетельствовано, что кочевое сухопутное войско «народов моря» сопровождал военный флот. Нет оснований сомневаться, что экипаж этого флота состоял из оседлых варваров, которые, видимо, были вассалами--данниками кочевой части «народов моря». Известен подобного рода комбинированный поход во время нападения аваров на Константинополь в 626 г. при императоре Ираклии: аваров сопровождал флот данников-славян (30, с.690сл.).

Таким образом, с определенным основанием можно считать, что в XIV–XIII вв. до н. э., как и в IV–V вв. н. э., под воздействием кочевников происходит объединение варваров, направленное против тогдашних цивилизованных центров древнего Востока.

Что касается центров древневосточной цивилизации (есть все основания считать микенские государства государствами

древневосточного типа; ср. 31, с. 185 сл., 279 сл.), то в них происходили процессы, если и не тождественные, то подобные тем, которые имели место в античном мире накануне «Великого переселения народов».

1. Как развитые торгово-промышленные центры Римской империи эксплуатировали и угнетали варварскую периферию, так и благосостояние и цивилизованных стран древнего Востока зависело от военно-политического или связанного с неэквивалентным обменом ограбления соседних варваров.

Отлично известны грабительские походы и завоевания египтян в Сирии, Палестине и Нубии, завоевания хеттов, вавилонян и ассирийцев на территориях менее развитых народов. Примером ограбления отсталых варваров с помощью неэквивалентного обмена могут служить отношения древнейшего Ашшура с населением Каппадокии, в поселениях которой

мы впервые встречаем систему ассирийских сеттельментов с правом экстерриториальности (26, с. 239 сл., ср. 32). Как в Римской империи в последний период ее существования складывается императорская «сверхмонополия», так и в государствах древнего Востока складывается «сверхмонополия» в форме государственно-храмового сектора хозяйства (33, с. 11 сл.).

2. Точно так же, как императорская «сверхмонополия» в Риме, государственно-храмовая «сверхмонополия» на древнем Востоке препятствует научно-техническому прогрессу. Свидетельством тому является резкий и неожиданный переход от бронзы к железу в греческом мире после крушения микенских государств (34, р. 71).

3. Как Великое переселение народов», вторжение «народов моря» ликвидировало государственно-храмовую «сверхмонополию на территории микенских государств.

4. Так же как «Великое переселение народов» захлебнулось у границ Восточной Римской империи, «народы моря» были отражены от границ Египта фараоном Мернепта.

5. Как вслед за падением Зап. Римской империи следует «скачок назад» – раннее средневековье, так за крушением микенских государств следуют так называемые «Темные века», когда в Греции была забыта письменность, умение возводить каменные строения, утеряны многие навыки в области металлургии (35, р. 237; 36, р. 19; 37; 38, р. 10).

6. Как и после падения Зап. Римской империи, после гибели микенских государств начинается процесс повторного классового образования и воссоздания государственной организации (39, с. 5 сл.; 40, с. 9 сл.).

7. Как после «Великого переселения народов», так и после нашествия «народов моря», оседлое общество переходит в конечном счете на новую, более высокую ступень развития: в одном случае от патриархальной фазы рабовладельческих отношений к развитой античной (41, сл.57–176), во втором случае от рабовладения к феодализму.

Таким образом, рассмотрев оба приведенные случая воздействия миграций кочевников на развитие оседлых обществ, мы с определенным правом можем утверждать, что оба эти случая, хронологически весьма далеко отстоящие друг от друга, имеют: 1) сходные причины, 2) сходный механизм процесса и 3) сходные последствия.

1. «Чистыми» кочевниками принято считать кочевые общества, совершенно не затронутые процессом седентаризации, например, монголов. См. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. с.3–5.
2. Исключения составляют: арабский историк и политический деятель XIV в. Ибн Халдун (3; 4) и К. Маркс (5).
3. Бациева С. М. Бедуины и горожане в «Мукаддима» Ибн Халдуна.– В кн.: Очерки истории арабской культуры X–XV в. М., 1982.
4. Селецкий Б. П. Методическое пособие к спецкурсу «Некоторые проблемы современного кочевниковедения». Псков, 1986.
5. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 12.
6. Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
7. История таджикского народа, т.1.
8. Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975
9. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
10. История Киргизии, т. 1.
11. Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов, М., 1951.
12. Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. – СЭ, 1971, №1.
13. Першиц А. И. К вопросу о саунных отношениях.– В кн.: Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. М., 1973.
14. Васильев Л. С. Протогосударство chiefdom как политическая структура. — Народы Азии и Африки, 1981, № 6.
15. Ельницкий А. А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977,
16. Полянский Ф. Я. Экономическая мысль древней Греции. М., 1974

17. Селецкий Б. П. О римском ростовщическом капитале за пределами Римской державы и его влиянии на «варварскую» периферию. –Klio, В. 63, 1981, Н. 2.
18. Miller J. J. The Space trade of the Roman Empire. Oxford, 1969.
19. Селецкий Б. П. Методическое пособие к спецкурсу «Некоторые проблемы римской экономики I в. н. э. и политико-экономические взгляды Плиния Старшего в Естественной истории». Псков, 1987.
20. Rostovtzeff M. The social and economic History of the Roman Empire, Vol. I. Oxford, 1957.
21. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, т. 21.
22. Desborough V. R. The last Mycenaean and their successors. Oxford, 1964.
23. Buck J. The Mycenaean time of troubles.– Historia, 1969, XVIII, No 3.
24. Kimming W. Seevölkerbewegung und Urnenfeldkultur. — In: Studien aus Alteuropa, Т. 1. Köln, 1964.
25. Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1974.
26. Струве В. В. История древнего Востока. М., Л., 1941,
27. Таскин В. С. Скотоводство сюнну по китайским источникам. М., 1968.
28. Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921.
29. Krader L. Social organisation of Mongol Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1968.
30. Успенский Ф. И. История Византийской империи, т. I, 1912.
31. Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции.
32. Lewy H. A. On Some Institutions of the Old Assirian Empire. – Hebrew Union College Annual, 1956, 27.
33. Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства. –В сб.: Античный полис. Л., 1979.
34. Snodgrass A. M. Early Greek Armour and Weapon from the end of the Bronze Age to 600 B. C. Edinburgh, 1964.
35. Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971.
36. Coldstream J. N. Geometric Greece. London, 1977.
37. Desborough V. R. The Dark Ages. Oxford, 1972.
38. Jefferey L. H. The local scripts of Archaic Greece. London, 1961.
39. Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социального и политического развития Греции в XI—VIII вв. до н. э. – Автореф. докт. дисс. Л., 1979.
40. Андреев Ю. В. К проблеме послемикенского регресса. – ВДИ, 1985, №3.
41. Sisova J. A. Zum Übergang von der patriarchalischen zur entwickelten antiken Sklaverei. – Klio, В. 62, 1980, Н. 1.

**СРЕДНЯЯ АЗИЯ И АНТИЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ,
ИХ ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХАРАКТЕР**

Племена, проживающие на землях современных среднеазиатских республик, уже на заре цивилизации были связаны этнически и культурно с населением соседних регионов – Иранского плато и древнейшего Двуречья (Месопотамии), Индийского субконтинента и Великой степи, т. е. Евразийского степного коридора. Нащупывается, как будто бы, и возможность связи культур расписной керамики Средней Азии и Китая. Вполне вероятны и какие-то контакты древнейшей среднеазиатской цивилизации (и ее периферии) с носителями древнейших культур Причерноморья. Во всяком случае, достаточно широко распространено мнение о том, что оба эти региона были затронуты миграциями индоевропейских и арийских (индоиранских) племен.

Более определенными становятся сведения о связях Средней Азии после завоевания ее основных областей в VI–V вв. до н. э. раннеахеменидскими царями Киром II Великим и Дарием I, фактически создателем Ахеменидского «царства-стран». Вхождение в состав этого могущественного царства, протянувшегося от берегов Инда и Сырдарьи до Ливийской пустыни, привело к более близкому знакомству среднеазиатских народов с населением Переднего Востока, в том числе и с эллинами. Среднеазиатские воинские контингенты в составе ахеменидских армий участвовали почти во всех основных битвах в греко-персидских войнах. Те из участников этих походов и битв, кому посчастливилось вернуться на родину, могли сообщить своим сородичам достоверные сведения и о греках – материковых, островных и малоазийских, в том числе, возможно, и причерноморских, и принести среди военной добычи изделия греческих умельцев.

Помимо кратковременных «боевых контактов» мы вправе предполагать и более длительные мирные встречи представителей среднеазиатских народов и народов Причерноморья. К сожалению, и в данном случае говорить об этом можно лишь предположительно, т. к. наука пока располагает сведениями о контактах между среднеазиатскими народами – бактрийцами, хорезмийцами, согдийцами и жителями разных частей Ахеменидской державы, и только одним-единственным сообщением о среднеазиатско-причерноморских контактах: рас-

сказом историка походов Александра Македонского Арриана о прибытии к великому завоевателю в Самарканд Фарсмана, царя Хорезма (эта область отпала от Ирана еще до прихода Александра), чьи владения якобы граничили с землями племени колхов и амазонок, и обещавшего в случае, если Александр того пожелает, «ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвксинского моря», и быть ему проводником» (Арриан, IV, 15, 4). Другой историк походов Александра Курций Руф также сообщает о прибытии в Самарканд к македонскому завоевателю главы Хорезма, называет его Фратаферном и, что для нас особенно важно, ничего не говорит ни о колхах и амазонках, ни об Эвксинском море (Курций Руф, VIII, 8). Скорее всего, расхождения в деталях между рассказами Арриана и Курция Руфа объясняются, помимо ошибочного смешения Сырдарьи с Танаисом и представления о соседстве Хорезма с Причерноморскими областями, еще и особенностями античных исторических сочинений того времени, авторы которых во имя занимательности спокойно шли на придумывание имен действующих лиц и деталей повествования. Иначе говоря, свидетельство Арриана вряд ли заслуживает полного доверия.

О контактах Средней Азии с Греческим (и причерноморским) миром в ахеменидскую пору не могут свидетельствовать с достаточной определенностью и находки в среднеазиатских областях древнегреческих изделий и монет. Все больше аргументов приводится в последние годы в пользу того, что такие находки, в частности в знаменитом Амударьинском кладе, могли попасть в Среднюю Азию не обязательно при Ахеменидах, но и при (или даже после) походах Александра. В свете известных сейчас данных контакты между народами Средней Азии и другими частями державы Ахеменидов, а тем более с греческим миром и Причерноморьем, представляются как достаточно случайные.

При Александре Македонском и его преемниках – ранних Селевкидах, филэллинских царях Парфии и «греческих царях Бактрии и Индии» прямые контакты между представителями среднеазиатских народов и греками становятся весьма частыми. Даже не говоря о том, что жена македонского царя бактрианка Роксана и ее сын – наследник Александра, с достаточно, вероятно, многочисленным окружением обосновались в столице империи Александра – Вавилоне, там же

оказались и среднеазиатские контингента его войск. Вспомним и о массовых браках его военачальников и простых воинов со среднеазиатскими женщинами. Известно и о расселении Александром в Средней Азии значительных групп греков и македонцев, и об эллинизации местной среднеазиатской знати, особенно в Бактрии и в Парфии, и о весьма широком использовании в храмах и городских центрах Средней Азии произведений греческого (и более широко – эллинистического) искусства. Достаточно вспомнить открытый Д. Шлюбмерже и много лет раскапывавшийся французскими археологами во главе с П. Бернаром «эллинский город в Центре Азии» — городище Ай Ханум на севере Афганистана на границе с Таджикистаном, близ слияния рек Пяндж и Кокчи.

Однако, несмотря на политическое господство в Греко--Бактрийском царстве – греков, а в Парфии и на родине парфян – Парфии, – эллинизированной или грекофильской местной знати, несмотря на господство эллинской культуры, религии, философии, языка и, в известной мере, эллинского образа жизни в городских центрах типа Ай Ханума, ни Греко-Бактрийское царство ни, тем более, Парфия, не были в полном смысле слова эллинскими. Наряду с сильной эллинской и эллинистической струей в городах, в этих областях существовала многочисленная общинная среда, где, насколько об этом позволяют судить известные сейчас материалы, сохранялся традиционный быт и старые местные культура, религия и искусство. Обе эти среды сосуществуют и каждая из них развивается в значительной степени независимо друг от друга. И лишь тогда, когда власть греческих царей в Бактрии и грекофильской знати в Парфии будет низвергнута, а эллинистическая культура перестанет восприниматься как не только иноземная, но и «инословная», ее усвоение местным населением пойдет быстрее, а культура среднеазиатского общества станет более синкретичной и более богатой. Но это произойдет уже не в эллинистический, а в следующий за ним «имперский период древней истории», как назвал время с I в. до н. э. по III–IV вв. н. э. известный исследователь Средней Азии С.П. Толстов.

«Имперскому периоду» предшествовала мощная волна миграций в Великой степи скотоводческих и кочевых племен из Глубинной Азии. Причин у этих миграций было, вероятно, немало, но далеко не последними из них являлись, по-видимому, подмеченные Л. Н. Гумилевым, климатические

изменения, связанные с гетерохронностью увлажнения аридной зоны Евразии. Мощный натиск кочевников обрушился тогда и на Среднюю Азию, и на Парфянский Иран, и на Северное Причерноморье и Северный Кавказ. Под ударами степных племен пали тогда Греко-Бактрийское царство в Средней Азии и Позднескифское царство в Северном Причерноморье. Более чем вероятно, что в этих событиях в обоих регионах участвовали близкие и по этносу (сатархи – тохары по Ю. М. Десятчикову) и по культуре (С. А. Яценко) племена. Расселение этих и других племен по Великой степи на пространствах между Средней Азией и Причерноморьем создало, в частности, предпосылки для появления степных трасс между этими регионами.

В «имперский период», когда квартет великих держав древнего мира – Рим, Парфянский (а затем и Раннесасанидский) Иран, Кушанское царство и Ханьский Китай, – поделили между собой почти все передовые в культурном отношении страны и области Старого Света от Британии до Тихого океана, в условиях наивысшего в древности расцвета экономики, культуры и разнообразных связей, впервые в истории человечества осуществлялись не только опосредствованные, но и прямые контакты между самими, казалось бы, отдаленными друг от друга странами и народами. Для этого периода мы вправе определенно говорить и о вполне регулярных контактах между древней Средней Азией и античным Причерноморьем.

Вопрос о путях, по которым осуществлялись эти контакты в «имперский период», сейчас, в основном, прояснился. Общепризнано существование тогда двух южных трасс, связывавших все четыре древние империи: морской — из египетских портов на Красном море в Индию и, вероятно, на Цейлон, в Индокитай и Южный Китай, и трансконтинентальной – Великого Шелкового пути из Ханьского Китая через Центральную, Среднюю и Переднюю Азию в нынешнюю Сирию. Для нас особо интересны более северные пути, соединявшие Среднюю Азию непосредственно с Причерноморьем-

Таковы водный путь из Бактрии по пересохшему ныне каспийскому руслу Амударьи (Оксана-Вахша) – Узбою, Каспию, реке Куре через Закавказье, и степной путь, огибавший Каспий с севера и идущий в Северное Причерноморье и, идущий в Северное Причерноморье и вероятно, на Кавказ (доходил ли он до берегов Черного моря, пока не ясно, хотя

это вполне возможно). О функционировании в древности водного пути по Узбою свидетельствуют античные авторы и новейшие археологические данные. Степной путь возник, очевидно, на трассах перекочевков и миграций центрально- и среднеазиатских скотоводческих племен в Поволжье и далее на запад и юго-запад. Письменные источники определенно документируют его существование в раннем средневековье, археологические же данные (ханьская надпись на надгробии в Крыму, находки китайских вещей, бус амулетов из Причерноморья и подражаний римской посуде в Средней Азии и т. п.) говорят о возникновении его в первые века н. э.

Оба эти пути обеспечивали непосредственные живые контакты и обмен товарами, людьми, культурными достижениями между жителями Средней Азии и римского мира (в том числе и Причерноморья), а также Китая и Ирана. Роль степных скотоводческих племен, через земли которых осуществлялись эти связи, – выступали ли они активными участниками их или ограничивались посредничеством и взиманием пошлин, – еще не совсем ясна.

Т. М. Кузнецова

ГРЕКО-СКИФСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД АРХАИКИ

По мнению большинства исследователей греко-скифские отношения в Северном Причерноморье в архаический период (VII–VI вв. до н. э.) носили мирный характер и обострились лишь в V в. до н. э. Это мнение базируется на отсутствии документальных материалов, однако есть основание предполагать, что греко-скифские отношения в регионе изначально носили конфликтный характер, который наиболее ярко проявился в более позднее время.

Время начала взаимоотношений между греками и скифами на северных берегах Понта определено в значительной степени условно. Около приходится на середину VII в. до н. э., что подтверждается археологическими материалами с Березанского поселения, к достижает наибольшего размаха на рубеже VII–VI вв. до н. э. и в первой пол. VI в. до н. э., когда возникают Ольвия, Пантикапей, Нимфей, Мирмекий и др. Ведущая роль в колонизационной деятельности в этом регионе принадлежала Ионии и, особенно, Милету (1, с.370; 2).

Отсутствие документальных материалов о конфликтной ситуации между греками и скифами в Северном Причерноморье, появление фортификационных сооружений на побережье только в первой пол. V в. до н. э., однако, может указывать не столько на мирный характер взаимоотношений греков и скифов, сколько на отсутствие в указанное время одной из сторон, участвовавшей в этих взаимоотношениях. И если греки в рассматриваемом регионе так или иначе засвидетельствованы уже в VII в. до н. э., то о скифах в это время с той же уверенностью сказать нельзя, так как не только нет письменных свидетельств, но и памятники этого времени в степи пока не превышают десятка; и это несмотря на усиливающуюся в настоящее время тенденцию к удревнению памятников скифской архаики (3; 4; 5).

Значительно большее число памятников этого времени с предметами «скифского типа» насчитывается в лесостепной зоне Северного Причерноморья, что часто объяснялось влиянием степных скифов-кочевников. Диспропорция, несмотря на постоянное и значительное увеличение общего объема археологического материала VII – нач. III в. до н. э. в этих районах, все еще сохраняется. Это обстоятельство привело исследователей к необходимости поставить справедливый вопрос о принадлежности части лесостепных памятников собственно скифам. «Пустота» степи в период скифской архаики, которая, безусловно, требовала и требует объяснения, позволила предположить наличие скифского населения на Северном Кавказе, где по мнению многих исследователей, скифами был создан плацдарм для походов в Малую и Переднюю Азию. Не так давно С. А. Скорым и С. С. Бессоновой было высказано мнение, что с Кавказа же шло и проникновение скифов в лесостепную зону Северного Причерноморья, причем исследователи выделяют три волны в рамках между серединой VII в. до н. э. и серединой (второй пол.) VI в. до н. э. (6).

При таком подходе «пустота» скифской Северопричерноморской степи находит хоть какое-то объяснение, хотя оно, для второй пол. VII и нач. VI вв. до н. э., не подтверждается письменными источниками, не говоря уже о том, что собственно скифские памятники выделены пока только по региональному признаку, указанному источником более позднего вре-

мени, без подробного обоснования их культурной принадлежности.

Предпринимая попытки выделения собственно скифских и инокультурных черт и элементов в памятниках Евразийского пояса степей, соотносимых с древностями так называемого скифо-сибирского мира, удалось прийти к выводу о многократных вторжениях с востока в Северное Причерноморье народа, который у греков получил название «скифы». Причем, время пребывания их в Северопонтийском регионе в различные периоды имело различную продолжительность.

Одно из первых проникновений «скифов» в район Понта Эвксинского относится, по всей видимости, ко второй пол. – концу VII в. до н. э. Оно шло из районов Приаралья и носило непродолжительный характер. В результате этого вторжения в Северопричерноморской лесостепи, на правом берегу Днепра, погибли и прекратили свое существование чернолесские городища. Важно, что в это же время на о. Березень появляется поселение, и возникает оно, в отличие от последующих греческих городов, на хорошо защищенном естественными рубежами месте, что, вероятно, свидетельствует о наличии внешней опасности. В соответствии со сведениями Геродота, «скифы» не задержались в Причерноморье, ушли в Малую и Переднюю Азию через Кавказ и вторглись в Мидию в то время, когда Киаксар осаждал Ниневию. Скифское войско вступило в Мидию, где, в бою победив мидийцев, завладело «всей Азией» (Herod., IV, 103–104) и, одержав победу над теми, кто оказал им сопротивление, положило начало несправедливости (Herod., IV, 1).

Таким образом, три различных события (гибель черно-лесских памятников, возникновение Березанского поселения и гибель Ниневию), датированных по различным принципам, оказываются синхронными и могут быть объединены, согласно источнику, походом «скифов» с востока, через Причерноморье в Малую и Переднюю Азию.

В этот период говорить о характере греко-скифских отношений трудно, во всяком случае, для Северного Причерноморья, однако в Малой Азии «скифы» оставили о себе славу разбойников и грабителей, разорявших народы довольно обширного региона, что вряд ли свидетельствует о возможности мирных контактов с греками.

К VII – второй пол. VI вв. до н. э. относится уже отмеченное исследователями появление укрепленных поселений в лесостепной зоне Северного Причерноморья, а также следы пожарищ и запустения на них. К этому же времени, как представляется, относится и появление в пограничье степи и в лесостепной зоне памятников с «архаичными скифскими чертами», «кавказской окраской» и восточными предметами; на что уже обращали внимание исследователи. При этом несколько ранее, как уже говорилось, на побережье Черного моря возникает значительное число греческих поселений, не имевших оборонительных укреплений. О контактах греков с жителями, населявшими лесостепной регион, свидетельствует Геродот, который отметил, что в этой зоне был выстроен город Гелон, а жителями его были эллины, покинувшие в древности свои гавани и поселившиеся у будинов (Herod., IV, 108). Это, а также античные материалы в памятниках лесостепи, указывают на наличие мирных отношений греков с аборигенным населением лесостепного района, причем «скифов» к моменту установления этих контактов, по всей видимости, не было в это время ни в степи, ни в лесостепи.

Трудно предположить, что греки, познакомившись со «скифами» во время их пребывания в Малой и Передней Азии и зная об их присутствии в Северном Причерноморье, начали выводить свои колонии на северный берег Понта, к опасному и подвижному соседу. Как отмечают исследователи, жители Милета должны были знать этнополитическую ситуацию в осваиваемых ими регионах, и в Северном Причерноморье в том числе. Поскольку усиление процесса колонизации в Северопонтийском районе оказывается синхронным времени пребывания «скифов» в Азии, мнение об их отсутствии в Северном Причерноморье в это же время представляется вполне закономерным.

В некоторой степени это подтверждается и «Объяснениями к «Одиссее» Гомера», составленными Евстафием, где, объявляя киммерийцев скифским племенем, перечислив все «дурные поступки» и киммерийцев, и скифов, автор объясняет этим «переселение» их Гомером в область «вечного мрака», в соседство Аида, следующим образом: «Поэтому певцы, не имея возможности повредить им иначе, вымышленным переселением отомстили за дурные поступки этого народа

вследствие всеобщей, говорят, вражды к ним ионийцев; а поэт, стоящий во главе этих певцов, также ионец» (7, с. 283). Изгнанные из Азии индийским царем Киаксаром «скифы» в 585 г. до н. э. вторгаются в Северное Причерноморье, о чем, видимо, свидетельствуют как укрепленные поселения в лесостепи и пожары на них, так и материалы «скифского облика», с «кавказской окраской» и восточными чертами. Именно это время, видимо, можно считать началом и греко-скифских контактов в Северном Причерноморье. Характер их можно расценивать как конфликтный, что и просматривается в «Истории» Геродота.

Геродот приводит два варианта этногонического предания скифов; один из них связан непосредственно со скифами, а другой обязан своему появлению грекам.

«Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в то время пустынной, человек, по имени Таргитай. А родители этого Таргитая... Зевс и дочь реки Борисфена» (Herod., IV, 5).

«Вот так рассказывают скифы о себе..., а греки, живущие около Понта, рассказывают следующее: Геракл, ..., прибыл в ту бывшую тогда пустынной землю, которую теперь населяют скифы. ... Когда Геракл прибыл сюда в страну, называемую теперь Скифией... кони из его колесницы... были таинственным образом похищены.» (Herod., IV, 8). Похитившая их ехидна (дева-змея) вернула коней только после того, как у нее родились от Геракла три сына (Herod., IV, 9) «Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них – Агафирс, следующему – Гелон и Скиф – самому младшему» (Herod., IV, 10).

Таким образом мы наблюдаем идентичность преданий, связанных с прохождением или появлением «скифов» на территории Северного Причерноморья, различающихся только по одному признаку: по определению этноса их первопретка, причем в греческом варианте предания — это греческий герой-бог, а в скифском – человек с не очень отчетливой этнической атрибуцией. Само появление двух вариантов этно-

нического предания, как бы противопоставленных друг другу, указывает если не на конфликт, то уж безусловно на спорность ситуации,

связанной с вопросом о первенстве в освоении указанной территории.

Подтверждением этому, возможно, являются данные Овидия, согласно которым богиня Деметра (Церера), наделив Триптолема знанием о земледелии, приказала ему распространить эти знания и в Европе, и в Азии. Выполняя поручение богини, Триптолему довелось побывать и в Скифии, где скифский царь Линк, желая стать первым «дарителем такого блага», как земледелие, решил убить Триптолема. Однако богиня, узнав о его намерении, превратила скифского царя в рысь.

Эти сведения, несмотря на свою мифологичность, свидетельствуют о конфликте между греками и скифами, связанном с борьбой за приоритет в освоении земледельческой зоны Северного Причерноморья. Причем конфликт, видимо, относится к архаическому времени, на что указывает некоторое созвучие имени мифологического скифского царя (Линк) с именем одного из царей в скифской генеалогии, известной по Геродоту (Лик), конец правления которого предположительно определяется VI в. до н. э.

Земледельческое (негреческое) население в указанное время в Северопонтийском регионе фиксируется только в лесостепной зоне, где для периода архаики известны и античные материалы и предметы, которые можно связать с появлением там «скифов».

По всей видимости, в мифах нашел отражение один из первых конфликтов, разразившийся не в пользу скифов, так как греческие колонии к моменту появления кочевников уже не только существовали, но и были достаточно сильны.

Отсюда следует, что вопрос о мирном характере взаимоотношений греков и скифов в Северопонтийском регионе требует дополнительной аргументации, так как он не находит положительного ответа ни в источниках, ни в археологическом материале.

1. Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье.— Античная Греция. Становление и развитие полиса, т. I. М., 1983.
2. Копейкина Л. В. Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на о. Березань.— СА. 1970, №3
3. Галаника Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов).— АСГЭ, вып. 24, 1983.
4. Петренко В. Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье.— КСИА, вып. 162, 1980.
5. Полін С. В. Хронологія раньоскифських пам'яток.— Археологія, 1987, т. 59.
6. Скорый С. А. Бессонова С. С. Некоторые вопросы ранней скифской истории и Украинская Лесостепь.— Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1983.
7. Евстафия объяснения к «Одиссее» Гомер.— ВДИ, 1947, № 1

А. В. Симоненко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

САРМАТОВ ТАВРИИ

Южная часть степей Северного Причерноморья, ограниченная с востока бассейном Большого и Малого Утлюков, с севера и северо-запада — нижним течением Днепра, с запада — Ингулом, с юга — предгорьями Крыма, включает такие различные по современной географической и топографической номенклатуре регионы, как Приазовье, Присивашье, Нижнее Поднепровье, степной Крым. В новое время эта территория носила название Таврия.

Исследованные здесь сарматские памятники относятся ко всем трем периодам сарматской культуры. Наиболее ранние погребения (22 пункта) появляются во II в. до н. э. В течение II — I вв. до н. э. на территории присивашских степей складывается определенная общность (племя?), имеющая стабильные признаки погребального обряда: впускные погребения в подпрямоугольных ямах, в основном в центре насыпи или в ее северной части, вытянуто на спине, ориентированные в северном полуокружении, с наличием напутственной пищи и определенным составом инвентаря (оружие прохоровских типов, среднелатенские фибулы, лепная и гончарная керамика, зеркала VI типа, бусы эллинистического времени) —

Синхронные им погребения на огромном пространстве от Дона до Приуралья ориентированы в южном полуокружении, что и составляет отличительный признак прохоровской культуры. Южная ориентация продолжает преобладать за Доном и позже, лишь в конце I в. до н. э. постепенно сменяясь северной. Единственная группа памятников, сопоставимая с таврийскими — североориентированные погребения II — I вв. до

н. э. в низовьях Дона (1, с. 155 сл.). Они тождественны и по деталям погребального обряда, и по составу и характеру инвентаря. Без сомнения, это памятники, оставленные одноэтничным, более того, родственным населением.

Хронологические рамки этих захоронений — это именно то время, к которому относятся данные декрета в честь Диофанта, где упоминаются роксоланы. Естественно предположить, что Палак искал союзников среди ближайших соседей — скорее всего, в степях за Перекопом. Коль скоро известно, что этими союзниками были роксоланы, логично идентифицировать с ними таврийские погребения. Если это так, то гипотетическая пока локализация роксолан Тасия «где-то в присивашских степях» (К. Ф. Смирнов) обретает почву не только в переносном, но и в прямом смысле.

Таким образом, сарматские памятники Таврии II — I вв. до н. э. с ориентацией в северном полуокружении, видимо, могут быть связаны с роксоланами. В этом случае очерчиваются границы обитания этого племени. На севере они доходили до Орель-Самарского междуречья (Соколово), на северо-востоке — до бассейна Северского Донца (Ставки, Александровск), на востоке уходили в Задонье.

Последнее обстоятельство несколько корректирует данные Страбона, помещавшего роксолан «между Борисфеном и Танаисом». Западной границей был Днепр. Трудно сказать, мешали ли сарматам перейти его позднескифские городища. Судя по отсутствию каких-либо следов осады или штурмана, сарматы не пытались этого делать. Кроме того, наличие на правом берегу Днепра — правда, редких — погребений этого времени (Львово, Бургунка, Кут) и следов походов сарматов далеко на Правобережье, в земли зарубинецкой культуры (2, с. 68), говорит о том, что сарматы в течение, по крайней мере, I в. до н. э. имели возможность форсировать Днепр и проникать на Правобережье.

Об их дальних (вплоть до Дуная) походах говорят античные источники. По сообщению Диона Кассия (60, 30, 3) в 16 г. до н. э. Гай Луций отбросил от Дуная сарматов. Археологическими свидетельствами этих походов могут быть находки фаларов из Галиче, Щёрца-Суркеа (3, с. 70) и Твардицы (по В. С. Бейлекчи), а также погребения со среднелатенскими фибулами в Никольском (по С. А. Агульникову) и Холмском

(4, с.21 – 24). Аналогии названным фаларам есть только на одной территории – в Северо-Восточном Причерноморье. Это известные «клады» из Янчокрака, Балаклеи, Старобельска, Таганрога, Булаховки, ряда пунктов на Кубани.

Помимо североориентированных, на исследуемой территории есть несколько раннесарматских погребений с южной ориентацией, ничем другим от первых не отличающихся. Известны они севернее и восточнее (Фрунзе, Аккермень). Как уже говорилось, южная ориентация характерна для синхронных захоронений Азиатской Сарматии. На исследуемой территории письменные источники в числе наиболее ранних обитателей, кроме роксолан, называют языгов (Страбон, VII, 7. 4). В первом десятилетии н. э. Овидий, сосланный в Томи, пишет о языгах как обитателях степей к северу от Дуная. Примечательно, что наиболее ранние погребения Северо-Западного Причерноморья (Никольское, Холмское, Беляевка, Островец, Ст. Дубоссары), которые некоторые исследователи (3, с.71; 5. с.98) связывают с языгами, ориентированы в южном полушарии. Очень интересные результаты дают наблюдения за сарматскими памятниками венгерской пушты. Они появляются там около 50 г. н. э. (3, с.77) и бытуют до нач. IV в. н. э. Именно в связи с событиями 50 г. (война квадов против гермундуров и лугиев) впервые на территории Паннонии упоминаются языги — Ванний использовал их конницу. По А. Вадаи и В. Ф. Генингу большинство погребений между речья Дуная и Тисы I–IV вв. н. э. ориентировано в южном полушарии, северная ориентация единична и отмечена только в поздних. В то же время в Северо-Западном Причерноморье, начиная с середины I в. н. э. (время ухода языгов в Паннонию), южная ориентация почти исчезает, и доминирует северная. Да и на остальной территории северопонтийских степей в I в. н. э. устанавливается господство северной ориентации. Иными словами, мне видится вероятной связь южноориентированных погребений с языгами. Относительная изоляция их в венгерской пушты и небольшой приток новых обитателей с востока способствовали консервации в среде венгерских сарматов обычаев предков, в том числе и ориентации погребенных в южном полушарии.

В раннесарматское время Таврия была одной из первых территорий, освоенных сарматами после прихода их во II в. до н. э. на земли бывшей Скифии. Концентрация погребений

в степях севернее Перекопа очерчивает ареал раннесарматских племен — роксолан и языгов. Отсутствие в Крыму погребений этого времени говорит о том, что по каким-то причинам сарматы не занимали степи южнее Перекопа. Скорее всего, позднескифское объединение, достигшее во II – I вв. до н. э. пика своего развития, контролировало крымские степи, не давая возможности сарматам проникать туда. Союз Тасия и Палака говорит о том, что между этими племенами должны были существовать мирные отношения, исключавшие насильственный захват чужих земель. Вряд ли у сарматов была серьезная вражда и с нижнеднепровскими поздними скифами. Отсутствие на их городищах явных следов разрушений и данные о походах сарматов за Днепр говорят либо о союзе их со скифами, либо о политическом подчинении последних сарматам.

Погребения I – нач. II вв. н. э. в Таврии наиболее многочисленны (86 пунктов). Появляются ранее неизвестные здесь погребения знати (Давыдов Брод, Ногайчинский курган), свидетельствующие об окончательном «обретении родины» сарматами и формировании в таврийских степях какого-то племенного домена. Количественное увеличение погребений, безусловно, связано с притоком нового населения, а восточные элементы в некоторых памятниках (Первоконстантиновка – 86, 1/2; 1/5; Давыдов Брод, Ногайчинский курган) отмечают переселение сюда с востока их носителей.

Вместе с тем в развитии сарматской культуры Таврии этого периода наблюдается некоторое своеобразие. Прежде всего, оно проявляется в сохранении культурных традиций предшествующего времени. По-прежнему все погребения впущены в более ранние курганы, сохраняются даже такие детали ритуала, как тенденция к захоронению в центре насыпи и в северной поле ближе к центру. Достаточно отчетливо в этом плане изучаемая территория противопоставляется соседним регионам (Приазовье, Орель-Самарское междуречье, район порогов на Правобережье), где возникают крупные компактные могильники с основными погребениями – Молочанский, Подгороднянский, Усть-Каменский. По своей структуре и набору признаков они удивительно близки, с одной стороны – между собою, а, с другой – одновременным и однотипным могильникам междуречья Дона и Волги и Заволжья. Без

сомнения, названные территории были исходными пунктами для продвижения носителей этой традиции в Причерноморье. В этих могильниках одним из ведущих типов погребального сооружения является квадратная яма с расположением погребенного по диагонали, превалирует ориентация в южном полукруге. Ничего подобного мы не наблюдаем в достаточно полно исследованной Таврии. Создается впечатление, что население, оставившее названные могильники (Д.А. Мачинский связывает его с аорсами; 6. с. 131), обошло Таврию с северо-востока. Если принять предложенную выше идею о связи населения последней с роксоланами, то, судя по всему, в I в. н. э. они удерживали за собой прежнюю территорию. Я сделал попытку, ограниченную возможностями датирующего материала, выделить из общего массива памятников I – первой пол. II вв. н. э. погребения первой пол. I в. В такую группу вошло 9 погребений (Волчанск 7/1; Новогригорьевка, 1/17; Водославка; Подовое; Сергеевка, 4/1; Балтазаровка; Черноморское 1/7; Вольная Дружина; Чкалово 1/2). Основанием для датировки послужила взаимовстречаемость проволочных подвязных фибул 1 варианта I серии (по А. К. Амброзу) с некоторыми типами бус. Прежде всего, А. К. Амброз предполагает первую пол. I в. н. э. как время бытования этих фибул (7, с.48). В Поволжье, однако, по мнению А. С. Скрипкина, они бытуют на протяжении всего столетия (8, с. 105). Не исключено, что в столь отдаленных от центров производства районах использование вышедших из моды фибул продолжалось. В погребениях Таврии такая фибула встречена в Сергеевке с бусами II – I вв. до н. э. типов 163, 19, 5 (9, с.32, 72). Учитывая даты А. К. Амброза и Е. М. Алексеевой, в один комплекс они могли попасть не позднее рубежа – первой пол. I в. н. э. В остальных погребениях с такими фибулами, к сожалению, не встречен материал, который бы позволил сузить их дату, поэтому они выделены условно, только на основании даты А. К. Амброза для фибул (Новогригорьевка, 1/17; Водославка; Балтазаровка; Черноморское, 1/7; Вольная Дружина). Возможно, к первой пол. I в. н. э. относятся погребения в Чкалово (1/2) и Подовом. В них найдены красноглиняные сосуды, расписанные белой краской. Этот декоративный прием, зародившийся в эллинизме, использовался до середины I в. н. э. (10, с. 131). В Подовом, кроме того, найдена

фибула типа 5 подгруппы 2 (в целом I в. н. э.), а в наборе бус с широкой датой (римское время) есть бусина типа 354 – 357, все известные экземпляры которых датируются II – I вв. до н. э. (9, с.54). Наконец, наличие в богатом ожерелье из Волчанска (7/1), наряду с бусинами I в. н. э. экземпляров II – I вв. до н. э. также не исключает для него дату первая пол. I в. н. э.

Все названные памятники по своим признакам практически не отличаются от могил предшествующего времени. Они совершены в прямоугольных или подпрямоугольных ямах (лишь в Балтазаровке — в яме с подбоем), ориентированы в северном полукруге (4 – СВ, 2 – СЗ, 3 – С), часть из них сопровождалась напутственной пищей. Столь малая выборка, обусловленная невозможностью сузить дату погребений I в. н. э., тем не менее демонстрирует продолжение обрядовых норм раннесарматского времени (впрочем, они фиксируются во всем остальном массиве погребений этой хронологической группы, исключая южноориентированные). Здесь не лишне вспомнить предложенное мной в дискуссионном порядке изменение традиционной периодизации сарматской культуры (11, с. 119). Оно сводилось к тому, что по всем основным параметрам раннесарматский этап, верхняя дата которого уже отодвинута до рубежа н. э. (12. с. 56; 13. с. 231), следует продлить до середины I в. н. э. Иными словами, судя по археологическим памятникам, смена населения и, соответственно, культурных проявлений, произошла во второй пол. I в. н. э. с приходом в Европейскую Сарматия восточных племен. Для Прикубанья это положение подтверждается исследованиями А. М. Ждановского, объединившего памятники конца III в. до н. э. – середины I в. н. э. в одну культурную группу. Как мы убедились, в Таврии наблюдается та же картина. Определенные инновации – в основном они проявляются в появлении вещей восточного облика – наблюдаются лишь со второй пол. I в. н. э., что согласуется с гипотезой о приходе в это время новой волны кочевников с востока (14. с. 35сл.). Однако, в большинстве своем те погребения Таврии, которые могут быть продатированы второй пол. – концом I в. н. э., также почти не отличаются от предшествующих. По-прежнему они впускные, в основном в подпрямоугольных ямах, умершие, как правило, уложены головой на С-ССВ,

Набор инвентаря стандартный (античная лепная посуда, зеркала VI типа, бусы римского времени, общесарматские типы оружия, раннеримские фибулы). Лишь в таких ярких памятниках, как Ногайчинский курган и Давыдов Брод, заметны восточные черты, да два южноориентированных погребения у Первоконстантиновки содержат типичную волго-донскую серолощеную посуду. Все эти наблюдения позволяют предполагать относительно самостоятельное развитие культуры сарматов Таврии (роксолан?) в I в. н. э., мало затронутое влиянием пришельцев с востока во второй пол. столетия. Разумеется, ни о какой изоляции не может быть и речи – определенную инфильтрацию в среду сарматов Таврии части восточного населения как раз и подтверждают названные памятники. Однако, судя по материалам сопредельных территорий, основная масса аорсов (если приход в Северное Причерноморье новой орды связывать с ними; 15, с. 77–78) прошла севернее Таврии и заняла Правобережье Днепра. Подтверждает преемственность культурных традиций таврийских сарматов и такая важная черта обряда, как ориентация. По-прежнему, большинство погребений (76,2%) ориентированы в северном полукруге. Для сравнения: в Орель-Самарс-ком междуречье ориентация погребенных в северном полукруге в это время практически в равной пропорции (16, с. 62), в Молочанском могильнике незначительно преобладает южная ориентация (17, с. 231), в Заволжье на рубеже I – II вв. оба сектора представлены поровну, а в междуречье Дона и Волги все еще доминирует (95 %) южная ориентация (18, с. 128).

В истории сарматов, населявших Таврию в I – II вв. н. э. существует еще один немаловажный аспект – взаимоотношений с позднескифским населением Нижнего Днепра и Крыма. В свое время я выделил два этапа перехода сарматов на правый берег Днепра (2, с. 56), подчеркнув, что массовое переселение сарматских племен приходится на рубеж – начало I в. н. э. Действительно, судя по материалам Калан-таевского и Усть-Каменского могильников, наиболее ранние погребения в них совершены в первой четв. I в. н. э. (19, с. 69; 20, с. 93). Первой пол. I в. н. э. датируется богатое погребение в Соколовой Могиле (21, с. 127). В этом движении на запад сарматы не могли миновать нижнеднепровских го-

родищ. О характере взаимоотношений их обитателей с сарматами высказано немало гипотез. Сложность установления истины обусловлена прежде всего малой степенью исследованности памятников. До сих пор практически полностью исследованными городищами поздних скифов можно считать лишь Знаменское, Гавриловское и Золотобалковское, могильниками – Золотобалковский, Красный Маяк, Николаевка. Результаты работ В. М. Зубаря и М. И. Абикуловой на Любимовском городище еще не введены в научный оборот.

Считается установленным, что жизнь на большинстве городищ Нижнего Днепра прекращается в нач. II в. н. э. (19, с. 73). Тогда же прекращают свое функционирование и большинство могильников, лишь на Николаевском и Краснояц-ком погребения совершаются вплоть до III в. н. э. включительно. Выше высказывалось предположение о том, что правобережные нижнеднепровские городища не подверглись разрушению на рубеже н. э. при массовом переселении сарматов за Днепр. На левом берегу в это время погибло только Знаменское городище, а Золотобалковское (находящееся практически напротив) обносится каменными оборонительными стенами.

Выделенные М. И. Вязьмитиной сарматские обрядовые черты в Золотобалковском могильнике, позволившие ей говорить о присутствии сарматского этнического элемента в позднескифской среде (в основном, женщины), не нашли, вопреки ожиданиям, антропологического подтверждения. Т. С. Кондукторова, которая проводила сравнительный анализ, пользовалась сериями черепов из Молочанского и Усть-Каменского могильников, оставленных, как уже говорилось, пришедшим в I в. н. э. с востока населением (22, с. 172). Изучив материалы из сарматских погребений Таврии, С. С. Круц пришла к выводу о наибольшей близости их золотобалковским сериям. Разумеется, Т. С. Кондукторовой не могли быть известны найденные в основном в последние 10 – 15 лет погребения. Тем не менее, сходство антропологических черт сарматов Таврии и золотобалковских поздних скифов отвечает сразу на несколько вопросов. Во-первых устанавливается присутствие в позднескифской среде сарматского этнического элемента и очерчивается исходная территория появления сарматских женщин в Золотой Балке – тав-

рийские степи. Во-вторых, отличие их от населения, оставившего Молочанский, Усть-Каменский и Подгороднянский могильники, подтверждает полученные на археологическом материале выводы о преемственности сарматского населения Таврии II в. до н. э. – I в. н. э. Находки на исследуемой территории нескольких памятников с восточными чертами (Но-гайчинский курган, Давыдов Брод, Первоконстантиновка) говорят о том, что какие-то группы пришельцев (аорсы?) были инкорпорированы в довольно однородную среду Таврии (роксолан).

Во второй пол. II – Швв. н. э. на исследуемой территории, как и во всем Северном Причерноморье, происходят серьезные этно-политические изменения. Судя по данным погребального обряда, в позднесарматское время здесь появляется новое население, принесшие с собой обычай хоронить в яме с подбоем. Этот тип погребального сооружения, ранее бытовавший спорадически, в позднесарматский период количественно преобладает. Характерно, что подбойные могилы во второй пол. II в. н. э. становятся ведущим типом погребального сооружения от Дона до Дуная. Без сомнения, такая ситуация отражает доминирование носителей этого обряда. Подбойные могилы являются основным типом погребального сооружения позднесарматской культуры Нижнего Поволжья (18, с. 61), откуда они распространились на запад с ее носителями. Время появления этого типа могил как массового признака совпадает с началом 2 этапа развития позднесарматской культуры, характеризующегося интенсивным распространением его ведущих черт западнее Волги (18, с. 101). В короткое время позднесарматские племена достигли низовий Дуная (23, с. 7). Не исключено, что именно с этой волной связана гибель правобережных позднескифских городищ – исследователи колеблются в определении точной даты этого события от нач. II в. н. э. (19, с. 73) до II в. н. э. в целом (24, с. 227).

В Таврии позднесарматских погребений немного (16 пунктов). Уменьшается их количество по сравнению с предыдущим периодом и севернее, в Орель-Самарском междуречье (16, с. 62), почти не известны погребения этого времени между Днепром и Днестром. Однако они хорошо представлены на двух противоположных концах Европейской Сарматии – в

междуречье Днестра и Прута и в Подонье-Поволжье. Создается впечатление некоторого запустения центральной части степей Северного Причерноморья и концентрации позднесарматского населения в двух упомянутых регионах. Непрерывное развитие позднесарматской культуры в волго-донском междуречье и в Нижнем Подонье позволяет предположить, что во второй пол. II в. н. э. отсюда откочевала какая-то часть населения, относительно быстро прошедшая причерноморские степи и осевшая в Северо-Западном Причерноморье, на границе Римской империи. Спустя ок. 100 лет образовавшееся в Северном Причерноморье готское политическое объединение окончательно раскололо сарматский мир на две части.

1. Глебов В. П. Сарматские погребения с северной ориентировкой III – I вв. до н. э. на Нижнем Дону. – Проблемы охраны и использования археологических памятников в Донбассе. Донецк, 1989.
2. Симоненко А. В. Сарматы в Среднем Поднепровье. – Древности Среднего Поднепровья. К., 1981.
3. Щукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе. – СА, 1989, № 1.
4. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I– IV вв. н. э. К., 1984.
5. Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
6. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этнографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. – АСГЭ, вып. 16, 1976.
7. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. – САИ, вып. ДІ - 30, 1966.
8. Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья. – СА, 1977, №1.
9. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. – САИ, вып. П – 12, М., 1978.
10. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1978.
11. Симоненко А. В. О периодизации сарматской культуры. – Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
12. Полин С. В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры. – Актуальные проблемы историко-археологических исследований. К., 1987.
13. Скрипкин А. С. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект. – Задачи археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Суздаль, 1987.
14. Щукин М. Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья. – СГЭ, 1982. № 47.
15. Симоненко А. В. Фарзой, Инисмей и аорсы. – История и археология Нижнего Подунавья. Рени, 1989.
16. Костенко В. И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э.–IV в. н. э. Днепропетровск, 1986.
17. Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Новофилипповка. – ВССА. М., 1954.
18. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. 1984.

19. Щукин М. Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать сек венций.– АСГЭ, вып. 20, 1979.
20. Костенко В. И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника).– Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
21. Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. К., 1986.
22. Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). М., 1972.
23. Дзиговский А. Н. Позднесарматские племена Северо-Западного Причерноморья. Автореф. канд. дисс. К., 1987.
24. Вязьмитіна М. Т. Золота Балка. К., 1962.

А. С. Васютин

О ПАМЯТНИКАХ АЛДЫ-БЕЛЬСКОГО ТИПА В САЯНО-АЛТАЕ

В процессе длительных и разнообразных по содержанию взаимных контактов саяно-алтайского и казахстанско-среднеазиатского регионов в скифскую эпоху формируются многокомпонентные по своему составу этнокультурные общности. На границах этих ареалов выделяются районы с чересполосным расположением различных по своей культурной принадлежности археологических комплексов, а также своего рода отдельные инокультурные вкрапления в виде обособленной группы или отдельных памятников, что не находит пока должного объяснения в научной литературе. Вероятно, в историческом аспекте такого рода ситуация может быть связана с дисперсным характером распространения как культурных традиций, так и их носителей.

Рассмотрим памятники алды-бельского типа с привлечением новых материалов из раскопок автора, в контексте связей с Казахстаном на протяжении всей скифской эпохи. Особую актуальность приобретают высказанные в свое время А. Д. Грачом соображения относительно многокомпонентного характера ЭКО и АК скифской эпохи Центральной Азии, Саяно-Алтая и Казахстана (Грач, 1967; 1980). Наряду с этим, им было обращено внимание на широкие горизонтальные связи носителей алды-бельского культурного комплекса с культурами, расположенными к западу к ЮЗ от Тувы – майэмирцами Горного Алтая и тасмолинцами Казахстана. Полученные за

последние годы данные, в частности, удревнение ранней группы быстрианских курганов до VI – V вв. до н. э. (Суразаков, 1988), а также исследованные на могильнике Коо-1 в Горном Алтае погребения алды-бельского типа, позволяют вновь обратиться к этим специфичным памятникам и поставить вопрос о необходимости вычленения комплексов, образующих своеобразную культурно-хронологическую цепочку на смежных территориях Тувы, Алтая и Казахстана, начиная с раннескифского времени.

Помимо уже выделенных общих признаков для таких памятников (Грач, 1980), можно указать еще на один, зафиксированный в различных культурно-хронологических комплексах – это своеобразной формы кольцевые серьги с подвесками в виде полых закрытых конусовидных колпачков (рис. 1, Г). Находки подобного типа серег с колпачками чрезвычайно редки в погребениях скифского времени, наиболее часто они встречаются в тувинских памятниках (Хемчик-Бом III, к. 12, погр. 9; Туран IV, к. 126; Бегре, к. 40), иногда с дополнительными деталями: рифление самого колпачка и его покрытие зернью, дополнительные подвесные цепочки (Полторацкая, 1966). Известны они в уже упоминавшихся быстрианских курганах, в погребениях могильников Новотроицкое I, II в Юго-Западном Алтае (Уманский, 1987) и среди золотых изделий Сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1962).

Наиболее ранние комплексы с такими серьгами находятся в Казахстане, Горном Алтае и Туве, а более поздние в предгорных лесостепных и степных районах Алтая, в так называемых контактных зонах, где располагаются своеобразные культурные комплексы (Могильников, 1989). В этом смысле особенно показательны материалы Быстрианского могильника входящие в отдельную чумышо-ишинскую культурную группу памятников с широким спектром связей от Тувы (Завитухина, 1966) до Казахстана (Могильников, 1989). Наиболее сильному культурному воздействию со стороны ираноязычного населения Казахстана и Средней Азии эти районы Алтая подверглись, начиная с рубежа V - IV вв. до н. э., когда на бывшей территории большебереченской АК формируется новая каменская культура (Могильников, 1986), входящая в иной, нежели Горный Алтай, этнокультурный массив, локализуемый в степных и лесостепных районах Обь-Иртышского междуречья.

чья, вплоть до Прииртышья (Могильников, 1988). Появление в лесостепях Верхнего Приобья погребений с серьгами быст-рянского типа вероятно надо рассматривать в контексте и ЮЗ культурных связей, приведших в итоге к изменению этнического состава и культурного комплекса населения с преобладанием в нем казахстанско-среднеазиатского компонента (Могильников, 1984; Бородовский, 1986; 1987).

Погребения алды-бельского типа были исследованы нами на могильнике Коо-1, расположенном в том районе Горного Алтая, где находятся всем известные пазырыкский и кудыргинский могильники. По конструктивным особенностям (каменные кольцевые выкладки вокруг могил, каменные ящики с плитовым перекрытием), деталям обряда погребения (скорченное погребение на боку) и по наличию в одном из ящиков серьги с подвеской-колпачком (рис. 1, Г) эти объекты разительно отличаются от курганов пазырыкской культуры. Их особенности проявляются в планиграфии алды-бельских памятников: они располагаются отдельными группами, в отличие от цепочек пазырыкских курганов. Массовый характер захоронений алтайских алды-бельцев за пределами тувинского ареала – это еще одно свидетельство широты их связей; с другой стороны, не имеем ли мы дело с культурным компонентом раннескифского пласта памятников, появление которого каким-то образом связано с Казахстаном и Средней Азией. Для раннескифского времени погребения в каменных ящиках являются одним из основных типов виутримогильных сооружений, широко распространенных к западу от Тувы (Марсадоллов, 1987).

Погребения с серьгами алды-бельского типа в степной и лесостепной полосе Алтая не только отличаются культурным своеобразием, но и во многом «обязаны» этим своему промежуточному положению на путях, по которым реализуются культурные связи на территории «Азиатской Скифии». С рубежа V – IV вв. до н. э. Саяно-Алтай начинает переориентироваться в культурном отношении на Центральную Азию, но контакты с казахстанским регионом не прекращаются на всем протяжении скифской эпохи. Население Тувы, Горного Алтая и Восточного Казахстана продолжает оставаться близким по культуре, различаясь по этническому составу. В частности, исследования последних лет в Восточном Казахстане на па-

мятниках кулажургинской культуры позволили достаточно убедительно выделить в ее составе сакский компонент (Самашев, Трифонов, 1987; Васютин, 1989), что весьма показательно, если учесть ее связь с каракобинской культурой Горного Алтая (Суразаков, Могильников, 1983). Еще в большей степени это относится к ЮЗ Алтаю, где выделена особая культурная группа памятников (Могильников, 1989) или рудно-алтайская АК (Алехин, 1990) с преимущественно западной культурной ориентацией.

Рассматриваемые памятники предгорных степей и лесостепей Алтая маркируют распространение серег алды-бельского типа в последующий период в русле саяно-алтайских и казахско-среднеазиатских связей. Вопрос о казахстанско-среднеазиатском этнокультурном компоненте и его роли в формировании культурных комплексов Саяно-Алтая в скифскую эпоху остается открытым. В какой степени решение этого вопроса связано с культурно-хронологическими особенностями памятников алды-бельского типа также ответить пока сложно. В этой связи еще раз хотелось бы подчеркнуть, что существующий глобальный подход к выделению самобытных археологических культур гомогенного характера, по-видимому, исчерпал себя. Для Саяно-Алтая в скифское время в большей степени характерна чрезвычайная дифференцированность культурных признаков, не укладывающихся в рамки какой-либо одной АК.

С. В. Махортых

КОЧЕВНИКИ И ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КЛАДОВ VIII – VII ВВ. ДО Н. Э. НА ЮГЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Древние клады разнообразны по составу. Анализ кладов посвящены работы некоторых западных исследователей. В частности Р. Брэдли подразделяет их на две группы: 1) клады, спрятанные в минуту опасности с целью их последующего возвращения владельцу; 2) клады, зарытые с той или иной обрядовой целью (1).

Примеры конкретно-исторического анализа кладов литейщиков, монет и драгоценной утвари известны и в отечественной историографии (2; 3). Кладам VIII – VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР посвящена статья О. Р. Дубовской (4). Четыре из них автор относит к кладам (из Новочеркаска, Аксая, Каменки-Днепровской и Преображенского) и характеризует как импортные изделия преимущественно кавказского производства. По мнению В. В. Отрощенко и С. А. Скорого, условия обнаружения комплексов с уздой новочеркасского типа в курганах северопрichernоморской степи заставляют усомниться в правильности трактовки некоторых из них как вещевых кладов (5). В некоторых случаях (Каменка-Днепровская) в насыпях, где встречены вещи новочеркасского типа, зафиксированы ненарушенные безынвентарные могилы, и они считают, что связь их с указанными кладами более чем вероятна. Однако, в названных работах открытыми остаются вопросы исторической интерпретации, территории распространения, хронологии.

В настоящее время мы располагаем данными о 10 кладах VIII – VII вв. до н. э., выявленных на юге Европейской части СССР: Северный Кавказ – 4 (Алтуд, Ессентуки, Бештау, Железноводск), Нижний Дон – 2 (Аксай, Новочеркасск), Украина – 3 (Преображенное, Каменка-Днепровская, Залевки), Молдавия – 1 (Пуркары). Большая часть комплексов найдена в насыпях курганов эпохи бронзы – 6, реже на поселениях – 2 и в потайных местах или в тайниках – 2. География и культурные ареалы находок довольно разнообразны, однако объединяет их стандартный облик и общность происхождения ряда входящих туда компонентов. Это наборы уздечных принадлежностей новочеркасского типа (двукольчатые удила, трехпетельчатые псалии, кольца) в сопровождении кавказских вещей (топор, миска, гривна). Следовательно, северокавказский характер производства большинства этих предметов сомнений не вызывает. Причем, это касается не только бронзовой, но и железной узды, выявленной в насыпи кург. 1 у с. Пуркары в Молдавии (6, с. 10 сл.). Встреченные там вместе с кольчатыми удилами железные трехпетельчатые псалии типа 1-А по А. А. Иессену представляют собой копии бронзовой узды новочеркасского типа и, скорее всего, являются северокавказскими по происхождению.

Именно на Северном Кавказе они наиболее широко представлены и бытуют в основном, на протяжении IX–VIII вв. до н. э. (могильники Кобанский, у Кисловодской мебельной фабрики, на р. Фарс). В связи с этим следует предостеречь от слишком узкого понимания новочеркасского историко-культурного комплекса, который не ограничивался хорошо известным Новочеркасским кладом, а был значительно шире. Так, помимо двукольчатых, он включает и другие типы удил, например од-нокольчатые, а также ряд других деталей конской упряжи (проници, луницы и т. д.), многие из которых связаны происхождением с культурой исторических киммерийцев. Возвращаясь к вопросу о составе кладов, следует отметить, что вне-курганные находки из Бештау, Новочеркаска и Залевок, по сравнению с курганными, отличаются большим разнообразием, включая различные предметы вооружения, литейную форму, бронзовый котел «восточного» типа и некоторые другие вещи не кавказского происхождения.

Принадлежность перечисленных выше комплексов к кладам в большинстве случаев сомнений не вызывает. Однако в отношении кладов из Алтуда, Ессентуков, Аксая утверждать что-либо с полным основанием нельзя. Как уже отмечалось выше, в основном это предметы конской упряжи, часть которых либо еще не была в употреблении, либо уже не пригодна для использования в силу своей дефектности. Аналогичен и состав комплексов, принадлежность которых к кладам сомнений не вызывает. Так, в Новочеркасском кладе, помимо фрагментированной пары удил, найден псалий, на котором сохранилась и литейная накипь. Непригодные к употреблению детали узды и бронзовые украшения выявлены также в Бештауском, Железноводском и Преображенском кладах. Поэтому эти находки скорее всего относятся не к предметам ритуальных действий или погребальному инвентарю, а видимо, являются металлическим ломом. Все это, наряду со сказанным выше, свидетельствует, что перед нами клады готовых изделий и металлического сырья северокавказских металлургических центров, некоторые из которых выявлены за пределами их непосредственного изготовления. В этом нет ничего необычного, поскольку еще в 1982 г. А. М. Лесковым в степях Причерноморья была выделена группа северокавказских кладов, состоящих из металлических изделий датируемых им XIII–XII вв. до н. э. (7, с. 25 сл.). Хорошо известно, что металл и

изделия из него являлись одним из основных источников богатства в древности и одним из важнейших торговых эквивалентов (8, с. 119). В качестве металлических «денег» в эпоху бронзы, вероятно, использовались серпы, кельты, топоры, преобладающие в кладках, а в позднейший предскифский период, возможно, и уздечные принадлежности, являвшиеся во время ранних кочевников (наряду с наконечниками стрел у скифов) одним из универсальных и распространенных средств платежа. Установлено, что кочевое общество, в силу узкой специализации кочевого хозяйства всегда испытывало необходимость в ремесленных изделиях и продуктах сельского хозяйства. Оно получало их, в основном, двумя путями: в результате производства в кочевом хозяйстве и путем обмена с оседлыми народами (9, с. 311). По всей вероятности, у киммерийцев, как и у целого ряда других кочевых народов, существовала прослойка торговцев, посредников и перекупщиков, заключавших торговые сделки в форме натурального обмена. Объектами обмена были металл, скот, зерно, шкуры и продукты ремесленного производства. По-видимому, рассматриваемые нами подкурганые кладки принадлежали этим торговцам-посредникам из среды кочевников. Нахождение этих комплексов в насыпях курганов, то есть погребальных памятниках, не противоречит их отнесению к категории кладок. Находки последних известны в полах курганов, как в эпоху бронзы (Кабаковский клад), так и в эпоху средневековья (кладки дирхемов) (2, с. 13; 10, с. 165). В то же время, в насыпях курганов эпохи бронзы известны впущенные кенотафы с погребальным инвентарем савроматского времени, свидетельствующие о наличии и другой разновидности подкурганых находок (11, с. 114 сл.).

Необходимо отметить, что появление кладок VIII – VII вв. до н. э. фиксируется на обширной территории, включавшей юг Европейской части СССР, а возможно и районы Центральной Европы (ср. 12, S. 27, 28). Рассматриваемые кладки сближают и хронологические рамки использования выявленных в них предметов. На основании типологической характеристики удилов (вид строгости, моделировка колец, сечение стержня удилов) и трехпетельчатых псалиев они могут быть датированные последней четв. VIII – нач. VII вв. до н. э. (13, с. 163 сл.). По мнению исследователей, это время появления на изучаемой территории племен из восточных районов Евразии,

известных нам, главным образом, под именем скифов. Передвижения населения, вероятно, повлекли за собой дестабилизацию политической обстановки и зарытие кладок. Их обилие, по нашему мнению, свидетельствует не столько об активизации культурных контактов и связей в VIII–VII вв. до н. э., сколько указывает на довольно узкий период, характеризующийся политической нестабильностью. Об этапном характере этого явления свидетельствуют находки на Северном Кавказе не только кладок, содержащих узду новочеркасского типа, но и кладок этого же времени с наборами кобанского инвентаря (Жемтала, Советское). Ко времени освоения скифами Предкавказья относится и разрушение поселений местных жителей – Сержень-Юртовского и Дербентского в Дагестане, что также, по-видимому, связано с их появлением (14, с. 34). Скорее всего, это событие произошло после столкновения киммерийцев с Урарту ок. 714 г. до н. э. и возвращения их на исходные территории. Это отразилось в появлении серии древневосточных предметов VIII–нач. VII вв. до н. э. в предскифских захоронениях Северного Кавказа и Среднего Поволжья (15, с. 193; 16, с. 26 сл.). Исходя из этого, дата появления скифов должна определяться где-то в пределах конца VIII – нач. VII вв. до н. э.

В рассматриваемом контексте обращают на себя внимание и «сарматские» кладки, включающие близкие наборы вещей, главным образом, уздечные принадлежности (17, с. 237 сл.). Они выявлены на поселении и в насыпях курганов, то есть условия их нахождения близки условиям находок «киммерийских» кладок (18, с. 256 сл.). Исследователи связывают появление этих комплексов с продвижением на территорию Скифии сарматов и возможными военными столкновениями местного скифского населения с сарматами (19, с. 11 сл.; 20, с. 160).

Предложенный обзор не будет полным, если не упомянуть находки предметов конской узды (главным образом удилов) раннего железного века из восточных районов Евразии (Северный Казахстан, Алтай, Тува), обнаруженные либо в насыпи курганов эпохи бронзы, либо в специальных каменных кольцах, расположенных рядом с могилами. Одни исследователи относят их к следам особых ритуальных действий (М. Х. Маннай-оол, М. К. Хабдулина), другие, применительно к

Майэмирской находке, считают спрятанным после ограбления курганов кладом (А. В. Адрианов, М. П. Грязнов, С. И. Руденко) (21, с. 61; 22, с. И; 23, с. 22; 24, с. 12). Не претендуя на окончательное решение вопроса, считаем необходимым привести также замечание А. Д. Грача о том, что характерной чертой погребального обряда алды-бельской культуры Тувы является помещение вблизи уровня древней поверхности, у края могильных ям, уздечных наборов (25, с. 25). Вместе с тем, сопровождающие захоронения коней в курганах этой культуры практически неизвестны. По всей вероятности, этот обряд является особой формой жертвоприношения коня умершему и препровождения его в загробный мир. Сравнивая эти находки с кладами конца VIII – нач. VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, приходится констатировать их отличие друг от друга по условиям нахождения, составу, а главное – назначению. Скорее всего, это явления разного порядка, имеющие разное происхождение. Сказанное выше отнюдь не отрицает возможности существования в предскифский и скифский периоды в различных районах Причерноморья обряда «замены» конских захоронений положением в могилу или рядом с ней предметов конского убора. Об этом могут свидетельствовать упомянутые выше находки из Зольного, Носачево, а также, по-видимому, Квиток и Ольшаны (26, с. 58; 27, с. 174; 28, с. 39 сл.). Однако, в каждом конкретном случае необходим анализ с возможным учетом всех сопровождающих их факторов.

Bradley R. Stages in chronological of hoards development and votive deposits. – PPH, 1987, Vol. 53.

1. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX – XIII вв. М.–Л., 1954.
2. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. – САИ, вып. Г4–4. 1961.
3. Дубовская О. Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада. – СА, 1989, №1.
4. Скорый С. А. К вопросу о «надкультурном» характере древностей типа Новочеркасского клада. – Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тез. докладов. Кишинев, 1990.
5. Мелюкова А. И. Предскифский период в степях Северного Причерноморья – Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
6. Лесков А. М. Северокавказские клады эпохи поздней бронзы из степей Причерноморья. – Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. М., 1982.
7. Черных Е. Н. Металл – человек – время. М., 1972.
8. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972.

9. Лесков А. М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. – Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967.
10. Мамонтов В. И. Кенотаф савроматского времени Царевского курганного могильника. – История и культура сарматов. Саратов, 1983.
11. Gallus S., Horvath T. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. – Diss. Pann. Ser. 11. Bdpt, 1939.
12. Махортых С. В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа новочеркасского клада. – Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1987.
13. Махортых С. В. Соціально-політичний аспект зв'язки в скіфі з племенами Кавказького регіону. – Археологія, 1989, №1.
14. Патрушев В. С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника. – СА, 1982, №4.
15. Калмыков А., Бабенко В., Шафорстова М. Работы на могильнике Клинь-Яр III. – Студенческие археологические открытия 1987 – 1988 годов. Грозный, 1989.
16. Симоненко А. В. О позднескифских налобниках. – Древности степной Скифии. Киев, 1982.
17. Петренко В. А. Клад конского снаряжения из раскопок второго Ханкальского городища. – СА, 1975, № 4.
18. Смирнов К. Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы. – Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
19. Дзис-Райко Г. А., Суничук Е. Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопосское. – Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.
20. Адрианов А. В. К археологии западного Алтая. – ИАК, 1916, вып. 62.
21. Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи кочевников на Алтае. – КСИИМК, 1947, XVIII.
22. Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. М., 1970.
23. Хабдулина М. К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана. – Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск 1987.
24. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. 1980.
25. Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя. – КСИА АН УССР, 1962, вып. 12.
26. Ковпаненко Г. Т. Носачівський курган VIII – VII ст до н. е. – Археологія, 1966, Т. 20.
27. Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье. – Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

**ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА НИЖНЕГОПОБУЖЬЯ VI НАЧ. III
ВВ. ДО Н. Э. В КОНТЕКСТЕ ГРЕКО-ВАРВАРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ**

На протяжении античной эпохи характер культурно-исторического развития Нижнего Побужья во многом определялся взаимодействием двух компонентов: относительно однородных в культурном плане греков колонистов, с другой – варварского населения, включающего оседлых жителей лесостепной зоны и кочевых обитателей степей (1, р. 805). Между тем в отечественной науке широко распространены представления об однообразии материальной и духовной культуры античных памятников Ольвийского региона (2, с. 234 сл.; 3, с. 6 сл.), приводящие к игнорированию и даже отрицанию значения местного компонента для культурно-исторического развития Нижнего Побужья. При решении вопросов домостроительства Нижнего Побужья до недавнего времени исходили из этого же (4).

Как известно, своеобразие строительной практики античных поселений на СЗ побережье Черного моря проявилось, в частности, в широком и длительном распространении здесь сразу двух типов жилищ: заглубленных в землю построек – землянок и полуземлянок – и наземных каменно-сырцовых домов. Последние, как правило, относятся к эллинскому культурному фонду. Начиная с 60-х годов, сюда же относят и земляночное строительство, ранее связываемое с местными культурами (5, с. 32 сл.). При этом диапазон мнений весьма широк: от исконно греческого происхождения традиции земляночного строительства (В. В. Лапин) до ее заимствования у варваров (С. Д. Крыжицкий). Считается, что к восприятию греками-колонистами местной строительной практики привел ряд причин социально-экономического, климатического и даже этнопсихологического свойства, а земляночное строительство в зоне греческой колонизации Северного Причерноморья представляется закономерным этапом античного домостроительства (4, с. 162 сл.)

Между тем, новая информация, полученная за последние два десятилетия в ходе раскопок поселений Нижнего Побужья, поставила под сомнение тезис об этнокультурной це-

лостности ряда элементов культуры этого региона, а среди них и домостроительства (6; 7).

Данные о развитии земляночного и наземного строительства Нижнего Побужья более или менее убедительно освещены в литературе (4; 7; 8). Поэтому приведу лишь некоторые из них применительно к задачам настоящей работы.

Земляночные и полуземляночные структуры (последние численно преобладали на протяжении всего рассматриваемого периода), за редким исключением, весьма незначительны по своим размерам, и, как правило, однокамерные. При их сооружении очень редко и в малых объемах использовался камень и, думается, сырец, особенно в раннее время, когда, видимо, более распространенным был распорный вариант устройства кровли и каркасно-столбовая конструкция стен. Общеизвестно, что формальные различия полуземлянок не дают оснований для вывода о типологической преемственности построек с овальным, четырехугольным и круглым пятном плана. Впрочем, материалы домостроительства Березани позволяют говорить о разрыве почти в четверть столетия между датами появления здесь последнего и первых двух планировочных типов. Вместе с тем известно, что в позднеархаический период полуземлянки той или иной формы не в равной мере были представлены на поселениях Днепробугского региона.

Земляночное строительство V в. до н. э. во многом характеризуется процессом унификации формы жилища, думается, в немалой степени определявшегося влиянием античной строительной практики. Это влияние также отразилось в тенденции к более четкой конфигурации плана, усложнению конструкций и интерьера земляночных сооружений. К концу столетия известны только полуземлянки четырехугольной в плане формы. Дальнейшее развитие заглубленных жилищ протекало по линии создания многокамерных построек, иногда с последующей их блокировкой в жилищно-хозяйственные комплексы. Наряду с подобными строениями, были широко распространены постройки, имевшие более примитивный облик, а в последние годы стали известны полуземлянки уже нач. III в. до н. э. круглой в плане формы.

Таким образом, уже сам факт сооружения земляночных структур практически на всех этапах античной истории Ниж-

него Побужья свидетельствует о жизненности самой идеи заглубленного жилища в сознании жителей Ольвийского региона античной эпохи.

Наземному сырцово-каменному домостроительству Нижнего Побужья посвящена обширная литература, в последние годы пополнившаяся новыми публикациями и разработками (8; 9). Учитывая последние, особо выделю новые данные о строительном деле VI – V вв. до н. э., поскольку последующие этапы его развития в источниковедческом отношении более репрезентативны и лучше изучены.

Прежде всего отмечу, что дата сооружения первых в регионе наземных сырцово-каменных построек приходится на последние годы третьей четв. VI в. до н. э. Все дома этого времени до сих пор обнаружены лишь на Березанском поселении. Они представляли собой безордерные многокамерные строения городского типа разной площади (от 60 до 230 кв.м) с применением обоих планировочных принципов. Известны такие элементы интерьера и благоустройства жилищ, как разнообразные отопительно-нагревательные устройства, колодцы, водостоки, ямы-погребя, стационарные алтари и др. Широкое использование различных строительных материалов: камня, дерева и глины, свидетельствует о наличии достаточной сырьевой и развитой технологической базы строительного производства. Сходные с березанскими по облику и планировке жилые дома этого же времени можно найти практически в любом регионе античного мира. Общие тенденции развития также сказались и на характере регламентации застройки архаической Березани и несколько позднее Ольвии. Местная традиция проявилась в использовании принципа заглубленности помещений, что в дальнейшем повлекло за собой формирование подвалов.

Дифференциация наземного строительства Нижнего Побужья на городское и сельское, как одна из общих тенденций его развития, наметилась, видимо, тогда-же – в позднеархаический период. Позднее сочетание элементов городской и сельской застройки, представленной постройками типа усадеб, становится характерной чертой домостроительства Ольвийской хоры. Уровень развития последнего в позднеклассический и эллинистический периоды был относительно высоким. На этом фоне резко обозначился контраст с ним земляночного строительства, более или менее устойчиво воспроизводивше-

гося в одной и той же архаичной форме на протяжении античной эпохи. Имевшая место интерференция рассматриваемых архитектурно-строительных направлений мало что меняет. Инновации, в той или иной степени изменяя формальную сторону домостроительства Нижнего Побужья, в значительно меньшей мере оказали воздействие на основные традиционные принципы строительной практики у населения региона.

Сопоставляя культурные характеристики обоих архетип-турно-строительных направлений, я исходил из того несомненного факта, что они оба в полной мере отвечали климатическим условиям СЗ Причерноморья. Между тем, степень адаптации наземного домостроительства, по сравнению с земляночным, была значительно выше, поскольку благодаря применению большего арсенала средств и способов в нем полнее могли быть использованы природные ресурсы данного региона. Отмеченные выше особенности наземных домов предполагают если не существование профессиональных строителей, то по крайней мере, наличие особого рода навыков у жителей ольвийских поселений, о чем свидетельствуют относительно устойчивые, передающиеся из поколения в поколение приемы обработки камня, системы кладки, принципы планировки и ориентации комплексов. Различия наземных домов по размерам и сложности строительной техники, относительно жесткая регламентация застройки характеризуют определенную степень социальной дифференциации их жителей.

Земляночное строительство по уровню развития значительно уступает наземному, что обусловлено узостью сырьевой базы, простотой конструкции, преобладающей стихийностью застройки. Все это предполагает отсутствие профессиональной специализации у создателей такого рода построек. Однако, как в случае с наземными домами, специфика земляночного строительства отражала исторический опыт его создателей в основании конкретной природной среды; социальная стратификация их жителей почти не фиксируется.

Рассмотрение земляночного и наземного домостроительства в указанных аспектах позволяет предположить, что первое не только по своим структурно-функциональным особенностям, но и по социально-экономическому и техническому обеспечению не соответствовало эллинистической архитектурно-строительной традиции. Практически полное отсут-

земных жилых домов в течение первых трех четв. VI в. до н. э. не объяснимо даже с точки зрения использования заглубленных жилищ в качестве временных сооружений, поскольку такого рода статус земляночных структур не предполагает их воспроизводство в течение двух-трех поколений. Исторический опыт греков в области строительного дела, напротив, в короткий срок был реализован в виде массового наземного домостроительства на Березани, в Ольвии, а затем и на ряде других памятников Нижнего Побужья. Сравнительно примитивный облик культуры поселений, возникавших на периферии указанных городских центров во второй пол. VI в. до н. э. и в конце следующего столетия можно объяснить разными причинами, однако, в их ряду не последнее место, видимо, занимает этнический состав жителей этих поселений.

Придя к таким выводам и понимая во многом спекулятивный характер подобных высказываний, я попытался подкрепить их анализом взаимосвязей домостроительства и других элементов культуры. Выяснилось, что наши сведения в отношении целого ряда источников по экономике, эпиграфике, искусству, могущих пролить свет на этнокультурную ситуацию в Нижнем Побужье, весьма противоречивы и неполны. Поиски вышеупомянутых взаимосвязей оказались наиболее результативными в сфере бытовой культуры Нижнего Побужья, а именно, в отношении глиняной посуды, и в первую очередь и главным образом одной из ее составляющих – лепной кухонной керамики.

Как известно, на поселениях Ольвинского региона отмечены существенные расхождения в концентрации и составе такого вида керамики (10). При сопоставлении этих данных и структуры земляночного строительства ряда памятников наблюдается следующее. Поселение Старая Богдановка-2 характеризуется более или менее равным соотношением гетофракийской и лесостепной скифской лепной керамики, а также типологически неоднородной структурой земляночного строительства. На поселении Куцуруб-1 практически полное отсутствие типов посуды лесостепной Скифии соответствует формальному однообразию грунтовых сооружений, представленных исключительно круглыми полуземлянками. В свою очередь, на поселениях левобережья Бугского лимана (Лупарево-2 и Станислав-1), где встречены земляночные жилища

всех типов, обнаружена лепная посуда по преимуществу степного скифского облика. На Березанском поселении более половины сосудов, найденных в заглубленных жилищах круглой формы, типологически связаны с фракийскими культурами Карпато-Дунайского бассейна и всего лишь 10% фрагментов лепной керамики приходится на долю посуды Правобережного Поднепровья, причем последняя практически отсутствует в местах скопления полуземлянок круглой формы. Иначе выглядит соотношение групп керамики в жилищах четырехугольной и овальной формы. Доля лесостепной скифской посуды составляет здесь около 1/3 керамического комплекса, тогда как удельный вес сосудов гетофракийского облика, напротив, снижается до 9%.

Следует признать, что наблюдаемая взаимосвязь формальных особенностей земляночного строительства со спецификой комплекса лепной керамики не случайна, и вряд ли может быть объяснена с позиций сторонников греческой принадлежности заглубленных жилищ. Этнокультурная ситуация в Нижнем Побужье может быть конкретизирована при проведении сравнительно-типологического анализа указанной совокупности данных о территории смежной лесостепной Скифии.

В раннескифское время землянка, как тип жилища, имела широкое применение в строительной практике, главным образом, населения Среднего и Верхнего Поднепровья, Подолии, Среднего Поднепровья и Поворскля (11, с. 227–304, 344 сл.). В эпоху скифской архаики культура этих районов характеризуется рядом локальных вариантов, сложившихся на базе чернолесско-жаботинских памятников и фракийского гальштата. Особо отмечу, что в Среднем Поднепровье и на Волини преобладали землянки овальной и четырехугольной формы, а также керамика весьма своеобразного вида. Для Восточной Подолии были характерны землянки круглой или округлой формы, а в лепной керамике, наряду с вышеупомянутой посудой, получили широкое распространение сосуды гетофракийского облика. Начавшееся еще в VIII в. до н. э. перемещение некоторой части населения этих областей в восточном и западном направлениях привело не позднее второй пол. VII в. до н. э. к формированию локальных групп, в определенной степени не утративших культурную специфику районов их первоначального обитания, хотя и несколько ви-

доизменившихся в результате влияния соседних культур (12, с. 72 сл.). Так, ближайшие аналогии западноволынским и ворсклинским памятникам находят в культуре Правобережного Среднего Поднепровья; западноподольскую группу, особенно ее южную часть, сближают с кругом памятников Восточной Подолии.

Имеются веские основания полагать, что отмеченная культурная специфика отдельных районов хинтерланда нашла адекватное отражение в культуре Нижнего Побужья, особенно на раннем этапе, когда основными контрагентами греков выступали племена лесостепной Скифии (1, р. 806). Наблюдаемая взаимосвязь элементов бытовой культуры Ольвийского региона свидетельствует о прямом переносе в эту область культурных, в том числе и архитектурно-строительных, традиций из разных, в основном двух, районов хинтерланда – Правобережного Среднего Поднепровья и Подолии. Причины появления указанных групп населения в Нижнем Побужье во многом еще не ясны, тем не менее, в их ряду не последнее место, по-видимому, занимала экономическая заинтересованность в контактах с греками (10, с. 132). Наряду с последней, определенную роль в этом миграционном процессе, возможно, сыграли имманентные особенности экологического и социально-экономического развития лесостепной зоны Правобережной Украины в раннескифскую эпоху (7, с. 18), обусловившие появление здесь избыточного населения в VII в. до н. э. (11, с. 365 сл.). Всему этому благоприятствовала достаточно стабильная обстановка в степной зоне к западу от Днепра и отсутствие здесь каких-либо значительных объединений кочевников во второй пол. VII – VI вв. до н. э. (13, с. 51 сл.).

Исходя из вышеизложенного, массовое земляночное строительство в Нижнем Побужье не может рассматриваться только как результат заимствования греческими колонистами у варваров идеи заглубленного жилища. Как мне представляется, создателями землянок и полуземлянок в основной своей массе явились представители негреческого населения этого региона и лишь часть такого рода построек, очевидно весьма незначительная, могла быть использована первыми греками-поселенцами в качестве временных жилищ или построена с учетом местной традиции. Изложенное выше понимание специфики домостроительства Нижнего Побужья, на мой

взгляд, не противоречит, а в некотором роде даже обусловлено выводом некоторых исследователей о социально-экономическом содержании начального этапа греко-варварского взаимодействия в этом районе, которое определялось преимущественно торговой направленностью жизнедеятельности самой ранней греческой колонии в Северном Причерноморье — Бо-рисфена (14, с. 49 сл.)

Во второй пол. VI в. до н.э. в процессе формирования городских и полисных структур на Березани и в Ольвии в их культурном облике произошли заметные и существенные перемены. Культура этих памятников стала обладать целым комплексом типичных эллинских черт, почти отсутствующих в ней ранее – в первой пол. столетия (15). С переходом к массовому строительству наземных домов у греческих колонистов, видимо, исчезла необходимость в использовании земляночных жилищ. Между тем, строительство последних широко практиковалось на аграрной периферии Березани и Ольвии. Так было во второй пол. VI – первой трети V в. до н. э., в конце V – первой пол. IV вв. до н. э. и даже в нач. III в. до н. э. В это время пространственная организация сельских поселений носила нерегламентированный характер, застройка жилой зоны велась по принципам, в корне отличавшимся от норм эллинской строительной практики (16, с. 6 сл.).

Я считаю, что указанные культурные особенности Ольвийской сельской округи дают определенные основания для предположения о преимущественно варварском составе ее жителей, особенно на ранних этапах освоения Нижнего Побужья. Вместе с тем создается впечатление, что негреческое население в целом не составляло этнической общности, а, скорее всего, являлось этнографическим образованием, что, пожалуй, облегчало восприятие ими некоторых элементов античной культуры. Влияние последних, тем не менее, почти не затронуло основ варварской традиционно-бытовой культуры (5, с. 33 сл.; 10, с. 133). Одно из подтверждений тому, на мой взгляд, — земляночное строительство, не прекращавшееся в Нижнем Побужье на протяжении всего рассматриваемого периода.

1. Marcenko K., Vinogradov Y. The scythian period in the northern Black Sea region (750—250 B. C.). –Antiquity, 1939, Vol. 63, No.241.
2. Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
3. Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Рубан В.В. К истории Ольвийской сельской округи. Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.

4. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982.
5. Доманский Я. В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII – IV вв. до н. э. – АСГЭ, 1961, № 2.
6. Марченко К. К. Сравнительная характеристика двух поселений Нижнего Побужья позднеархаического периода — Старая Богдановка-2 и Куцуруб-1. – Проблемы исследования Ольвии. Парутино, 1985.
7. Соловьев С. Л. Строительные комплексы архаической Березани. – Автореф. дис. канд. истор. наук. Л., 1989.
8. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
9. Доманский Я. В., Виноградов Ю. Г., Соловьев С. Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции. – Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
10. Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988.
11. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII – IV вв. до н. э. Киев, 1983.
12. Смирнова Г. И. О некоторых аспектах изучения предскифской культуры Среднего Поднестровья в свете взглядов А. И. Тереножкина на доскифскую Лесостепь. – Киммерийцы и скифы, Ч. 2. Кировоград, 1987.
13. Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
14. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., 1989.
15. Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987.
16. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б. Структура архаичного поселения Нижнего Побужья. – Археология, 1988. 63.

Хр. Буюклиев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛУКА И СРЕЛЫ В ДРЕВНЕЙ ФРАКИИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Использование лука и стрелы в древней Фракии в эпоху раннего железа документировано лучше и убедительнее по сравнению с поздним периодом бронзовой эпохи. К сожалению, материал, которым мы располагаем, относится прежде всего к периоду после конца VIII в. до н. э., и нельзя достаточно четко определить преемственность в развитии форм этого вида оружия. Почти так же обстоят дела и с копьями (1, с. 14.)

Почти ничего не предлагает и литературная традиция, за исключением отрывка «Иллиады», в котором упомянут «отряд пеонцев с кривыми луками» под предводительством Пирехи-еса (в той степени, в которой пеонцы воспринимаются как племя, близкое фракийцам) (2, II, 487). Хотя и единственный, этот факт доказывает наличие специализированных военных отрядов.

Археологический материал, которым мы располагаем; представлен только наконечниками стрел. Фрагментов луков, футляров для луков или колчанов для стрел, так же, как и стержней стрел, не обнаружено. Насколько нам известно, нет их и среди находок последнего периода бронзовой эпохи. Единственный известный нам памятник эпохи раннего железа, дающий хотя и схематические данные о луке и футляре лука, — известная надгробная плита из деревни Белоградец Варненского района (3, с. 109, сл. рис. 6 и 7). Для данного исследования использована представительная группа стрел (208 экз.), происходящих из пяти коллективных находок: д. Царевброд Шуменского р-на – 54 экз. (4, с. 99), д. Белоградец Варненского р-на – 108 экз. (5, с. 27; 20, с. 80 сл.), две находки (неопубликованные) по 3 и 8 экз. неизвестного происхождения и неопубликованная коллективная находка из д. Млада гвардия Варненского р-на – 22 экз. (6, с. 36; 7, с. 31–32; 8, с. 51). Надо прибавить и 13 единичных находок из деревень: Добриня Варненского р-на (6, с. 36, табл. 15, 51), Баково Варненского р-на (9, с. 54, обр. 1,5), Чомаковци Врачанского р-на (не опубликована), Нанево Добричского р-на (10, с. 105, фиг. 44), Точиларци Пловдивского р-на (11, с. 282, обр. 1). Криводол Врачанского р-на (12, с. 171, обр. 12а), Равна Варненского р-на (13, с. 112, табл. XXXIV, 28).

В этот перечень не включены бронзовые монеты в виде стрел; нам известно несколько сот таких из района болгарского Причерноморья. В исследовании они только упомянуты в качестве вспомогательного источника сведений (14, с. 43 сл.).

Особо важными для настоящей работы являются стрелы из коллективных находок у деревень Царевброд и Белоградец, так как обе сравнительно хорошо датированы археологическим комплексом. Именно эти комплексы стали основой типологического анализа Г. Тончевой (21, с. 80 сл.).

Несмотря на то, что стрел не очень много, они свидетельствуют о значительном разнообразии типов и форм. По форме боевых головок можно выделить три основных типа.

1 тип. Двухпластные наконечники стрел

Этот тип характеризуется плоской боевой головкой с двумя противоположными лопастями, в сечении ромбовидной формы. Втулка массивная, цилиндрическая или конусовидная, с шипами или без шипов, иногда с отверстием, через которое вливали яд. Выделяются три варианта этого типа.

Вариант А: К нему относятся несколько экземпляров из Царевброда (рис. 1,8). Характерным является расположение лопастей очень близко к отверстию втулки, таким образом боевая головка принимает удлинненную ромбовидную (ланцетовидную) форму. Нижняя часть втулки украшена резными концентрическими кругами и не имеет шипов. Их длина варьирует между 0,034 и 0,046 м. Они широко распространены в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Датируются обычно VIII – VII вв. до н. э. (7, с.11).

Вариант Б: К этому варианту относятся 30 экземпляров из Царевброда (рис. 1, 6, 7), а также большая часть стрел находки из Белоградца (рис. 1, 14, 15, 16, 20, 21). Для него характерно расположение лопастей над отверстием втулки. Форма головки вытянуто-ромбовидная, задние края лопастей сильно удлиненные. Некоторые из известных нам образцов имеют шипы, есть и другие — без шипов. Шипы расположены в нижней части втулки, сильно заострены и отогнуты назад.

По мнению В. А. Ильинской, тип «Ендже», т. е. Царевброд, датирован ранним периодом (нач. и середина VII в. до н. э.) так называемого «жаботинского» типа стрел. (15, с.26). Она их называет «раннежаботинским» типом (15, с. 26). Жаботинский тип стрел, подобных нашим, относится к раннему этапу истории скифов. Он распространен в лесостепной полосе Украины, на Северном Кавказе, в Закавказье, Передней Азии, Поволжье, Казахстане, Южной Сибири (15, с. 17 сл., 21 сл.). Позднежаботинские наконечники стрел имеют более закругленные лопасти боевых головок и более длинные втулки. Кроме того, наконечники с шипами преобладают (15, с. 26; 21, с. 82.). Следовательно, рассматриваемый вариант, включающий наконечники стрел из Царевброда и Белоградца, можно отнести к раннему варианту «жаботинского» типа дос-

кифского или раннескифского периода; он датирован первой пол. VII в. до н. э. (15, с. 13; 16, с. 45; 17). Причины следует искать в непосредственных контактах фракийцев этого района с раннескифским, а может быть и киммерийским населением, проживавшим в непосредственной близости с ними. Этот вывод можно отнести и к следующему варианту.

Вариант В: включает часть наконечников из Белоградца (рис. 1, 17, 18, 22). Боевая головка у них короче и шире, в виде ромбоида, задние лопасти укорочены и связаны с втулкой под тупым углом. Втулка относительно длинная.

Вариант относится к так называемой Новочеркасской группе наконечников стрел, датированной, как правило, VIII–VII вв. до н. э. (15, с. 23, рис. 8), у которых нижняя часть лопастей чаще закруглена к втулке. Наши экземпляры лишены подобной закругленности, что позволяет определить их как вариант новочеркасских. Ближайшие аналогии найдены в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (15, с. 24 сл, рис. 8; 19, с. 37 сл.), а также у д. Пойана, Румыния (22, стр. 28), д. Алчедар, Молдова (21, с. 81). По сравнению с жаботинским, новочеркасский тип локализован на более ограниченной территории – прежде всего в Северном Причерноморье и Северном Кавказе (15, с. 26). Прототипом рассматриваемых вариантов с территории Северного Причерноморья чаще всего считают бронзовые наконечники копий с ромбическим острием конца бронзового века. Во Фракии до сих пор подобных копий не найдено.

К выше рассмотренным вариантам, прежде всего к варианту В, типологически относятся и бронзовые монеты-стрелы. Специалисты почти единодушны в том, что монеты-стрелы изготовляли и использовали с конца VII до конца VI вв. до н.э. (14, с. 43; 18, с. 84 сл., обр. 64).

Вариант Г: В этот вариант включены единичные находки из деревень Баново (рис. 1, 23) и Чомаковци (рис. 1,26). Для них характерна овальная или лавролистная головка, втулка почти не изменилась. Оба экземпляра имеют шипы.

Стрелы этого варианта особо часто встречаются в погребальных комплексах лесостепной Скифии и в Келермесских курганах на Кубани (7, с. 18, т. 6). Встречаются и в древних поселениях савроматов из степного Поволжья и Южного Приу-

раля (19, т.1). Датируются VII — VI вв. до н. э. К этому времени можно отнести и наши стрелы (9, с. 54).

2 тип. Трехлопастные наконечники стрел

Основной характерной чертой этого типа является то, что боевая головка составлена из трех симметричных лопастей. По форме и расположению лопасти весьма разнообразны. Втулка цилиндрическая или конусовидная, в большинстве случаев выступает наружу. Стрелы этого варианта относятся к тому же периоду, что и двухлопастные: концу VIII—VI вв. до н. э. В группе можно разграничить 7 вариантов.

Вариант А : несколько наконечников из коллективных находок Царевброда (рис. 1, 4, 5) и Белоградца (рис. 1, 1–3). Их боевая головка пирамидальной формы, состоит из трех симметрично расположенных лопастей. Ребра лопастей прямые, их задние края сильно заострены и заужены к втулке. Втулка конусовидная, с выступом под лопастями. Втулки стрел из Царевброда сохраняют следы деревянных стержней. Встречаются с конца VIII до середины VI вв. до н. э. Пока древнейшими являются трехлопастные наконечники из Белоградца и Царевброда, датированные первой пол. VII в. до н.э. по комплексам, где они обнаружены. Ареал их распространения весьма широк – прежде всего Северное Причерноморье (7, с. 19) и Нижнее Поволжье (19, т. III А, Б).

Вариант Б: включает один наконечник из д. Точиларци (рис. 1, 25). Его форма уникальна для Фракии. Для этого варианта характерно оформление передней части головки в виде пирамидального острия, за которым расположены лопасти. Втулка сравнительно широкая, конусовидная. Подобные экземпляры обнаружены в скифских памятниках и относятся к VI–V вв. до н. э. (7, т. 7).

Вариант В: представлен одним наконечником из д. Добрина (рис. 1, 24), а вероятно и частью стрел из коллективной находки из д. Млада гвардия (ср. рис. 1, 24). Особенностью варианта являются оформленные в виде дуги лопасти, в задней части плавно изогнутые к втулке. Втулка конусовидная, выступающая вперед, с шипом в нижней части. Аналогичные экземпляры встречаются в скифских памятниках VII–VI вв. до н. э. (7, с. 19, т. V, отд. II, тип 1). Наш экземпляр, вероятно относится к VI в. до н. э.

Вариант Г: К нему относится наконечник из д. Нанево (рис. 1, 28), который, судя по рисунку, уникален. Типологически и хронологически он близок предыдущему варианту.

Вариант Д: тоже представлен только одной находкой – из д. Чомаковци (рис. 1, 29). Форма этого наконечника уникальна для Фракии. Лопасти тонкие, широкие, изогнутые дугой, в задней части закругленные вплоть до отверстия конусовидной втулки. Подобные экземпляры VI в. до н. э. обнаружены в Поволжье (19, т. III Б). Существует разница в оформлении краев лопастей: у сарматских экземпляров они заострены, а у наших – закруглены к втулке.

Вариант Е: Он представлен одной находкой из Криводола (рис. 1, 11). Относится к так называемому «башнеобразному» типу наконечников стрел. Подобные происходят из могильника у г. Геленджик Краснодарского края (23, с. 145, рис. 4, 5), датируемого серединой VI в. до н.э., а также из захоронения близ Бокжигана на Северном Кавказе (24, с. 176). Наш экземпляр, однако, обнаружен с позднегальштатскими фибулами и датируется VI–V вв. до н. э. Можно допустить, что скифские экземпляры представляют собой прототипы нашего (7, с. 24, т.8, Е).

Вариант Ж: представлен одним наконечником из Криводола (рис. 1, 12). Представляет собой разновидность предыдущего варианта; втулка вделана в корпус, а лопасти слегка изогнуты дугой и заострены в нижнем конце.

3 тип. Трехгранные наконечники стрел

Трехгранные наконечники стрел имеют боевую головку в виде пирамиды. Преобладают вделанные в корпус втулки. Этот тип стрел можно отнести к концу рассматриваемого периода (VI – V вв. до н. э.), хотя встречаются и отдельные экземпляры конца VII в. до н. э. Во Фракии встречается мало экземпляров этого типа. До сих пор известно всего 14, из них 8 – в коллективной находке. Среди них можно выделить 5 вариантов.

Вариант А: представлен единичным экземпляром неизвестного происхождения из Национального археологического музея в Софии (рис. 1, 30). Отличается стройной пирамидальной формой, грани удлиненные, со сводчатыми краями, втулк-

ка вделана в корпус. Этот вариант встречается часто в скифских комплексах VI – V вв. до н. э. (7, т. 7). Встречается и среди сарматских и савроматских находок (19, т. V Б, В). Прототипом его можно считать трехгранные пирамидальные костяные наконечники конца бронзового века (19, т. V А).

Вариант Б : включает 11 экземпляров: 3 из Варны (рис.1, 31–33) и 8 из коллективной находки неизвестного происхождения (рис. 1, 34–35). Боевая головка имеет форму приземистой трехгранной пирамиды с выступающими ребрами и закругленными гранями; каждая из граней прорезана двумя продольными желобами, не достигающими до конца. Втулка вделана в корпус. Вариант встречается в разнообразных формах и в большом количестве в обширном географическом ареале, памятниках скифов, сарматов и савроматов; датирован VI– IV вв. до н. э. (7, т. 7 и 8; 19, т. V, Б, В).

Вариант В: включает только наконечник из Криводола (рис. 1, 10) и в некоторой степени является разновидностью варианта «Б». Пропорции удлиненные, кончик более острый, украшен с трех сторон углубленными треугольниками. Датирован позднегальштатскими фибулами.

Вариант Г: единственный в находке из Белоградца наконечник с трехгранным корпусом, переходящим в пирамидальный кончик (рис. 1, 18). Втулка вделана в корпус. Подобный наконечник обнаружен в курганном захоронении VII в. до н.э. в Тагискене (Казахстан) (15, с. 20, рис. 6, 5-в). Прототипом его считают аналогичные костяные наконечники конца бронзового и начала раннего железного веков.

Вариант Д: включает единственный в находке из Царев-брода наконечник с округлым, четырехгранным пулевидным корпусом, переходящим в острый пирамидальный кончик с двумя боковыми лопастями (рис. 1, 9). Этот вариант не имеет близких аналогий. Датирован на основании других находок VII в. до н. э.

Железный наконечник стрелы: происходит из некрополя д. Равна Варненского р-на (рис. 1, 26). Наконечник обнаружен во фрагментах, что не позволяет описать его точно. Вероятнее всего он имел лавролистное острие с выступающим продольным ребром и цилиндрической втулкой, оторванной от корпуса. Датирован второй пол. VI в. до н. э. на основании других

находок этого некрополя (13, с. 127 датирует копье V–IV вв. до н. э., с чем мы не согласны. Ср. также 20, с. 25; автор относит некрополи Равна и Добрина ко второй пол. VI – V вв. до н. э.).

Трудно говорить о древках, т. к. у нас нет никаких данных о них, кроме незначительных остатков дерева во втулках некоторых стрел. По остаткам древков из д. Белоградец Г. Тончева допускает, что длина стрел ок. 35 – 40 см., а Д. – 0,5см. (21, с. 80). Стержни скифских стрел изготавливали чаще всего из березы, ясеня или тростника (7, с. 15 сл.).

Нет также остатков луков и колчанов. Не исключено, что лук хранили в отдельном футляре, как подсказывают некоторые скифские памятники (7, с. 32). Единственным памятником на территории современной Болгарии, в котором есть изображение лука с футляром, является уже упомянутая надгробная плита из Белоградца, датированная первой пол. VII в. до н. э. Конечно, изображение дает только общее представление о предметах. Исходя из предположения, что изображенная фигура среднего роста, можно сказать, что лук тоже средней величины (дл. 0,57 м, ширина 0,13 м.). Таким образом, по размерам изображенный лук подобен известным нам скифским лукам, длина которых обычно 0,6 – 0,7 м. (3, с. 114; 7, с. 14).

Судя по изображению, лук относится к так называемым составным (рефлексным) лукам, но с загнутыми *вовнутрь* концами. Приблизительно две трети его длины расположены в контурно изображенном футляре. Нижняя часть футляра (вероятно из кожи) имеет прямоугольную форму, кверху футляр слегка расширяется (3, с. 114, рис.6-в; 21, с. 84). Можно допустить, что на каменных стелах из деревень Белоградец и Калиште изображены, хотя и обобщенно, колчаны для стрел (21, с. 80 Pl. XL, 1–5; XXXIV, 8). Следы колчанов для стрел зафиксированы в инвентаре захоронения близ д. Белоградец. По мнению автора раскопок, «это была небольшая сумка из клетчатой ткани, сотканной из темно-красной, голубой и желтой пряжи» (21, с. 80).

Если не считать 11 наконечников стрел неизвестного происхождения, остальные 197 распределяются весьма неравномерно по современной болгарской территории. Так, напр., только один экземпляр (из д. Точиларци) происходит из райо-

на к югу от Стара-планины. Интересно, что и остальные находки группируются главным образом на территории современной СВ Болгарии (Варненский, Шуменский, Добричский р-ны), т. е. в землях гетов, и только 5 стрел обнаружено во Врачанском районе (СЗ Болгария). Очевидно, этот факт подчеркивает особое военно-стратегическое значение района совр. СВ Болгарии.

В качестве контактной зоны между древнефракийскими и северопонтийскими племенами (киммерийцы, скифы, сарматы, савроматы и др.) этот район играл важную роль для взаимного проникновения и влияния, для создания общих или подобных форм материальной культуры, в том числе и для развития оружейного производства.

Только одна из стрел сделана из железа, что объясняется чисто технологическими причинами: литье бронзы в формах дает больше возможностей для серийного производства значительного количества наконечников, чемковка из железа. Археологические находки показывают, что эту технологию предпочитали и в более поздний период – во второй пол. 1 тыс. до н. э. По всей вероятности, в рассматриваемый период, как и в предыдущую эпоху бронзы, продолжалось использование костяных наконечников стрел. Находок их во Фракии пока нет. Аналогичные костяные наконечники того же периода в Северном Причерноморье (7, с. 9, сл.) позволяют предполагать их использование и фракийцами.

1. Буюклиев Х. И. Нападателното въоръжение в древна Тракия (края на XII в. пр. н. э. –4 5 г. от н. е.). Кандидатская диссертация (автореферат). София, 1981.
2. Гомер. Илиада.
3. Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям.– *Thracica*, I, София, 1972.
4. Тончева Г. За ранното тракийско ювелирно майсторство.– *Изкуство* 4, 1974.
5. Мирчев М. Тракийският могилен некропол при с. Добриня.– *ИНМВ*, 1 (16), 1965.
6. Мелюкова А. И, Вооружение скифов. САИ, вып. Д, 1–4, 1964.
7. Тончева Г. Тракийското влияние в Одесос.– *ИВАД*, 10, 1956.
8. Маргос А. Тракийски погребения при с. Баново, Варненско.– *Археология*, 1961, 3.
9. Шкорпил Х. и К. Могилы. Пловдив. 1898.
10. Цончев Д. Антични паметници от Южна България.– ГМПО, 1954.
11. Николов Б. Тракийски паметници от Врачанско.– *ИАИ*, XXVIII, 1965.
12. Мирчев М. Раннотракийският могилен некропол при с. Равна.– *ИАИ*, XXV, 1962.

13. Димитров Б. За стрелите-пари от Западно и Северно Черноморско крайбрежие.– *Археология*, 1975, 2.
14. Иллінська В. А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів.– *Археологія*, 1973, 12.
15. Тончева Г. О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в XI—VI в. до н. э.– *Studia Thracica*, 1. Sofia, 1975.
16. Ильинская В. А. Хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин.– *СА*, 1973, № 3.
17. Герасимов Т. Домонетни форми на пари у тракийското племе асти.– *Археология*, 1959, 1—2.
18. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.– *МИА*, №101, 1961.
19. Чичикова М. Проучвания на тракийската култура през старата желязна епоха – *Археология*, 1974, 4.
20. Toncheva G. Chronologie du Hallstatt ancien dans la Bulgarie de Nord-Est. *Sofia*, 1980.
21. Vulpe R., Vulpe Ec. Activitatea santierului archeologic Poiana-Tecuci.– *SCIV*. 1951, 1—2.
22. Аханов И. И, Геленджикские подкурганые дольмены. – *СА*, 1961, №1.
23. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.

А. Н. Гертман

**К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ
У СКОТОВОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.
МОДЕЛЬ НА МАТЕРИАЛАХ VII — VIII вв. ИЗ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЯ**

Подавляющее большинство культурно-хозяйственных типов, связанных со скотоводством, имеют комплексный характер, включая, как правило, более или менее развитое земледелие. Формы существования «чистого» скотоводческого хозяйства – исключение (1, с. 55). Хотя и существует мнение, что в прошлом они были распространены значительно шире (2, с. 26 сл.), но вряд ли «чистые» кочевые формы скотоводческого хозяйства были когда-либо преобладающими. Это, в частности, объясняется и тем, что своим происхождением скотоводство неразрывно связано с земледелием (3, с. 398). Все это позволяет утверждать, что так называемая «первая стадия кочевания» – вариант, возникающий в особых условиях и существующий в большинстве случаев непродолжительное время.

Изучение экономики древних и средневековых обществ практически невозможно без привлечения этнографических параллелей. Слабая сторона использования такого рода материалов заключается в том, что этнографические материалы всегда четко привязаны к конкретной ситуации, характеризующейся определенными историческими, хозяйственными, этнокультурными, климатическими и другими факторами, отрыв от которых может привести к созданию ложных представлений о ходе того или иного процесса. Случаи, когда этнографические материалы довольно точно отражают хозяйственно-культурную ситуацию прошлого, – редки.

Южное Приаралье – одно из немногих мест, где под воздействием повторяющихся условий обводнения время от времени возникают и сходные условия ведения хозяйства. Исследования ихтиологов, геоморфологов, климатологов и других специалистов показали сходство природных условий в устье Амударьи в VII–XIII и XVII – конце XIX вв. Во второй пол. XIV–XVI вв. указанная территория представляла собой безжизненную пустыню (4, с. 203).

В VII–VIII вв. местность представляла собой аллювиальную равнину, прорезанную многочисленными протоками, соединяющими многочисленные озера и болота, покрытые камышовыми зарослями. Большое количество ила, содержащегося в амударьинской воде, приводило к постоянным изменениям условий стока и режима обводнения. Мелководья с медленнотекущими водами сменялись руслами с быстрым течением, окаймленными узкой полосой камышовой поймы. При этом межрусловые пространства высыхали и обезвоживались (5, с. 93).

На территории Приаральской дельты Амударьи в VII–XIII вв. локализуется область Кердер с одноименной столицей (6, с. 167). Население Кердера своим происхождением связывается с населением низовьев Сырдарьи, но под влиянием Хорезма постепенно утрачивает свою самобытность и к XII–XIII вв. полностью ассимилируется (7, с. 13).

Поселения, исследуемые в работе, расположены в СВ (городища Куюк-кала и Курганча) и южной (городище Хайван-кала) частях дельты. До недавнего времени на этой территории преобладал круглогодичный выпас крупного рогатого скота и коз в тугайных зарослях по берегам мелководий, сочетав-

шийся с земледелием на увлажненных почвах и выпасом овец на полупустынных и солончаковых пастбищах. Постоянные разливы и паводки привели к созданию полуоседлых форм хозяйства: несмотря на постоянное проживание на одном месте, население в любой момент готово сняться с места. Земледелием в той или иной форме в конце XIX века занималось до 68% всех семей, только 21% семей имели стационарное жилище, а остальные жили в юртах (8). В южной части дельты несколько большую роль играло земледелие на основе искусственного орошения при высоком уровне развития скотоводства.

Планиграфия поселений VII–VIII вв. дельты наглядно демонстрирует несколько путей сложения городов на этой территории.

I. Неукрепленное поселение вокруг крепости (замка), становящегося цитаделью города. Впоследствии могут быть сооружены еще несколько оборонительных линий. Можно сказать, что это стандартная схема создания города, развивавшаяся не без влияния Хорезма. Одним из наиболее типичных городов такого типа следует считать городище Хайван-кала, на котором локализуется столица области – город Кердер (9, с. 100). Это была прямоугольная крепость площадью ок. 20 га со стенами из сырцового кирпича. Территория крепости (со второго периода) имела плотную застройку домами-массивами, образующими кварталы и отделенными один от другого улицами. Характер застройки первого периода остался не ясен. Сооружение крепости датируется VIII в., но можно предположить и несколько более раннюю датировку (9). Вокруг крепости располагалось огромное неукрепленное поселение с трудноуловимыми границами, складывавшееся на протяжении длительного периода (9, с. 84). Не исключено, что аналогичный центр мог начать складываться вокруг городища Кыркжигит в северной части дельты (10, с. 35).

II. Поселение типа военного лагеря. В чистом виде на территории Приаральской дельты не обнаружены, но выявляется как первый период городища Куюк-кала и находит многочисленные этнографические параллели. Такое поселение, как правило, сооружалось в местах, наиболее плотно заселенных, у переправ, колодцев и т. д. Некоторые из «станов» XVIII–XIX вв. позднее превратились в современные города

дельты. Вот как выглядит описание строительства современного города Кунграда, составленное по описанию стариков-узбеков: «Город начали строить после того, как в эту местность собрался народ в большом количестве. . .». «Копали землю, огораживая стоянку валом. На вал набрасывали колючие кусты. Огороженное пространство имело несколько выездов, которые в случае необходимости заставлялись арбами». . . «Кто хотел жить в «кала», тот строил внутри дом из камыша или глинобитную хижину или ставил юрту, кто не хотел — жил за пределами города» (11, с. 345). Иллюстрацией к этому описанию могут служить заброшенные «станы» узбеков и каракалпаков, известные на территории дельты (12, с. 583). Исследование городища Куюк-кала позволило В. Н. Ягодину наметить следующие периоды его существования.

А. «Южный двор». Подпрямоугольной формы пл. ок. 21 га, огражден валом (глинобитной стеной?), внутри которой — хаотично разбросанные постройки. Отмечены глинобитные, кирпичные и каркасные строения. Круглые кирпичные вымостки интерпретируются как основания для юрт (13, с. 133; 14, с. 56).

Б. К «Южному» пристраивается «Северный двор» пл. ок. 6 га, на территории которого были только временные шалаши и загородки. Отмечены многочисленные зольники и ямы, заполненные мусорным культурным слоем (14, с. 63). К этому же периоду относится начало застройки «Южного двора» домами-массивами со стенами из кирпича. Тогда же в южной части двора появляется железодельная мастерская (14, с. 58).

В. В СВ углу «Южного двора» сооружается трапециевидная в плане цитадель пл. 1,8 га. Стены цитадели сложены из сырцового кирпича и имеют овальные башни и внутрстенный коридор (14).

Хронологические рамки существования городища нач. VII — нач. VIII вв. Не позже середины VIII в. на заброшенном городище сооружается еще одна крепость — «Западная цитадель», которая планировочно не связана ни с одним из названных ранее сооружений (14, с. 56).

Таким образом, в своем развитии городище Куюк-кала довольно быстро проходит путь от «стана» с хаотичной застройкой до города с ремесленными мастерскими и цитаделью,

III. «Военный лагерь» с выделенной цитаделью, сооружаемой одновременно со стенами, городища. Таково, например, городище Курганча, расположенное в СВ части дельты. Оно представляет собой прямоугольник глинобитных в нижней и кирпичных в верхней части стен общей пл. ок. 12 га. Обращает на себя внимание отличие строительных приемов, использованных при строительстве стены, отделяющей западную часть от остальной части городища. Она состоит из кирпичной кладки толщиной в один кирпич с внутренней стороны и каркаса из столбов, прутьев и камыша — с внешней стороны; пространство между ними заполнено глиной. Такая конструкция стены предполагает, что основной линией обороны городища была его внешняя стена, а западная часть городища не была его более ранней частью, а изначально была отделена от остальной площади. При этом необходимо подчеркнуть, что западная часть застроена кирпичными домами-массивами, между которыми проходят пересекающиеся под прямым углом улицы (15, с. 8, рис. 8). Эта часть городища, очевидно, была чем-то вроде цитадели, населенной постоянно живущим (земледельческим?) населением. Вся южная часть городища, за исключением участка у западной стены, застроена не была (15, с. 15).

Восточная часть первоначально была застроена хаотично расположенными каркасными домиками, позднее она застраивается домами-массивами со стенами из квадратного сырцового кирпича. Такие строения зафиксированы на юге восточной части городища (15, с. 28). Такой план застройки городища Курганча позволяет предположить, что западная часть с самого начала была заселена оседлым (земледельческим?) населением, а южная и первоначально восточная части предназначались для изменяющегося в зависимости от сезона количества скотоводческого населения. Такой принцип расселения не противоречит гипотезе, согласно которой поселение Курганча служило резиденцией одного из племенных вождей (7, с. 9). Городище гибнет в пожаре, охватившем практически всю обжитую (застроенную) территорию. Поскольку поселение возникает в нач. VII в., а обживание развалин после пожара приходится на середину VIII в. (10, с. 111), то получается, что основной период жизни на городище Курганча продолжался не более ста лет.

Таким образом, на территории Приаральской дельты Амударьи прослеживаются три пути сложения города.

В первом случае город имеет первоначальное ядро – государственную крепость. Местоположение возникающих городов определяется направлением государственной политики. Иногда крепость строится на месте существующего поселения, а вокруг нее начинает расти город (Багдат), иногда на территории поселений, прекративших по какой-либо причине свое существование («Западная цитадель» Куюк-калы).

Во втором и третьем случаях мы имеем дело с поселениями местных племен. Для этих городов характерно существование внутри стен больших незастроенных или застроенных временками площадей. Регулярная планировка присутствует только частично. Развитие городища Куюк-кала демонстрирует полный путь развития от лагеря-«стана» к городу, а Курганча — только последний этап сложения города (период «В» Куюк-калы).

Для того, чтобы определить характер хозяйственной деятельности населения Приаральской дельты в VI – VIII вв., обратимся к материалам остеологии (16, с. 157; 17, с. 78), сравнив их с составом стада, отмеченным на той же территории в конце XIX века в чисто земледельческом районе Хорезма и в чисто скотоводческом районе (пустынные пастбища Кызылкумов) (8).

Для конца XIX века характерен следующий состав стада (в % от общего количества животных);

Таблица 1.

Район и основной характер хозяйства	Дельта. Полуоседлое скотоводство и лиманное земледелие	Правобережный Хорезм. Земледелие с искусственным орошением	Пустыня Кызылкум. Кочевое скотоводство
КРС	21,1	31,2	0,009
МРС	66,4	44,8	87
Лошади	9,5	14,1	1,8
Ослы	0,8	2,7	0,6
Верблюды	2,2	4,9	10,5

Таблица 2.

	Куюк-кала	Хайван-кала	Курганча
КРС	22,9	26,7	30,6
МРС	51,4	60	37,1
Лошади	11,4	6,7	13,5
Ослы	2,9	—	5,9
Верблюды	—	6,6	5,9

Состав стада, отмеченный на памятниках Приаральской дельты, более характерен для районов с комплексным хозяйством (Куюк-кала и Хайван-кала) и отчасти с преобладающим земледелием (Курганча), но совершенно не похож на тот, который характерен для кочевых скотоводов. Это позволяет со значительной степенью вероятности говорить о комплексном характере хозяйства у жителей дельты в VII–VIII вв. и об использовании незастроенных площадей в качестве загонов для скота, что обусловило значительную величину поселений при относительно малой плотности застройки. Крупные поселения (города), включающие значительные незастроенные площади, типичны не только для Приаралья. Их можно найти в зонах, где одной из форм ведения хозяйства было развитое скотоводство, как правило, сочетающееся с земледелием. Можно сказать, что во всех этих случаях скотоводческий «стан» оказывал влияние на сложение городской территории, на характер ее застройки.

1. Жданко Т. А. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана.– СЭ, 1961, №2.
2. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982.
3. Шнирельман В. А. Становление производящего хозяйства. М., 1989.
4. Сорокина Р. А., Ягодин В. Н. Развитие гидрографической сети Приаральской дельты Амударьи в голоцене. В кн.: Колебания увлажненности арало-каспийского региона в голоцене. М., 1980.
5. Ягодин В. Н. Некоторые вопросы исторической географии Приаральской дельты Амударьи в VII–XIV вв.– Археология Приаралья, вып. III. Ташкент, 1986.
6. Бартольд В. В. История орошения Туркестана, Соч., т. III. М., 1965.
7. Ягодин В. Н. Археологические памятники Приаральской дельты р. Амударьи.– Автореферат канд. дисс. М., 1963.
8. Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного населения и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области. Ташкент, 1915.
9. Ягодин В. Н. Городище Хайван-кала – раннесредневековый Кердер.– Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
10. Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакской АССР, вып. 1. Нукус, 1985.
11. Задыхина Л. Б. Узбеки дельты Амударьи. – Тр. ХАЭ, т. I, М., 1952

12. Андрианов Б. В. Этническая территория каракалпаков.– Тр. ХАЭ, т. III, М., 1958.
13. Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е. Куюк-кала.– Мат. ХАЭ, вып. I, М., 1958.
14. Ягодин В. Н. Городище Куюк-кала.– Археология Приаралья, вып. П. Ташкент, 1984.
15. Ягодин В. Н. Кердерское поселение Курганча.– Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.
16. Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. – МИА, № 135, 1966.
17. Батыров Б. Х., Батиров А. Р. Средневековая фауна поселения Курганча. – ИМКУз, вып. 16, Ташкент, 1981.

М. Дж. Халилов

САРМАТИЯ – КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ: ГРАНИЦЫ, КОНТАКТЫ

(Iв. до н. э. – II в. н. э.)

По известным данным позднеантичных источников, закавказские государства – Албания и Иберия, владея кавказскими проходами, имели серьезное влияние на политическую ситуацию в Передней Азии. Для изменения ее в свою пользу эти страны довольно часто обращались к своим северным соседям – племенам Сарматии, пропуская через проходы их вооруженные силы. Об этом свидетельствует Страбон (1, с. 474, 476), Тацит (2, с. 41), Иосиф Флавий (2, с. 37), Дион Кассий (3, с. 276–277). Страбон считал, что такие отношения были обусловлены тем, что албаны и иберы, являясь соседями скифов и сарматов (1, с. 474), одновременно были связаны с ними узами родства (4, с. 50–52). Тацит характеризовал сарматские войска, всегда готовые помочь албанам и иберам, в качестве наемников (2, с. 41). В отдельные моменты эти добрососедские отношения нарушались. Страбон пишет, что нередко кочевники нападают на албан и «мешают земледельческим занятиям» (1, с. 476).

По данным Страбона, имевшего четкое представление о племенах, обитавших в южной части Большого Кавказа, на востоке страна албанов «прилегает к морю, а на западе гра-

ничит с иберийцами; северная сторона Албании окружена Кавказскими горами. . . Гора отделяет с юга Албанию и Иберию, а с севера – сарматские равнины . . . Наиболее высокими частями настоящего (т. е. Большого–М. Х.) Кавказа являются самые южные его части у Албании, Иберии, страны колхов и генкохов» (1, с. 472, 475, 479). Наиболее высокими местами Восточного Кавказа являются Шахдаг (4243 м) и Базар-дюзи (4466 м), которые находятся в современной пограничной зоне между Дагестаном и Азербайджаном. Приведенные сведения показывают, что не вся горная зона Восточного Кавказа входила в состав Албании (5, с. 91).

Птолемей (II в. н. э.) причисляет отроги Кавказа, в том числе отрог, идущий к Каспийскому морю, к тем горам, которые прорезают Сарматиию (3, с. 246). Из этого следует, что Птолемей включает в пределы Сарматиию весь Северный Кавказ, в том числе горную часть Дагестана. Иберия, Албания и Колхида ограничивались с севера горными частями Сарматии, Это дает основание считать, что Страбон относит горцев Северного Кавказа к сарматам условно.

Судя по Птолемию, граница Албании с Сарматией на западе начинается в местности, которая лежит под $77^{\circ} - 47^{\circ}$, «затем предел вдоль Албании до Гирканского моря» (3, с. 246). При всей условности градусной сетки Птолемея интересно, что Сарматские ворота также лежат под $77^{\circ} - 47^{\circ}$, а Иберия ограничивается с востока Албанией в местности с теми же координатами (3, с. 246, 251). Таким образом, эти повторяющиеся «ошибочные координаты» относятся к одной и той же местности. Это дает право утверждать, что в результате военных успехов в I в. н. э. границы Албании продвинулись далеко на запад, вплоть до Дарьяльского прохода – Сарматских ворот. Об албано-иберийской войне имеются сведения у Тацита (2, с. 44), который сообщает о том, что иберийский царь Фарасман потом был в обиде на брата, воспротивившегося ему, когда он хотел обратиться за помощью к римлянам (2, с. 44). Таким образом, границы Албании с Сарматией в это время начинались с Дарьяльских ворот на западе и доходили до Каспийского моря на востоке. Но, видимо, Дарьяльским проходом владела Иберия. Албания поддерживала контакты с Сарматией через Албанские ворота (Дербентский проход).

Страбон утверждает, что аорсы владеют большей частью побережья Каспийского моря и поэтому они ведут караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен, в частности, у мидийцев (1, с. 480). Именно в Прикаспийской Албании ощущается сильное влияние сарматских племен. Такие памятники на территории СВ Азербайджана, как Рустов (6, с. 58 сл.) и Джанахыр (7, с. 69 сл.) отражают это влияние. Грунтовые погребения Рустова, Джанахыра I – II вв. н. э.) насыщены сарматскими элементами. Можно указать на некоторые погребальные обряды, различные виды керамики, в том числе с сарматскими тамгами, оружия и украшений (6, с. 58 сл.).

Городище Джанахыр, по нашему мнению, можно идентифицировать с албанским городом Гангара, упоминаемым Птолемеем (3, с. 257). Пока что широкомасштабные исследования на этом памятнике не проведены. Изучение городища и его некрополя должно дать ответ на многие вопросы албановедения, в том числе, о взаимоотношениях с северными кочевниками. Видимо, не случайно, в СВ Азербайджане сохранились некоторые топонимы, происхождение которых, возможно, связано с пребыванием здесь скифо-сарматских племен. Например, название горы «Куркачи» очень напоминает скифское название Кавказа. «Краукасис» или «Кроукас», т. е. «белый от снега», отмеченное у Плиния Старшего и Юлия Солина (8, с. 49 сл.; 2, с. 93).

Отдельные сарматские вещи найдены и в других регионах Албании, но, видимо, они попали туда в результате торговых отношений (9, с. 102). Некоторые исследователи даже считают, что уже в I в. н. э. в Западном Прикаспии было создано Маскутское царство (10, с. 200; 11, с. 226), при этом ссылаются на Тацита, который упоминает скифского царя-аршакида где-то в соседстве с албанами и гениогами (2, с. 41). Известно, что в эпоху раннего средневековья в маскутском царстве также правили Аршакиды. По данным Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.), массагеты уже в I в. до н. э. владели западным побережьем Каспийского моря. В письменных источниках нет данных о существовании в позднеантичную эпоху западноприкаспийского маскутского царства, и только дальнейшие археологические исследования могут дать ответ на поставленный вопрос. Пока все известные памятники, которые

связываются с маскутским союзом племен, возглавляемым апасиаками, относятся к эпохе раннего средневековья (12, с. 33; 13, с. 72 сл.). Некоторые исследователи возражают против определения времени появления маскутов в Южном Дагестане первыми вв. н. э. (14, с. 269).

Решая вопрос о происхождении ранних катакомбных погребений Мингечаура (I – III вв. н. э.), некоторые исследователи говорят о их принадлежности аланам Северного Кавказа (10, с. 198 сл.; 11, с. 218 сл.), другие считают эту интерпретацию «как допустимую, но пока еще не доказанную гипотезу» (15, с. 18). Другая группа исследователей, на наш взгляд, более аргументированно отстаивает мнение о том, что мингечаурские катакомбы – погребальные памятники местных племен (9, с. 98 сл.; 16, с. 78 сл.). Предполагается, что этот тип погребального сооружения проник в местную среду с юга в результате контактов с племенами на территории совр. Ирана (9, с. 101).

Уже было отмечено, что катакомбные погребения в Мингечауре появляются в одно время и на одной территории со срубными погребениями (17, с. 138). Последним, по нашему мнению, более подходит термин «деревянные ящики» или «гробы». Характерной особенностью позднеантичных катакомбных погребений Мингечаура является захоронение в кувшине или же в деревянном срубе (18, с. 5). Но если захоронение в кувшине, размещенном в камере катакомбы, можно охарактеризовать как пережиток хронологически предшествующего обряда (9, с. 94), то этого нельзя сказать о захоронениях в деревянных ящиках, так как в отличие от кувшинных погребений, деревянные ящики отсутствуют в предшествующий период (IV–I вв. до н. э.). Для соединения местного (захоронение в кувшине) и заимствованного (захоронение в катакомбе) обрядов имелись все условия. В случае же с захоронениями в деревянных гробах подобные условия отсутствуют. Это явление можно объяснить только тем, что обряд захоронения в деревянных ящиках, размещенных в катакомбах, привнесен в Албанию в уже сложившемся виде. Правда, в Мингечауре на том же участке было зафиксировано ок. 10 захоронений в деревянных ящиках не в катакомбах, а в грунтовой яме (17, с. 137 сл.; 96, с. 89 сл.). Их количество значительно уступает количеству катакомбно-ящичных погребений, а появление датировано II в. н. э. (17, с. 145), тогда как ката-

комбно-ящичные погребения появились в I в. н. э. Появление ящичных грунтовых погребений, видимо, результат «размежевания» обряда захоронения в катакомбно-ящичных погребениях.

Представляют интерес пути проникновения обряда захоронения в катакомбно-ящичных погребениях. На территории Грузии в V – IV вв. до н. э. он зафиксирован в древнем некрополе греческого населения в Кобулетипичвнари (Колхида), где покойников хоронили в деревянных гробах, представлявших собой, скорее всего, прямоугольные ящики, сколоченные гвоздями (19, с. 22). В I – IV вв. н. э. основным типом погребения в Колхиде были грунтовые погребения, в которых для III – IV вв. н. э. зафиксированы скорченные захоронения, возможно, в деревянных гробах (19, с. 58).

В Армении захоронения в деревянных гробах появляются в I – III вв. н. э. в некрополе Арташа (19, с. 76). Таким образом, захоронения в деревянных гробах в Закавказье в различных регионах появляются почти одновременно в I – III вв. н. э. Упомянутые погребения в Колхиде составляют исключение.

Использование деревянных гробов в Месопотамии и прилегающих районах было зафиксировано в Багузе (Врзи) на территории Сирии, в Какзу и Ниппуре (Ирак). Все некрополи относятся к парфянскому времени (20, с. 84, 91 сл.).

Деревянные гробы встречаются и в Сарматии. В погребениях раннесарматского времени погребенные иногда лежали в деревянных решетчатых гробах, сколоченных только с помощью деревянных шипов (21, с. 172). По мнению исследователей, ранее IV в. до н. э. эта черта погребального обряда у сарматов не наблюдалась (21, с. 172). В среднесарматское время, когда у сарматов исчезают катакомбные могилы, иногда покойников хоронили в дощатых гробах (21, с. 179). Зафиксированы остатки деревянных гробов во впускных грунтовых погребениях IV в. до н. э. – I в. н. э. сираков (21, с. 250).

Деревянные гробы обнаружены и в погребальных сооружениях поздних скифов. Большинство погребений в мавзолее Неаполя скифского совершалось в прямоугольных сосновых ящиках, сбитых железными гвоздями (21, с. 130).

Анализ показывает, что катакомбно-ящичные погребения не могли проникнуть в Албанию с севера, из Сарматии, так

как там такие погребения в интересующее нас время отсутствуют. В Парфии нам известен лишь один подобный памятник. Это – Дура-Европос (Сирия), где зафиксированы более 1000 Катакомб I в. до н.э. – III в. н.э. Здесь, в камерах катакомб, были обнаружены деревянные гробы.

Употребление деревянных гробов и погребальных досок является одной из самых характерных черт погребального обряда подбойно-катакомбных могильников Ферганы (22, с. 74). Некоторые исследователи считают обычай захоронения в деревянных гробах результатом среднеазиатско-сарматских связей (22, с. 80), другие связывают его с передвижением гуннов (22, с. 80).

Таким образом, намечаются два направления, по которым обряд захоронения в катакомбно-ящичном погребении мог проникнуть в Албанию: южное (Парфия) и юго-восточное (Ср. Азия).

Цепочка катакомбных могильников растягивается в ЮВ направлении. Это — Дайламан, Норузмахале, Хорамруд, Шахпир в Иране, Кизыл-чашме, Хас-Кязриз, Мешрепи-Тахта, Пархай в Южном Туркменистане (20, с. 98 сл.). Иранские катакомбы в целом относятся к III в. до н.э. – III в. н.э., а катакомбы Южного Туркменистана ко II в. до н.э. – III в. н. э. (20, с. 98 сл.). В могильнике Кизыл-чашме было зафиксировано захоронение в деревянном гробу (20, с. 103). Все эти катакомбные погребения находятся в зоне древнего Гирканского прохода: иранские могильники на западном, а южнотуркменские на восточном конце. Видимо, они оставлены племенами, которые проникали в Иран через Гирканский проход из Средней Азии. В источниках сохранились сведения об этих походах. Флавий писал: «... замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они (аланы – М. Х.) вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... Итак, производя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая» (2, с. 39). Ряд исследователей считает, что в источнике под «гирканами» подразумеваются «иберы», так как у античных историков названием Гиркания обозначалась и Иберия (10, с. 209). Однако, во-первых, Иосиф Флавий

употребляет этноним «ибер» в связи с закавказскими событиями, а проход, которым они владели, называет «каспийским» (2, с. 37); во-вторых, Мидия была первой страной на пути аланов, опустошив которую, аланы двинулись в Армению, что возможно только, если нашествие было совершено через Гир-канский проход. Не только аланы, но и другие кочевые племена Средней Азии также проникали в Иран, видимо, через Гирканский проход. У того же Флавия мы находим сообщение о вторжениях в I в. н. э. многочисленных войск даев и саков в связи с политическими событиями в Иране (2, с. 37 сл.). По данным Страбона, «из даев одни называются апарнами... апарны находятся ближе всего к Гиркании и к пограничному с ней морю. ...» (1, с. 483 сл.). Далее Страбон пишет: «... апарны делали набеги на Гирканию, Несею и парфянские равнины» (1, с. 484). Страбон приводит сведения о том, что основатель Аршакидской династии Аршак ведет свой род от даев и с помощью апарнов завоевал Парфию (1, с. 486 сл.). Асиний Квадрат (160 — 230 гг. н. э) указывает на то, что «у реки Кира живут обарены и отены» в значительном количестве (3, с. 283). Можно предположить, что эти обарены те же апараны, возможно, захватившие в первых вв. н. э. земли на берегу р. Кура вблизи Отены.

Таким образом, можно констатировать, что обряд захоронения в деревянных гробах, размещенных в камерах катакомб, проник в Мингечаур не из Сарматии, а с юга или ЮВ. При этом население, хоронившее своих покойников в кувшинных погребениях, испытало сильное влияние носителей нового обряда и растворилось в их среде.

Антропологические данные говорят о том, что в среду албан в указанный период проникает новый этнический элемент. В некоторых сырцовых гробницах между Ханларом и Гянджой и кувшинных погребениях Мингечаура, датированных рубежом эр, зафиксированы искусственно деформированные черепа (24, с. 239 сл.; 25, с. 223 сл.), отсутствующие в мингечаурских катакомбных погребениях I – II вв. н. э. Ареал и количество исследованных погребений пока не дают возможности решить, кроются ли за этой общностью форм погребальных сооружений культурные или этнические связи.

1. Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964.
2. Алиев К. Античные источники по истории Азербайджана. Баку, 1986.
3. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – ВДИ, 1948, № 2.

4. Халилов М. Дж. Новые данные об этническом происхождении албан, выявленные в сочинении «География» Страбона. – Труды конференции молодых ученых Академии наук «Великий Октябрь и современность: актуальные проблемы обществоведения». Баку, 1988.
5. Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. – V в. н. э.). Баку, 1974.
6. Халилов Дж. А. Могильник у с. Рустов и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана. – Пятое крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов). Махачкала. 1975.
7. Алиев А. А. О древнем могильнике вблизи селения Джанахар (азерб. яз.). – Известия АН Азерб ССР Сер. истории, философии и права. 1981, № 3.
8. Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
9. Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. – III в. н. э.). Баку, 1985.
10. Алиев И. Сармато-аланы на пути в Иран. – История иранского государства и культуры. М., 1971.
11. Алиев И. Г., Асланов Г. М. Племена сармато-массагето-аланского круга на территории Азербайджана. – Древний Восток, вып. 2, Ереван, 1976.
12. Халилов М. Дж. Страна Абгаз в эпосе «Китаби Деде Коркут» (азерб. яз.). – Фольклор и культура. Баку, 1990.
13. Гмыря Л. Б. Погребальный обряд Паласа-сыртского могильника (эт-нососоциальная интерпретация). – В сб.: Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.
14. Кузнецов В. А. Аланы и раннесредневековый Дагестан (к постановке вопроса). – Материалы по археологии Дагестана, Том II, Махачкала, 1961.
15. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
16. Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа. – СА, 1978, № 1.
17. Асланов Г. М. Из истории материальной культуры Кавказской Албании I – IV вв. – Вопросы истории Кавказской Албании. Баку. 1962.
18. Асланов Г. М. Материальная культура Мингечаура I – VII вв. (на основе археологии катакомбных погребений). Автореф. дис. канд. ист. наук. Баку, 1963.
19. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
20. Литвинский Б. А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях). – Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983.
21. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
22. Литвинский Б. А. Курганы и кумыры Западной Ферганы. М., 1972.
23. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
24. Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я. И. Гуммелем в 1938 г. – МКА, т. VII, 1973.
25. Нариманов И. Г., Асланов Г. М. Об одной группе погребальных памятников Мингечаура. – МКА, т. IV, 1962.

АНТИЧНЫЕ БУСЫ В ЮЖНОЙ СИБИРИ

В хунно-сарматское время к жителям степей Енисея поступали из Китая лаковые изделия, шелковые ткани, зеркала, а по Шелковому пути с территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья стеклянные вещи, из которых до нас дошли бусины и бисер. Известны и другие привозные изделия, но они не составляли массового импорта. В частности, нефритовые вещи и коралл найдены во дворце китайского сановника, построенном в I в. н. э. под г. Абаканом. Лак же, шелк и бусы служили, видимо, эквивалентом при торговле шкурами соболя. Еще в 1960 г. Л. Р. Кызласов пытался датировать таштыкские грунтовые могильники по единичным тогда в них обломкам китайских лаковых чашечек, фрагментам полихромных тканей и стеклянным золоченым бусинам. Руководствуясь лишь внешнем сходством, он отнес чашечки и ткани к эпохе Ранняя Хань, а бусы – к I в. до н.э., т.к. сходные были найдены в могильнике хунну в Забайкалье. В результате возраст таштыкских могильников был определен в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. (1, с. 108 сл.). Позже выяснилась полная неинформативность обломков чашечек и, напротив, конкретность анализа полихромных тканей; они относятся к лоуланьской группе китайских тканей и изготовлены в мастерских Шу (совр. провинция Сычуань). Длительное время эти ткани относили к I в. до н. э. – II вв. (2). Ныне в связи с уточнением датировки могильника и поселения у Лоулана предложено другое время их изготовления – III–IV вв. н. э. (3). Соответственно изменяются представления и о таштыкских памятниках, где найдены куски тканей из той же мастерской. Сейчас это самая надежная, но не единственная, дата для таштыкских могильников.

Собрано ок. 500 подлинных бусин, преимущественно каменных, костяных и несколько десятков стеклянных, дающих дату таштыкских памятников. Длинные низки бус из 20–45 бусин носили как ожерелье и оплетали ими высокую женскую прическу. Короткие низки из 4–5 бусин служили браслетами, а одна-две, нанизанные на ремешок или тесемку и носившиеся на шее, – амулетами. Бисером, видимо, украшали иногда ворот, рукава или грудь рубахи, одетой на покойника под двумя шубами. На одну нить всегда нанизаны бусины

разного материала, формы, цвета. Почти все стеклянные бусины найдены в двух таштыкских могильниках: у д. Комарко-ва на правом берегу Енисея и у бывшего хут. Терский на левом берегу Енисея. Спектральному анализу были подвергнуты 12 бусин из первого пункта и 13 бусин из второго. Анализ сделан в Лаборатории ЛОИА В. А. Галибиным и в лаборатории ВНИИИ Океанологии и прокомментирован В. А. Галибиным.

По составу стекла комарковские бусины разделились на изготовленные по египетскому рецепту (песок + природная сода) в мастерских Восточного Средиземноморья и восточному рецепту в мастерских Ближнего Востока (Иран, Персия). В. А. Галибин указал на совпадение химического состава и внешнего вида сибирских бусин с бусами из Северного Причерноморья, типология которых хорошо разработана. Это наблюдение побудило нас проанализировать по внешнему виду и другие стеклянные бусины могильника. На наш взгляд, из мастерских Восточного Средиземноморья происходят: 2 подвески из белого стекла с различно окрашенными зонами, крупная бесцветная бусина с большой золотой прокладкой, синие бусина и пронизь, бесцветный бисер, а также уникальная свинцовая бусина (4, с. 83сл.). Аналогичные формы имеются в памятниках Северного Причерноморья, но наибольшее сходство с античными имеют комарковские подвески и позолоченная бусина. Подвеска из одноцветного стекла сходна с типом грушевидных черноморских подвесок, датироваемых II – первой пол. IV вв., а также со стрелковидными подвесками конца I – нач. II вв. (5, т. 27, 72; т. 33, 6, 7, 70). Вторая подвеска имеет поперечный орнамент, распространенный со II в. до н.э. по I в. Бусы с золотой и серебряной прокладкой были широко распространены в Северном Причерноморье в I – IV вв. (5, с. 27). Аналогичная комарковская бусина не могла быть изготовлена ранее II в., поскольку ее стекло обесцвечено марганцем, что применяется лишь со II в. (4, с. 100). По типологическим признакам к античным можно отнести и ряд других комарковских бусин, хотя их химический состав не проверялся. Это пронизи из нескольких нерасчлененных бусин: 2 пронизи из трех крупных бочковидных бусин (по Алексеевой т. 26, 5–8, тип 1 вариант Б), 2 пронизи из двух крупных цилиндрических бусин (по Алексеевой т. 26, тип 32), 2 вытянутые пронизи с пе-

ретьяжкой по краям (Алексеева, 1978, т. 26, 30, 32, тип 21, 23), несколько пронизей из мелких бусин типа бисера и т. д.

В комарковской коллекции преобладают одноцветные бусины, имеются оранжево-янтарные, граненые, рубленый бисер, бочковидные бусины, изготовленные из вытянутых трубочек – все эти признаки характерны для античного стеклоделия первых веков н. э. (5, с. 62 сл.). В целом обращает на себя внимание то обстоятельство, что нет бусин, встречающихся в памятниках Северного Причерноморья ранее I в., а преобладают типы, наиболее распространенные в I – II, либо с конца I в. и во II вв. н. э.

В могильнике Терский в одной могиле собрано 15 бусин, из которых 2 доломитовые и 13 стеклянных, три из которых по составу стекла изготовлены в мастерских Восточного Средиземноморья, а остальные — Ближнего Востока. Интересующие нас изделия из содового стекла представляют две синие бусины (благодаря использованию кобальта) и округлую бисеринку из полупрозрачного стекла молочного цвета. Такой бисер изготовлялся в античных мастерских как до II в. до н. э., так и во II в. н. э. (5, т. 33, 1, 16, 25). Одна бусина изготовлена из вытянутой трубочки с перехватом, т. е. из двух овальных бусин; тип характерен для первых веков (5, т. 38, 3, тип 15, 16). Другая бусина первоначально была цилиндрической формы, но подшлифована под бочковидную. Этот тип был распространен со II в. до н.э. и в первых веках (5, т. 34, 4, тип. 18, 21). Однако ранее II в. н. э. на Енисей попасть они не могли, поскольку найдены в комплекте с ближневосточными бусинами, три из которых по химическому составу (по В. А. Галибину) датируются II – V вв.

Имеются сведения о других типах бусин из раскопок С. А. Теплоухова у оз. Горькое и С. В. Киселева у кург. Салбык. Среди них глазчатые, полихромная и одноцветные. Глазчатые бусины делятся на белые и зеленые. Первые различаются по глазкам: синие или красные глазки в черных кольцах, синие глазки в двойном белом и синем кольцах. Зеленые бусины с синими глазками в белых и с коричневыми глазками в желтых кольцах. Без знания конкретной технологии (гладкие накладные, слоисто-щитковые, слоисто-комбинированные) их трудно датировать, но в Северном Причерноморье глазчатые бусины широко распространены именно в первые века н.э.

Единственная полихромная бусина украшена тремя поперечными полосами. Окраска неизвестна, имеется лишь карандашный рисунок Л. А. Евтюховой. Прямых аналогов не найдено; предположительно бусина изготовлена в I в., поскольку орнамент из поперечных полос был характерен для III – I вв. до н. э., а с тройной поперечной полосой для позднего эллинизма и I в. н. э. (5, с. 41). Среди одноцветных бусин есть синие, голубые и бесцветные с внутренней полосой. Последние схожи с античными широко распространенными в I – IV вв., а особенно в конце I – II вв. Комбинированная пронизь из округлого диска и перпендикулярного к нему овального диска подобна пронизям, известным в комплексах I – III вв., а наиболее часто со второй пол. I и во II вв. (5, т. 26, 67, тип 25).

Стеклянные бусы, причем в значительном количестве, найдены на Енисее в памятниках, близких по времени или синхронных таштыкским. Это позднетагарские курганы и могилы населения загадочного происхождения, условно называемые «тесинскими грунтовыми» могилами. Бусы не привлекали внимание исследователей, не анализировались, не подвергались спектральному анализу, но даже визуальное знакомство с коллекциями позволяет утверждать, что среди них много бусин, типологически близких отмеченным в таштыкских могилах, а также новых, сходных с античными. Выделяется несколько типов:

1. Треугольные подвески, спаянные из разноцветного стекла. Полосы и зоны направлены вдоль канала отверстия. Полос две-три. Две подвески найдены в тагарском кургане Новые Мочаги Н. Ю. Кузьминым, одна в могильнике Тепсей VII М. П. Грязновым. В северном Причерноморье подобные отмечены в погребениях I в. до – II в. н. э., но наиболее характерны для рубежа н. э. (5, с. 43, т. 27, 60 – 65).

2. Пронизи из трех нерасчлененных бусин с золотой прокладкой (Новые Мочаги и Оглахты V, м. 6, раскопки Л. Р. Кызласова); аналогичны таштыкским и античным первым вековн. э. (5, т. 26, 8, 30).

3. Цилиндрическая бусина, обвитая спиралями, найдена в могильнике Новые Мочаги. В античных комплексах со I в. до н. э. по II в. н. э.

4. Полихромная бусина цилиндрической формы с фестонобразным орнаментом найдена в могильнике Красный Яр,

раскопки Э. Б. Вадецкой. Этот тип бусин в античных памятниках наиболее характерен с первой пол. II в. изготовлялся не ранее I в. (5, т. 29, 30, 31, 33, с. 38, 49).

5. Бочонковидные бусины с валиками по краям. Соответствуют 170 типу одноцветных античных бус и типам 24,26 с металлической прокладкой. Изготовлены из трубочки при помощи формовочных щипцов. Одноцветные бусы характерны для I – II вв., а с металлической прокладкой для I – III вв. (5, т. 26. 24–27). На Енисее найдены в могильниках Уайбат II, раскопки Г. Ф. Дебеца, и Тепсей VII.

6. Мелкие округлые бусины с ребристой поверхностью. Соответствуют античным одноцветным бусам типов 141–152. Распространены в I–IV вв., а особенно в I – II вв. (5, с. 71 сл.; т. 33, 46, 50–54). Наконец отметим круглые и бочонковидные бусины с металлической прокладкой, встреченные неоднократно и характерные для I – IV вв.

Таким образом, в Минусинской котловине находятся в могильниках те типы восточносредиземноморских бус, которые были на территории Северного Причерноморья наиболее распространены в I – II вв. или с конца I в. и во II в., что определяет нижнюю дату этих памятников, но не может служить единственным основанием, ибо одинаковые бусы продолжали изготавливаться до IV в.

В одних комплексах и даже на одном ожерелье обнаружены бусы разного происхождения: из Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Те и другие могли поступать по одному отрезку Великого Шелкового пути. Значит, бусы из содового стекла могли поступать из Сирии, а не степным путем из Северного Причерноморья.

Близость типов сибирских и черноморских бус (их более 20), обнаруживаемая даже при их визуальном сопоставлении, склоняет нас к мысли, что бусы поступали все-таки из мастерских Северного Причерноморья. Косвенным подтверждением этому служат могильники на юге Западной Сибири. Например, саргатский могильник I – II вв. на Среднем При-тоболье, где положены не только бусы, но и фигурки Гарпок-ратов из Северного Причерноморья (6). С I в. п. э. был освоен северный отрезок шелкового пути, по которому изделия из античных колоний Северного Причерноморья проникали в

Ханьскую империю. «Северный путь» на территории Восточного Туркестана проходил через Турфанский оазис. Торговая магистраль, являвшаяся для западного населения Шелковым путем, стала «стеклянным» путем для населения Центральной Азии и Китая в I – VIII вв. (7, с. 369, 389), а не раньше, что объясняет отсутствие в минусинских памятниках античных бус ранее I в.

Многочисленные государства, расположенные в Восточном Туркестане, через которые проходил Шелковый путь, находились под властью хунну со II в. до н. э. до конца I в. до н. э. В 77 г. до н. э. китайцы создали здесь свои земледельческие колонии и военные поселения. Китайский протекторат над государствами Западного края формально просуществовал до 107 г., но еще в 91 г. империи Хань удалось нанести окончательное поражение хунну. После разгрома они перестали играть сколько-нибудь заметную роль в международных отношениях в Центральной Азии и территория, прежде ими занятая, вскоре оказалась в руках сяньбийцев (8, с. 259). Таким образом, в интересующее нас время китайские торговцы, видимо, активно действовали на «северном пути» и поступившие по нему изделия продавали в другие районы вместе с китайскими вещами и шелком. Поэтому в таштыкских могильниках находятся ценности, одновременно импортируемые как с Востока (Китай), так и с Запада (Иран, Персия, Северное Причерноморье).

Импортные бусы являются датирующим источником для очень сложного, так называемого «таштыкского переходного» периода в Присаянье, причем не столько для датировки конкретных памятников, сколько проблемы взаимоотношений нескольких этносов – тагарцев, тесинцев, таштыкцев.

Изложенные соображения являются первой заявкой для исследования в этом направлении с привлечением стеклянного импорта.

1. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960.
2. Рибо К. Л., Лубо-Лесниченко Е. И. Оглахты и Лоулань (две группы древних художественных тканей). – Страны и народы Востока вып. XV, 1973.
3. Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. Автореферат дисс. докт. ист. наук. Л., 1989.
4. Галибин В. А. Состав стекла из памятников Красноярского края (V в. до н. э. – I в. н. э.). – Древние культуры Евразийских степей. Л.,

5. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.– САИ вып. Г1-12, 1978.
6. Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Саргатский могильник у д. Тютрина (по раскопкам 1981 г.). – КСИА, вып. 184, 1985.
7. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий Шелковый путь.– В кн.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.
8. Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. – В кн.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, М., 1988.

В. Р. Эрлих, С. П. Кожухов

**ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ
МЕОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАКУБАНЫЯ**

Основным результатом десятилетней работы Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ является открытие и исследование большого числа новых памятников Закубанья в хронологическом диапазоне от эпохи бронзы до позднего средневековья, а количество раскопанных памятников эпохи раннего железа таково, что позволяет монографически изучить историю Среднего Закубанья в этот период.

Авторы, в той или иной степени освещавшие вопросы периодизации раннего железного века Кубани, основывались, главным образом, на материалах Правобережья, поскольку Закубанье было исследовано значительно хуже. Даже первичный анализ памятников Закубанья позволяет утверждать, что ни одна из предложенных периодизаций не может быть здесь применена, поскольку развитие меотской культуры в регионе происходило несколько иначе.

Мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые полагают, что «меоты» греческих авторов являются не эт-ником, а суммарным понятием, обозначающим население, жившее вокруг Меотиды (1; 2). Однако понятие «меотская культура», по нашему мнению, вполне приемлемо для обозначения археологической культуры Кубани раннего железного века.

Выделение периодов в археологических культурах предполагает разнообразие подходов и принципов, тем более в культурах, отличающихся длительным сохранением традиций-

К таким консервативным культурам относится, на наш взгляд, и меотская культура Закубанья, сохраняющая основные черты погребального обряда на протяжении более 700 лет.

В нашем подходе к периодизации меотской культуры мы стараемся выделить основной процесс каждого периода, а рубежами считаем те моменты, когда эти процессы можно считать в основном завершенными.

До недавнего времени были неизвестны памятники, непосредственно предшествующие древнемеотским могильникам. Некоторый свет на проблему генезиса меотской культуры Закубанья пролили исследования Э. С. Шарафутдиновой (3). Очевидно, процесс генезиса новой культуры в предгорной и лесостепной части Закубанья необходимо рассматривать в общем контексте формирования культур эпохи перехода от бронзы к раннему железному веку Северного Причерноморья, где в конце II–нач. I тысячелетия до н. э. под воздействием экологических факторов наблюдается запустение степных районов и поиск степным населением экологических ниш с более влажным климатом пригодных для проживания (4).

Ранний период, название которого «древнемеотским» вполне допустимо, длится со второй пол.– конца IX в. до н.э. до середины VII в. до н. э. Такие даты дает относительная хронология комплексов древнемеотских могильников Закубанья, основанная на взаимовстречаемости бронзовых уздечек наборов (5). Нижнюю дату дает бронзовый птицеголовый скипетр с грибовидным обушком из погребения 35 мог. Фарс, аналогичный скипетру из клада Прюдь (6). Объединение в один период VIII, VII и VI вв. до н. э., как это было сделано А. М. Ждановским и И. И. Марченко (7), на наш взгляд, неправомерно, хотя в памятниках второй пол. VII – VI в. до н.э. прослеживается преемственность с древнемеотским периодом в погребальном обряде и некоторых керамических формах. Материальная культура в целом, однако, имеет несколько иной облик, что следует связывать с важными социально-экономическими сдвигами, происшедшими в конце древнемеотского периода. Они в значительной мере обусловлены участием населения Прикубанья в переднеазиатских походах конца VIII – первой пол. VII вв. до н. э., что подтверждается археологическим материалом. К концу периода походов, углубляется процесс социальной поляризации общества, наиболее ран-

ним свидетельством чего являются подкурганные аристократические погребения вождей-колесничих в курганах Уашхиту и 46 в урочище «Клады» у ст. Новосвободной, а также клады упряжи колесниц (8).

Завершение древнемеотского периода и начало нового отмечено появлением богатейших курганов 3-й четв. – 2-й пол. VII в. до н. э. у ст. Келермесской, ст. Костромской и 1 Говердовского кургана. Участие в переднеазиатских походах и полученный скифский импульс придают меотской культуре «скифоидный» облик. В этот момент как никогда ранее проявилась общность материальной культуры Закубанья с раннескифской культурой Северного Кавказа и Украинской Лесостепи.

С окончанием походов начинается новый период меотской культуры, который мы, вслед за многими исследователями, называем меото-скифским. В Закубанье он хорошо прослеживается на материалах ранних групп Уляпского и Начерзийского могильников, датируемых VI – V вв. до н. э., и Ульского курганного некрополя воинов-аристократов. С предшествующим периодом меото-скифский связывает преемственность в погребальном обряде и некоторых формах керамики. Уздечные наборы, оружие и предметы в зверином стиле выполняются в русле общескифских традиций. Особенность региона проявляется в деталях погребального обряда. Например, короткие мечи-акинаки встречаются здесь у рядовых пеших воинов (9), упряжные кони используются в виде жертвенных животных в огромных гекатомбах и др.

Основным процессом в этот период, по нашему мнению, является постепенное изживание «скифских» черт. Так, во второй пол. VII – первой пол. VI вв. до н. э. в Закубанье широко используются бронзовые наконечники стрел скифских типов (10). Однако уже с середины VI в. до н. э. происходит вытеснение бронзовых наконечников стрел железными; уже в V в. до н. э. бронзовые наконечники стрел редки, а в IV в. до н. э. – единичны. Короткие акинаки скифского облика постепенно эволюционируют с конца V в. до н. э. в длинные меотские мечи без металлического перекрестья. В сложившемся виде меотский меч существует уже в IV в. до н. э. (25). Дольше существуют уздечные наборы общескифского облика, однако в конце V в. до н. э. на удилах появляются крестовидные насадки, которые к III в. до н. э. модифицируются в своеоб-

разные крестовидные «псалии»; двудырчатые псалии исчезают, ремennое оголовье лошади упрощается.

К IV в. до н. э. меотская культура Закубанья приобретает свой «классический» облик. Начинается собственно меотский период. Господствуют местные формы гончарной керамики, возникшие в результате переработки боспорских традиций, своеобразен набор вооружения, сложился кубанский вариант звериного стиля. Тесные контакты с Боспором привели к появлению в погребениях импортных вещей. Все эти черты хорошо прослеживаются в поздней группе Уляпского и ранней группе Серегинского могильников. Появляются новые черты в погребальном обряде, и не только в нем. Некоторые курганы IV в. до н. э. являются не погребальными памятниками, а святилищами. Для IV – III вв. до н. э. прослежены коллективные (вероятно, склеповые) захоронения в Серегинском могильнике, в которых бывает до 10 погребенных. Возможно, это явление следует рассматривать в одном ряду с появлением склепов того же времени в Крыму (11) и Ставрополье (12). В Серегинском и Уляпском могильниках встречены ритуальные комплексы, содержащие большое количество перемешанных костей животных, керамику, отдельные металлические предметы, горгонейоны, плоские известняковые плиты. Таких комплексов известно не менее пяти, и они требуют объяснения.

Население Закубанья приняло участие в боспорской войне 310/309 гг. на стороне Арифарна и по всей видимости, вошло в сиракский союз кубанских племен (13). Военные контакты с Боспором подтверждаются находками элементов греческой панοπлии в комплексе конца IV – нач. III вв. до н. э. Курджипского кургана, а также отдельными находками греческих шлемов на территории Закубанья. Последние, вероятно, послужили прототипами местных закубанских бронзовых шлемов III – I вв. до н. э.

Данные о закубанских поселениях этого периода немногочисленны. Нами частично исследовалось неукрепленное поселение Ульский пенькозавод-2, относящееся к Серегинскому могильнику. Второе исследованное поселение, также относящееся к IV – III вв. до н. э., расположено на р. Медовка. Оно окружено неглубоким рвом, остатки которого прослеживаются вокруг поселения.

В целом мы склонны датировать собственно меотский период временем с IV в. до н. э. по I в. до н. э., до начала активной сарматизации Среднего Закубанья. Определить точную верхнюю дату трудно, поскольку для III – I вв. до н. э. практически полностью отсутствуют надежные хронологические реперы, и уточнение ее возможно только с применением статистических методов.

Если в верховьях Кубани и на правобережье Лабы сарматские памятники появляются уже в III в. до н. э. (14), в Среднем Закубанье мы можем говорить лишь о незначительном сарматском влиянии, усиливающемся к концу меотского периода. Появляются мечи с полукольцевым навершием, черешковые стрелы, которые в одном случае (Серегинский к. 1, п. 23) встречены с втульчатыми.

В I в. до н. э. – I в. н. э. можно говорить о радикальном изменении облика археологической культуры Среднего Закубанья. Некоторые меотские могильники продолжают функционировать, однако в них появляются погребения, разительно отличающиеся от предшествующих. Так, в Серегинском могильнике появляется группа погребений с СВ ориентировкой, комплексом вооружения, характерным для средне- и поздне сарматского периодов (ср. 15). Здесь же найдены украшения, характерные для сарматских памятников, а также новые типы керамики. Особенно интересен ритуальный комплекс №1 из Серегинского к. 1, состоявший из железного меча с перекрестием и без металлического навершия, шлема типа «Монтефортино F» и песчаниковой плиты. Комплекс в целом аналогий в Закубанье пока не имеет, однако вполне вписывается в сводку сарматских комплексов, сделанную Б. А. Раевым (16). Дата шлема по Робинзону I в. н. э. (I). Ритуальный комплекс №1 Серегинского к. 1, а также погребения так называемой Зубовско-Воздвиженской группы, позволяют говорить о начале активного проникновения сарматов к западу от Лабы с I в. до н. э.

В один из курганов группы Уашхиту-2 было впущено 16 погребений сарматского облика с преобладанием СВ ориентировки, в сопровождении керамики, ближайшие аналогии которой находятся в памятниках Нижнего Поволжья, а на Северном Кавказе – в Таркинском могильнике. По зеркалам-подвескам с валиком по краю можно датировать эту группу I–

нач. II вв. н. э. (18). Она отличается от памятников как Зубовско-Воздвиженской группы, так и от более поздних Закубанских.

Новая сарматизированная культура Среднего Закубанья в завершенном виде сформировалась в I в. н. э. Грунтовые могильники этого времени свидетельствуют о смене погребального обряда и материальной культуры. Исчезла южная ориентировка погребенных, в могильниках (Чернышевский, Штурбинский, Уашхиту-2 и др.) преобладает широтная. Со второй пол. I в. н. э. наряду с простыми грунтовыми ямами с деревянными гробовищами, фиксируются катакомбы. Прослеживается обычай помещения лепного горшочка в миску, косметические мисочки со следами мела. Радикально меняется материальная культура: появились фибулы, зеркала-подвески, амулеты из египетского фаянса, оружие средне- и позднесарматских типов, стеклянные бальзамарии, сосуды с зооморфными ручками и др. (19). Преемственность с предшествующим меотским периодом мы можем проследить лишь в некоторых формах гончарных мисок и лепных горшочков.

Смена культуры в Среднем Закубанье идет с востока на запад. По течению рек Пшиш и Псекупс новые черты появляются немного позже, чем в бассейне Лабы. В Ново-Вочеп-шийском грунтовом могильнике меотские черты доживают до рубежа эр. Немногочисленные погребения I в. н. э. имеют западную ориентировку, в остальном же не отличаются от погребений предшествующего времени (20). Однако и здесь во II – III вв. н. э. появляются могильники, близкие Чернышевскому и Штурбинскому: Ленинохабльский (21), Чишхо и Капанешхо (22). Памятники сарматизированной культуры появляются и в предгорных районах (Ясеновая Поляна: 23). Кроме грунтовых могильников, встречаются и курганные, напр., погребение II в. н. э. из аула Кончукохабль (24).

Еще одной яркой чертой культуры сарматизированного населения Среднего Закубанья является появление укрепленных городищ. Городища, исследовавшиеся Н. В. Анфимовым, Л. Н. Носковой и нами (всего 16), не имеют культурного слоя, датированного ранее первых вв. н. э. Наиболее распространенный тип городищ – мысовое, с «цитаделью», окруженной рвом. К этому типу можно отнести Джеракайское, Дукмасовское, Чемдежское, Тахтамукаевское и др. Не исключено, что к это-

му же времени относятся и городища Правобережья Лабы – Тенгинская группа, культурный слой которых не исследовался. Во всяком случае, городище Солонцы у ст. Каладжинской на правом берегу Лабы датируется первыми вв. н. э.

По материалам могильников сарматизированная культура Среднего Закубанья существует до IV в. н. э. С ее исчезновением заканчивается ранний железный век в этом регионе, некоторые городища имеют следы обживания в раннем средневековье.

Материалы Закубанья показывают, что культура населения, которое античные авторы с VI в. до н. э. называли «меотами», зародилась к югу от Кубани в конце IX – VIII вв. до н. э. Она получила новый импульс в VII в. до н. э. в результате переднеазиатских походов скифов и других племен Северного Кавказа и распространилась на Правобережье и Нижнюю Кубань. Будучи отделенной от скифо-савроматского мира правобережными меотами, культура Закубанья к IV в. до н.э. приобретает самобытные черты, отличающие ее от синхронных культур Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Это позволило закубанским племенам сохранить привычный облик материальной культуры до вторжения сарматских племен в I в. до н. э. В первые вв. н. э. на этой территории складывается новая сарматизированная культура, резко отличающаяся от предшествующей меотской. Новая меото-сарматская общность существует до нач. IV в. н. э.

1. Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья.– АСГЭ, вып. 30, 1990.
2. Gardiner-Garden J. Q. Fourth century conception of maiotian ethnography.–Historia, Bd. 55, 1986, No2.
3. Шарафутдинова Э. С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани.– В сб.: Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
4. Махортых С. В., Иевлев М. М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на Юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период.– ДСКП. М., 1991.
5. Эрлих В. Р. Бронзовые узденные наборы и проблема хронологии комплексов предскифского и раннескифского времени Закубанья.– ДСКП. М., 1991.
6. Эрлих В. Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров.– СА, 1990, № 1.
7. Ждановский А. М., Марченко И. И. К вопросу о периодизации раннего железного века Прикубанья.– I КАК. Краснодар, 1989.

8. Эрлих В. Р. Курган Уашхиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. – XVI Крупновские Чтения по археологии Северного Кавказа (Тез. докл.). Ставрополь, 1990.
9. Эрлих В. Р. Мечи скифского облика из могильника у аула Уляп.– Древний и средневековый Восток, вып. II. М., 1988.
10. Эрлих В. Р. Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени Среднего Закубанья. – Материальная культура Востока, часть I. М., 1988.
11. Яковенко С. В. Скифи Східного Криму в V – II ст. до н. э. К., 1974.
12. Белинский А. В. К вопросу о культурной принадлежности склеповых сооружений раннего железного века на Ставропольской возвышенности. – XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Тез. докл.) Ставрополь, 1990.
13. Ждановский А. М. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья). – Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д, 1990.
14. Каминская И. В. Сарматские погребения на Урупе. – СА, 1988, № 1
15. Терехова Н. Н. Результаты металлографического исследования железных предметов из Серегинского грунтового могильника. – ДСКП. М., 1991.
16. Раев Б. А. Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея. – КСИА, вып. 194, 1988.
17. Robinson H. R. The Armour of Imperial Rome. L., 1975.
18. Эрлих В. Р., Кожухов С. П. Погребения сарматского времени из курганного могильника Уашхиту-2. – ДСКП. М., 1991.
19. Габуев Т. А., Днепровский К. А., Носкова Л. М. Работы Кавказской археологической экспедиции. АО–1986. М., 1988.
20. Носкова Л. М., Кожухов С. П. Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника (по материалам раскопок 1985–1986 гг.). – Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
21. Ждановский А. М. О погребальном обряде ранней группы захоронений Ленинохабльского могильника.– Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
22. Кожухов С. П., Эрлих В. Р. Археологические разведки левого берега Краснодарского водохранилища. – Материальная культура Востока, часть II, М., 1988.
23. Дитлер П. А. Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс.– СМАА., вып. II. 1961.
24. Дитлер П. А. Комплекс из кургана у аула Кунчукохабль. – СМАА, вып. III, 1972.
25. Эрлих В. Р. Меотские мечи из Закубанья. – ДСКП. М., 1991.

Е. А. Беглова

ГОНЧАРСТВО МЕОТОВ В V - IV ВВ. ДО Н. Э.

Вопрос о времени перехода к производству сероглиняной круговой посуды является одним из наиболее спорных и проблематичных в истории гончарства меотов.

Существует две точки зрения. Первая принадлежит Н. В. Анфимову и сложилась в результате изучения городищ и могильников правобережья Кубани, прежде всего Усть-Лабинского могильника №2, в котором одним из основных признаков, отличающих раннемеотский период от среднемеотского является появление и распространение сероглиняной посуды. Н. В. Анфимов относит появление и начало производства этого вида керамики к середине IV в. до н. э. Эту же точку зрения разделял К. Ф. Смирнов.

Вторая точка зрения возникла в результате изучения технологии производства меотской керамики из могильников городищ № 1 и № 3 у х. Ленина. О. Ф. Жупанин и И.И. Марченко провели исследование способов формовки сосудов, выделили 6 технологических уровней развития функций гончарного круга и пришли к заключению о том, что появление и развитие гончарного круга происходило в местной среде без воздействия внешних факторов. Время появления быстровращающегося круга у меотов относится к середине V в. до н.э. о чем свидетельствует находка в одном комплексе чернолакового скифоса первой четв. V в. до н. э. и сероглиняного кругового кувшина. Точки зрения об удревнении времени начала производства сероглиняной круговой керамики на Кубани до первой пол. V в. до н. э. придерживается И. С. Каменецкий. Он подчеркивает, что на памятниках, где встречен греческий импорт V в. до н. э. присутствует гончарная керамика в сочетании с новыми формами лепной, что дает основание конец раннемеотского периода удревнить до нач. V в. до н. э. Отмечается, что с изменением форм гончарства происходят принципиальные изменения в культуре.

Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ был исследован ряд памятников, проливающий некоторый свет на историю гончарства меотов.

У аула Уляп наиболее ранний могильник, где открыто 176 погребений, датируется второй пол. VI – концом V вв. до н.э. Второй, более поздний, датируется IV в. до н. э., на нем открыто 59 захоронений. Нами были изучены керамические комплексы из этих погребений, а также отдельные комплексы из ритуальных курганов IV в. до н. э.

В раннем могильнике 86, 2% лепной посуды, 8% составляет античная посуда, 5,8% – круговые сосуды. В группу леп-

ной входят как грубые кухонные сосуды, так и столовые. Лепная керамика характеризуется следующими признаками: 1. Основными примесями формовочной массы является дресва и органика. В кухонной посуде дресва крупно- и среднекалиброванная, в столовой – мелкокалиброванная. 2. Сосуды формовались способом спирального налепа. 3. Основными способами обработки поверхности являются заглаживание на кухонной и тарной посуде и лощение на столовой. 4. Обжиг костровой или очажный, низкотемпературный, в окислительной среде, о чем свидетельствует неровный пятнистый цвет поверхности, от черного до буро-коричневого. 5. Определенным устойчивым набором форм, имеющим истоки в предшествующем периоде: тарная керамика представлена высокими от 30 до 50 см высотой корчагами с конусовидным «припухшим» горлом, кухонная – горшками с отогнутым венчиком и горш-кообразными сосудами с вертикальной ручкой; столовая посуда – мисками, кружками, вазочками.

Античная керамика представлена ионийским киликом первой пол. VI в. до н.э., протофасосской амфорой V в. до н.э., чернолаковым лекифом и ионийским светильником V в. до н.э, два последних сосуда носят следы вторичного использования. Встречены также ножки чернолаковых сосудов, вторично использовавшихся в качестве солонок.

Гончарные сосуды найдены в наиболее поздних комплексах раннего могильника. Они представлены 4 кувшинами, из которых 2 красноглиняные, 2 сероглиняные, миской и вазочкой. Сосуды, кроме сероглиняных кувшинов, привозные, они представляют иную, не свойственную меотам керамическую традицию, их формы находят аналогии в материалах боспорских городищ этого времени, а следы вторичного использования свидетельствуют о продолжительности обращения и той ценности, которую греческая посуда имела в местной среде.

В погребениях могильника IV в. до н. э. преобладают сосуды, сделанные без помощи гончарного круга: они составляют 51, 2%, 44,1% приходится на гончарную посуду и 4,7 % составляет античная посуда.

Лепная посуда представлена теми же формами, что и в раннем могильнике, незначительные изменения, которые произошли в форме и пропорциях этих сосудов носят исключительно эволюционный характер.

Совершенно иную традицию гончарства представляет круговая керамика, имеющая следующие признаки: 1. В качестве добавок в тонкоотмученную глину используют мелкофракционные известь, золу и органику. 2. Сосуды формируются на гончарном круге. 3. Основными способами обработки поверхности являются ангобирование и лощение. 4. Обжиг в высокотемпературной среде, горновый, о чем свидетельствует ровный серый или красный цвет поверхности. 5. Набор форм не имеет прототипов на данной территории в предшествующее время: тарная керамика представлена сероглиняными узкогорлытыми кувшинами с 1 или 2 ручками, столовая посуда – канфарами, подражающими античным образцам, одноручными кубками, небольшими кувшинчиками с рифленным горлом, вазочками на высоких рюмкообразных ножках, кубышками. На некоторых красноглиняных сосудах имеется орнаментация в виде горизонтальных полос, нанесенных красной краской. Производство круговой посуды в поздний период, видимо, носило местный характер, встречены экземпляры с производственными дефектами. На ритуальной площадке кург. 6 IV в. до н. э. было обнаружено более 100 сосудов, в том числе и гончарных, подвергшихся ритуальному сожжению. Это свидетельствует о том, что гончарная посуда не имела уже былой ценности.

В погребениях грунтового могильника IV в. до н. э. сократилось количество античной столовой посуды; встречено 4 греческих сосуда: килик, скифос и две амфоры круга Менде. Интересно, что в погр. 12 кург. 7 аттический килик первой пол. V в. до н. э. встречен с синдо-меотским мечом. Наиболее многочисленны находки привозной посуды в ритуальных скоплениях и в курганах.

В кург. 5, датируемом клеймом фасосской амфоры 370–360 гг. до н. э., обнаружены две коринфские леканы 460–450 гг. до н. э., краснофигурная пелика первой пол. V в. до н. э. Почти вся чернолаковая столовая посуда, найденная в ритуальном комплексе кург. 5, была произведена в рамках V в. до н. э., а амфоры в самом конце V – первой пол. IV в. до н. э. Вышеизложенные наблюдения подтверждают неоднократно высказывавшуюся разными исследователями мысль о том, что столовая греческая посуда, оказавшись в варварской среде, очень долгое время находилась в обороте, прежде чем по-

пасть в погребение или в ритуальный комплекс. Тарная керамика – амфоры – выходили из обращения и попадали в комплекс значительно быстрее, поэтому они являются более надежным основанием при датировке.

Материалы грунтовых могильников и курганов у аула Уляп свидетельствуют о наличии двух гончарных традиций, наиболее ранняя из которых и имеющая, по нашему убеждению, местные корни, представлена подавляющим числом сосудов из погребений VI – V вв. до н. э. Гончарные сосуды из погребений IV в. до н. э. иллюстрируют иную традицию, связанную с греческим и боспорским гончарством. О том, что меотские гончары усвоили и применяли боспорскую технологию в IV в. до н. э., свидетельствует большое количество гончарной посуды в комплексах этого периода. В течение IV в. до н. э. две традиции сосуществуют, однако к концу IV в. н. э. лепная столовая посуда практически исчезает, ее вытесняет круговая посуда. Вероятно, начало производства сероглиняной гончарной посуды в регионе относится к самому концу V – нач. IV вв. до н. э.; о чем свидетельствует находка сероглиняных кувшинов в наиболее поздних погребениях могильника VI – V вв. до н. э. Однако последнее заключение нельзя считать абсолютно доказанным; только специальные анализы состава глин и примесей позволят выяснить – сделаны самые ранние гончарные сосуды из местного сырья или нет.

В 1989 году отрядом КАЭ были проведены разведочные раскопки на поселении эпохи раннего железа – Венцы-I. На поселении были заложены 3 шурфа, один из которых, давший наибольший материал, был превращен в раскоп. В процессе раскопок выяснилось, что памятник однослойный, мощность культурного слоя 0,6 – 0,7 м. Он насыщен фрагментами керамики, костей животных, турлучной крошкой. Osteологический материал представлял остатки лошади, коровы, овцы и свиньи.

На раскопе площадью 4x7,5 м были открыты 3 пятна овальной формы в виде зольных линз, обрамленных сильным прокалом. В заполнении их, кроме золы, было обнаружено большое количество фрагментов керамики, керамического шлака и др.

Очаги реконструируются следующим образом: у края выемки ставились Г-образные плитки. Над ними возводились

О КОНЪЕКТУРЕ ЛИПСИЯ *AORSI* В РАССКАЗЕ ТАЦИТА

О БОСПОРСКОМ ПОХОДЕ РИМЛЯН

стены из прямоугольных саманных блоков разных размеров. Над плитами, вероятно, располагался каркас свода очага, сделанный из прутьев и обмазанный толстым слоем глины. Очаги выглядели как бессистемное скопление саманных плит, кое-где *in situ* были зафиксированы Г-образные плитки.

Фрагменты керамики, найденные в слое, представляют следующие формы: корчаги, горшки, миски, кувшины, кружки, 1 крышечка. Почти вся посуда сделана от руки, способом спирального налепа. В плохо отмученную глину добавляли дресву, органику, реже шамот. Поверхность большинства сосудов тщательно залощена, цвет черно-коричневый, что говорит о низкотемпературном окислительном обжиге. Формы лепной посуды и техника ее производства находят наиболее близкие аналогии в меотских памятниках VI – V вв. до н. э.

Среди фрагментов гончарной керамики значительная часть принадлежит амфорной, в том числе и фрагмент стенки красноглиняной хиосской амфоры конца VI – первой пол. V вв. до н. э., украшенный двумя полосами красного лака. Единичные фрагменты красноглиняных и сероглиняных (?) сосудов, сделанных из тонкоотмученной глины без видимых примесей, отнесены к группе привозной посуды.

В связи с гончарством меотов особый интерес представляют открытые в процессе раскопок очаги. Наиболее ранними специализированными теплоустройствами для обжига керамики являются на Кубани печи Елизаветинского городища, датированные II в. до н.э. Эти двухъярусные горны соответствовали ремесленному уровню гончарства. Более ранних устройств для обжига керамики, тем более соответствовавших доремесленному уровню производства, здесь не известно. Наиболее близкой аналогией очагам поселения Венцы-I является печь, датирующаяся IV в. до н. э., исследованная на Вельском городище в 1965 г. Б. А. Шрамко.

Описание войны боспорских царей Котиса и Митридата 49 г. н. э., в которой на стороне первого выступили римляне и царь аорсов(?) Эвмен, а на стороне второго – царь сираков Зорсин, занимает семь глав и почти три страницы текста двенадцатой книги «Анналов» Тацита. Это, несомненно, самый, большой и самый ценный римский источник по истории как Боспорского царства, так и всего Приазовья в целом. Естественно он затрагивается в огромном числе отечественных археологических и прочих публикаций, большая часть которых автору настоящего обзора остается неизвестной. Не знает о них и зарубежное тацитоведение. Но и достижения тацитологов, весьма немалые за последние двадцать пять лет, вряд ли в должной степени усвоены советскими археологами. Преодолеть этот разрыв есть основная цель данной работы. Ниже мы попытаемся дать краткий обзор того, что необходимо знать каждому, кто обращается к боспорскому эпизоду Тацита, концентрируя общие и частные проблемы вокруг центральной – идентификации аорсов.

1. Библиографические пособия

Прежде всего, несколько слов о необъятной литературе по Тациту. Главным справочником остается и по сей день всем известное *Année Philologique*, регистрирующее даже рецензии. Раздел *Tacitus* занимает последние годы четыре-пять страниц в первой большой части, посвященной латинским и греческим авторам. Работать с ним не очень просто, так как имеется только одно подразделение: сначала перечисляются библиография, издания, комментарии и переводы, а основная масса литературы идет, так сказать, скопом, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Предпочтительнее поэтому специальные библиографические обзоры: австрийская серия в *AfA*, начатая покойным профессором Рудольфом Гансликом (R. Hanslik) т. 13, 1960; т. 20, 1967; т. 27, 1974 и продолженная его преемником Францем Реме-ром F.Römer) т. 37, 1984; т. 38, 1985, и американская, которую ведет профессор Герберт Бенарио (H. Benario) в *Classical World* т. 58, 1964-65; т. 63, 1969-70; т. 71, 1977-78; т. 80, 2, 1986; последний обзор вышел отде-

льным выпуском. Заслуживает внимания также выполненный Р. Гансликом обзор Tacitus 1939 –1972 для германского журнала *Lustrum* тт. 16, 17, вышедший двумя отдельными тетрадями в 1971-72 и 1973-74 гг. Все эти обзоры достаточно систематизированы, в особенности ремеровский, не только имеющий оглавление в начале и индекс авторов в конце, но и выделяющий «Клавдиевы книги» – XI и XII – «Анналов». Так что найти здесь нужную литературу совсем нетрудно, но – у Ганслика о боспорском эпизоде нет вообще ничего, а у Ремера и Бенарио фигурирует только известная статья С. Крушкола из ВДИ 1978 г. об анапском кладе. По вполне понятным причинам Боспором на западе занимаются мало.

2. Рукописная традиция

Взамен – и для нас это очень важно – довольно много занимаются рукописной традицией второго массива «Анналов» и непосредственно следующих за ним в рукописях «Историй». Это «одиннадцатикнижие» дошло до нас в 35 гуманистических списках – самый ранний из них, V 58 был изготовлен в Генуе в 1449 г. – и в одном средневековом, Laurentianus 68, 2-Mediceus II или просто M, сделанном в монастыре Монте-Кассино около Неаполя в середине XI в. Первые печатные издания были выполнены еще в конце XV в. с гуманистических рукописей, в том числе и с самой важной из них, V58 (Путеолан ок. 1480 г.; перепечатка 1498 г. имеется в ГПБ), но с начала XVII в. утвердилось мнение, что все recentiores, т. е. «более новые» (списки) восходят к M, вследствие чего они постепенно были забыты. Возрождению интереса к ним способствовал обнаруженный в Лейдене незадолго до второй мировой войны так называемый «кодекс Агриколы», рукопись «Анналов» - «Историй», собственноручно переписанная знаменитым голландским гуманистом Рудольфом Агриколой во время его пребывания в Ферраре в 1475 – 1479 гг. Анализ ее чтений дал основания некоторым исследователям утверждать, что эта рукопись восходит к независимой от M традиции. К ним примкнул и видный тацитовед Эрих Крестерманн, включивший чтения новооткрытой рукописи в аппарат своих критических изданий 60-х – 70-х гг. За это он подвергся резкой критике, которая, однако, не помешала Ганслику организовать первое подлинно критическое издание на основании всех известных рукописей тацитовского «одиннадцатикнижия». Диссертанты

Ганслика при его участии подготовили и выпустили: «Истории» кн. II (И. Шинцель, 1971 г.), «Анналы» XI – XII (Х. Вайскопф 1973) и XV – XVI (Ф. Ремер 1976 г.); «Анналы» XIII–XIV было подготовлено уже в 1972 г. М. Дво-рак, но за смертью Ганслика появится только в ближайшее время; вопрос о публикации остальных книг пока остается открытым. В предисловиях к первым двум выпускам Ганслик отверг мнение о независимой традиции лейденского списка (т. е. он рассматривал уникальные правильные чтения этой рукописи как конъектуры, самого Агриколы и других гуманистов), но допустил наличие таковой для V58 и еще двух-трех рукописей первой группы (см. его резюме в *Lustrum* 17, 178, № 1022). В статье, опубликованной в сборнике памяти профессора Й. М. Тронского (1), мне удалось показать, что в Hist II 77,2 из чтения V58 и BO5 tu hos (в прочих рукописях стоит tuos) можно восстановить единственно правильное здесь tu omnes, что еще раз подтверждает гипотезу Ганслика. Конъектура была принята в последнее лейпцигское издание «Историй» (К. Wellesley 1989), но следующие из нее текстологические выводы остались незамеченными, во всяком случае, ни Ремер, ни Бенарио не включили ее в разделы, отведенные рукописной традицией (соответственно *Überlieferung* №№632–638 и *Text and Editions* 75 –76. Не попала туда и моя статья (2), где детальный анализ одного пассажа (Ann. 12, 67,1) приводит к выводу, что переписчик V58 Андреа де Бусси имел в своем распоряжении помимо списка с M еще какую-то старую, скорее всего, каролингскую, рукопись. Ремер в своей библиографии под № 509 (AfA 38) высказался по этому поводу весьма критически и вообще в полемике вокруг гипотезы Ганслика выступил против своего учителя, что в немалой степени способствовало прекращению начатого последним научного издания.

3. Конъектуры Липсия к боспорскому эпизоду «Анналов».

Спор о том, восходят ли гуманистические списки к M и ее копиям или же к своего рода критическим изданиям, сделанным итальянскими гуманистами с впоследствии исчезнувшей каролингской рукописи, продлится еще немалое время. Его результат, разумеется, не может быть безразличным для специалиста по Боспорскому царству, но критическое

издание тацитовского текста, т. е. разночтения всех известных рукописей, в его распоряжении уже есть (3).

Анализ этих разночтений на первый взгляд разочаровывает: они не содержат, по крайней мере для историка, ничего сколь-нибудь существенного, в частности, особо интересные для нас топонимы *Соза*, *Панда*, *Усне* 16,1-2 практически не имеют вариантов. Взамен несколько изменилась ситуация с конъектурой Липсия *Aorsī*. Этот этноним на протяжении боспорского эпизода встречается три раза. В 16,1 практически все рукописи содержат чтение *adorsī*; в 19,1 списки второй и третьей группы, а также М и близко стоящая к ней часть рукописей первой группы (I в) имеют, несомненно, ошибочное чтение *Aorsorum/adorsorum* или *aduersorum*, возникшее под влиянием прил. *adversusu* «противный», субст. «противник». Наконец, в 15,2 списки второй группы дают *Aorsorum/adorsorum* или производные от него; хотя вероятность, что именно это чтение окажется правильным, невелика, близость к гидрониму *Ворскла* (последний сближался с осет. *ogs* «белый», см. М. Фасмер, ЭСРЯ I, 356 – отрицательно) делает его весьма примечательным. Таким образом, конъектура выдающегося голландского филолога в сущности не имеет никакой опоры в рукописях. В связи с этим приобретает особую значимость мнение некоторых издателей (Г. Фюрно 1916², Э. Кестерманн 1971³), что написание *Adorsī* могло принадлежать самому Тациту. Этого, по всей видимости, не учел Й. Харматта, рассматривавший написание *s-d-* как результат «рационализации» со стороны копистов непонятного им этнонима «аорсы» (4, р. 85). На деле форма *s-d-* была ничуть не более понятна римлянам, чем любой другой скифский или сарматский этноним. Тем самым греческому **Аорсоі** соответствует только *Aorsī* (Plin. N. H. 4, 80), а тацитовское *Adorsī* оказывается в одном ряду с **Алаворсоі** (Ptol. VI, 14, 9) и *Utadorsī* (Plin. N. H. 6. 39) В. Б. Виноградов (5, с. 153) объясняет последний этноним как скрещение *Udini* x *Aorsī*. *Adorsī* можно толковать как др.-иран, *vata-* «маленький» + *f aorsī*, т. е. «малые аорсы»; об отпадении *V* перед *a* и озвончении интервокального *t* в сарматском писал В. И. Абаев (6, с. 328 сл) Возможны и другие объяснения (из др.-иран, *vata-* лат. *ventus*, р. ветер и т. д.).

4. Локализация малых аорсов

О том, где находились земли адорсов, Тацит ничего не говорит по той причине, что события, вызвавшие приход римлян, подробно описывались в утраченных книгах «Анналов»; есть основания предполагать что первый боспорский эпизод — сколько их всего было, мы, разумеется, не знаем — содержал географический экскурс наподобие британского в «Агриколе» и иудейского в пятой книге «Историй», в котором достаточное место отводилось и северопонтийским варварам. Рассказ о походе Аквилы и выдаче Митридата был последним в этой серии. Из него мы узнаем, что конница адорсов пришла в Боспор, участвовала в сражении с войском Митридата и Зорсина и проделала весь поход вплоть до капитуляции царя сираков и отплытия римлян на кораблях; от этого места, на расстоянии трех переходов от Танаиса, им было уже нетрудно возвратиться на родину. В гл. 18 упоминается ставка (*regia*) царя адорсов Эвнона.

Эти скудные сведения исследователи, начиная с Юста Липсия, успешно дополняли данными, почерпнутыми из «Географии» Страбона. К сожалению, в одном важном месте раздела, посвященного живущим между Меотидой и Каспийским морем кочевникам (Strab. XI 5,8), текст не вполне исправен: досадная лакуна «поглотила» имя племени, обитавшего севернее аорсов. Но Страбон сообщает, что аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею; последний отождествляется одними с Манычем или его левым притоком Егорлыкком, другими с Кубанью (7, с. 156); кроме того, и те, и другие являются беглецами из среды живущих выше народов, причем, верхние аорсы владеют наибольшей частью Каспийского побережья и потому они могущественнее, чем те, которые соседят с сираками. На основании всех этих данных аорсов/адорсов помещают в левобережье Нижнего Дона, а сираков — более или менее южнее от них, в зависимости от идентификации Ахардея. Но встает вопрос, каким образом аорская конница могла придти в заблокированный сираками Боспор? Единственный известный нам ответ был дан Д. А. Мачинским (8, с. 130 сл.) По мнению автора, аорсы прошли через Перекоп; к этому времени они уже контролировали все северное побережье Меотиды, распространились по степи вплоть до дунайской дельты и были известны Помпонию Меле как «амаксобии», т. е. «живущие в

кибитках», но из цитированного выше пассажа Плиния (N. H. IV, 80) неоспоримо следует их тождество с аорсами: ... *alias Sarmatae, Graecle Sauromatae, eorumque Namachobii aut Aorsi*. В качестве аналогии этому остроумному и уже получившему признание объяснению можно указать на гипотезу Д. С. Раевского о переселении Аспургом в Неаполь Скифский значительного контингента сирако-меотов с Боспора (9, с. 110 сл.; 15, с. 146 сл.), что открывало аорсам дорогу в Боспор через Перекоп. Аорским считает В. П. Шилов одно из найденных приднепровских захоронений (10). Менее удачной выглядит попытка Е. М. Алексеевой (11) локализовать союзных Котису и Аквиле аорсов в Горгиипии на основании нескольких погребений предположительно аорского типа. Это решает чисто военную проблему аорской помощи, но не объясняет, почему именно к этой неизвестной Страбону, и судя по всему незначительной группе аорсов, счел возможным обратиться за поддержкой Митридат; вспомним также, что Эвنون в письме к Клавдию выступает как царь великого народа. А. А. Масленников отводит аорсам Среднее Прикубанье, к сожалению, без сколь-нибудь убедительной аргументации.

5. «Смещенная информация» в боспорском эпизоде «Анналов».

Исследователю, обращающемуся к Тациту за какими-то конкретными сведениями, нужно знать, как подаются у Тацита эти самые сведения. Уже давно было отмечено, что выдающийся римский историк весьма свободно обращается с фактами, помещая важные подробности на некотором, порой даже весьма значительном, расстоянии от того места, куда они хронологически относятся. Как это ни странно, тацитовская техника подачи материала почти не исследована и из научной литературы по данному вопросу мы можем указать лишь на нашу собственную, только намечающую контуры проблемы статью (13), классифицирующую тацитовские ретардации на две группы: а) в речи персонажей, где они продолжают старую античную традицию, прослеживающуюся уже у Фукидида и Ксенофонта и б) в авторском повествовании – тип, встречающийся практически только у Тацита. Боспорский эпизод содержит по одному примеру на каждую из групп. К первой категории относится ссылка ходатайствующего за Митридата Эвнона в его письме Клав-

дию на то, что «у побежденного Зорсина ничего не отнято» (19,3 *sic Zorsini victo nihil ereptus*) – существенное дополнение к рассказу о капитуляции царя сираков в 17,2, где сообщается только, что последний пошел на нее после долгих размышлений и что ему пришлось дать римлянам заложников. Второй категории принадлежит сообщение о возвращении римских войск из страны сираков морским путем и о потерях, вызванных тем обстоятельством, что несколько судов были занесены бурей в Тавриду (17,3). Из него следует, что поход против сираков был задуман как совместная с флотом операция. Сопровождавший экспедиционный корпус отряд судов не только гарантировал быстрое, но как выяснилось, не вполне безопасное возвращение, но и, по всей видимости, помогал при переправах через крупные реки, тем самым содействуя устрашению противника (17,2). Маршрут римлян, стало быть, пролегал вдоль побережья Меотиды; углубляясь в страну сираков, несмотря на аорскую конницу, они все-таки не решились или же в этом не было необходимости, так как города сираков лежали неподалеку от моря.

От «смещенной информации» следует отличать только внешне аналогичные случаи: 15,2 *quia Zorsines ... hostilia resumpserat* и 63,3 *Vosporanoque belio rccers fessos* (sc. Byzantios). О предыдущем выступлении Зорсина почти наверняка рассказывалось в одной из утраченных книг «Анналов»; по видимому, Митридат решил оказать сопротивление легионам Дидия, прибывшим посадить на боспорский трон его младшего брата Котиса и царь сираков был рядом с ним. Эта же возможность, хотя и с меньшей долей вероятности, существует и для пассажа о содействии Византия (ср.: 14).

Ретардация позволяет Тациту избежать повтора второстепенных деталей. Сжимая излагаемый эпизод, она делает его более упругим и выразительным. Все появляется только на своем месте: корабли, лишь когда они терпят бедствие у враждебного берега, пощада Зорсину, когда речь идет о судьбе Митридата, участие византийцев в боспорской экспедиции — в их собственной речи в сенате. Нарушение хронологической последовательности, таким образом, никак не связано с большей или меньшей достоверностью сообщения. Как показывают эпиграфические и археологические находки, а также специальные исследования, каждый факт у Тацита тщательно выверен и взвешен. Что же касается бос-

порских событий, то у него были великолепные источники: отчеты Дидия и Аквилы, письмо Эвнона Клавдию, несомненно попавшее в *аса diurna*, а также сам Митридат VIII, проживший в Риме после своего вынужденного возвращения еще двадцать лет; к нему безусловно обращались непосредственные предшественники Тацита.

1. Cernjak A. B. *Quelque problèmes de critique lextuelle diez Tacite.*— QIFL, 1976, n. 4.
2. Черняк А. Б. Тацит о смерти Клавдия.— ВДИ, 1981, № 2.
3. P. Cornelii Taciti *Annalium libri XI–XII. Adnotationibus criticis ex omnibus codicibus qui extant haustis instruxit H. Weiskopf. Praefationem scripsit R. Hanslik.* Wien, 1973 (Wiener Studien, Beiheft 4).
4. Harmatta I. *Studies in the History and Language of the Sarmatians.* Szeged, 1970.
5. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
6. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия.— Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
7. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
8. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э.— АСГЭ, вып. 16, 1974.
9. Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений II в. до н. э. — II в. н. э.— ВДИ, 1973, № 2.
10. Шилов В. П. Запорожский курган: (К вопросу о погребениях аорской знати).— СА, 1983, № 1.
11. Алексеева Е. М. Горгиппия в системе боспорского царства первых веков н. э.— ВДИ, 1988, № 2.
12. Масленников А. А. Население Боспорского государства. М., 1990.
13. Черняк А. Б. «Отсроченная информация» (ретардация) в античной риторике и ее развитие у Тацита.— В сб.: Традиции и новаторство в античной литературе (Philologia Classica). Л., 1982.
14. Шелов Д. Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э.— ВДИ, 1981, № 4.
15. Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя).— МИА, № 177, 1971.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ЗУБОВСКО-ВОЗДВИЖЕНСКОЙ ГРУППЫ И ПРОБЛЕМЕ РАННИХ АЛАН

За последние годы оба вопроса, вынесенные в заглавие, неоднократно дебатировались и на различных конференциях, и в литературе. Нет необходимости ни излагать здесь ход дискуссии, тем более, что она далеко еще не закончена, ни пересказывать и оценивать позиции разных авторов, порой противоположные, а порой различающиеся лишь нюансами. Специалистам все это хорошо известно, не специалистам и сторонним наблюдателям, вроде меня, интересно, но разобраться, кто больше прав, трудно. Многие позиции изложены лишь тезисно, материалы не все опубликованы и доступны. Я же хотел бы остановиться на двух указанных вопросах, поскольку они в значительной мере являются узловыми для реконструкции всего хода исторических событий рубежа эр и в Евразийских степях, и во всей Европе, в чем в конечном итоге и заключается наша общая задача, а взгляд со стороны может оказаться полезным и для непосредственных участников дискуссии.

Материалы курганов, раскопанных в конце прошлого и начале нашего века в районе Майкопа, Армавира, станиц Ярославской, Воздвиженской и Тенгинской на левобережье Кубани, были недавно достаточно подробно переопубликованы И. И. Гущиной и И. П. Засецкой (1) с приложением каталога находок и описанием курганов, что избавляет от необходимости еще раз описывать и воспроизводить вещи и комплексы.

Хронологию интересующей нас группы исследователи определяли различно, хотя расхождения в большинстве случаев и не были разительны. Н.И.Веселовский, раскопщик большей части как курганов левобережья, так и расположенных по правому берегу Кубани курганов «Золотого кладбища», все их датировал II–III вв. н. э. (2). Зубовско-Воздвиженскую группу выделил М. И. Ротовцев, датировав I в. до н. э. — I в. н. э. (3, с. 153). Далее даты варьировали у разных авторов следующим образом: К. Ф. Смирнов — III в. до н. э. — II в. н. э., Е. П. Алексеева — I в. до н. э.—I в. н. э., А.М. Ждановский — конец III в. до н. э. — середина I в.

н. э., И. Н. Анфимов – I в. до н. э. – II в. н. э. И. И. Гущина и И. П. Засецкая определили дату изучаемых комплексов в рамках I в. до н. э., – нач. II в. н. э., Л. Ю. Березовская, рассматривавшая 9 комплексов, – второй пол. I в. до н. э. – нач. II в. н. э. (4).

В большинстве случаев исследователи использовали широкие даты комплексов (5), мне же показалось, что для такой компактной группы, отличающейся и заметным стилистическим сходством вещей, и их набором, и сходством погребального обряда, более надежным было бы обращение к узким датам. В конечном итоге каждое захоронение совершалось в один день и все вещи, положенные в могилу, в этот момент реально существовали, так же как они, очевидно, были в обиходе того поколения, представителя которого хоронили, т. е. бытовали вместе где-то в интервале 20–60 лет. При всех опасностях ошибиться мы должны стремиться к сужению даты хотя бы до интервала жизни поколения, иначе все наши хронологические определения во многом теряют смысл, на их основе нельзя предпринимать никаких исторических реконструкций. Другое дело, что материал не всегда дает нам такую возможность, но стремление к узким датам вполне оправдано. И я проделал простую работу, изобразив графически время бытования каждой вещи по данным И. И. Гущиной и И. П. Засецкой без всяких изменений, сделав лишь небольшие уточнения, главным образом для некоторых импортных предметов. В результате получилась следующая картина (рис. 1, номера вещей соответствуют каталогу И. И. Гущиной и И. П. Засецкой).

Если принять широкую дату, то все 11 захоронений были совершены где-то в пределах II в. до н. э. – II в. н. э., что по указанной причине мало реально. Если же определять узкую дату, то сочетание предметов в комплексах таково, что трудно избежать той или иной доли субъективизма. Поэтому я не буду настаивать на точности определений, каждый читатель, рассматривая приведенную таблицу, может сделать свои заключения, мне же представляется следующее.

Как уже отмечалось исследователями, самым ранним должно было бы быть центральное погребение кург. «Острый» у ст. Ярославской. Хотя его дата и не может быть определена более точно, чем II–I вв. до н. э. (такую датировку авторы дают и для золотой накладки с шествием зверей (№ 1), и для

бус-пронизей (№ 2), и для амулета-цилиндрика), но это единственное захоронение, где весь набор вещей бытовал еще и во II в. до н. э.

Следующим по времени, вероятно, должен следовать круг. I у Zubовского хутора. Самой ранней вещью комплекса может быть литая стеклянная чаша (№ 128), появление которых относится еще ко второй пол. II в. до н. э., но бытуют они и в I в. до н. э. По некоторым типологическим соображениями И. П. Засецкая и И. И. Гущина считают ее относительно поздней.

Большая часть вещей комплекса не может быть датирована точно, поскольку бытует на протяжении всего I в. до н. э. и I в. н. э. – крупные поясные бляхи со вставками из стекла – мелифиори и мелкие в бирюзово-золотом стиле (№ 113, 114), бронзовый котел (№ 127), глиняный кувшин (№ 129), панцирь с фалерами (№ 121, 122). Причем, если панцирь, как считает А. В. Симоненко (6, с. 68), относится скорее к I в. н. э., то фалеры, поскольку на них сохраняются некоторые элементы (оформление ободка), свойственные декорации фаларов «греко-бактрийского» стиля II – I вв. до н. э., более тяготеют к I в. до н. э. Не могут особо уточнить дату и вещи, бытовавшие на протяжении всего I в. до н. э. – удила с трехзубчатыми псалиями, детали шкатулки, жезл-навершие.

С большей достоверностью можно определить дату бронзовой италийской кружки типа Идриа (№ 126). Их находки сосредоточены в Италии, очень редко выходят за ее пределы, известны в Иллирии и Паннонии, а также на некоторых кельтских оппидумах Верхнего Подунавья – Стра-доницы, Велем-Сант-Вид, Прунтрут-Поррентруй, Манхинг (7). Последний является одним из самых важных опорных пунктов хронологии позднего латена в Европе. Долгое время считалось, что оппидум погиб в 15 г. до н. э. при оккупации Рэции римлянами, и из этого делался целый ряд хронологических расчетов. Из этой же даты исходил и Г. Ю. Эггерс, разрабатывая хронологию раннего римского времени (8; 9), и И. Вернер, когда писал свою первую статью о кувшинах типа Кельхайм и сковородках типа Айлесфорд, вариантами которых и являются кружки Идриа и черпаки с лебединой головкой на длинной ручке типа Песчате (7, Abb. 5, 4, 5).

Но с тех пор в европейской хронологии произошли изменения. Целая серия работ показала достаточно убедительно,

что разрушение Манхинга случилось значительно раньше, ок. 60-х гг. I в. до н. э. Гибель Манхинга и других оппидумов Верхнего Подунавья теперь связывается с деятельностью царя даков Бурбисты, отходом кельтских племен теврисков, бойев и гелветов на запад, а также с нападениями германцев Ариовиста – с событиями, приведшими к галльским войнам Цезаря, начавшимся в 58 г. до н.э. (10, р. 18–30; 78–91; 259–270).

На могильнике Сан-Бернардо около Орнавассо в Италии найдено 10 экз. кружек типа Идрия и все они приходятся на вторую фазу развития, могильника, которую Е. Грауе при новой обработке материалов датировал 90–50 гг. до н. э., хотя если следовать строго монетам, верхняя дата могла бы быть и раньше (последняя монета 76–71 гг. до н. э.), так же, как и нижняя (из 35 монет 14 относятся к 137–134 и 133–126 гг. до н. э., а самая ранняя к 195–187 гг. до н. э.). Набор же фибул в целом соответствует ступени D₁ латена, т. е. приблизительно 120–60 гг. до н. э. (11)

Когда И. Вернер, учитывая новые материалы и разработки, написал вторую статью о сосудах типа Кельхайм (12), он не касался более кружек типа Идрия и черпаков типа Песчате. Однако, исходя из приведенных в обеих статьях материалов, нетрудно заключить, что последние бытовали более короткое время, чем кувшины Кельхайм и сковородки Айлесфорд, встречающиеся и в Галлии, и в Англии во второй пол. I в. до н. э., а в Свободной Германии даже в комплексах начала нашей эры, ступени, B₁ Распространение их соответствует времени и зонам римской экспансии и влияния. Кружек Идрия здесь уже нет.

Основное время бытования и производства всех сосудов – первая пол. I в. до н. э., быть может, до августовского времени, причем типы Идрия и Песчате выходят из употребления несколько раньше, вероятно во время Галльских войн. Таким образом, отнесение кружки из Зубовского хутора ко второй пол. I в. до н. э. (1, с. 84) вряд ли оправдано, так же как и сравнение ее с вариантом Орнавассо-Кьерумгард кувшинов типа Кельхайм (13, с. 124, 150).

Вторая вещь погребения, имеющая узкую датировку, – фибула типа Алезия (№ 123). Такие застежки появились у римских ауксильриев незадолго до 52 г. до н. э. и были, вероятно, занесены в Галлию с испанским легионом, присланным Помпеем на помощь Цезарю, осаждавшему в этом го-

ду оппидум Алезия. У А. Дюваля были некоторые основания для такого предположения (14). С галльскими и испанскими ауксильриями фибулы были затем разнесены по территории империи при передислокации цезаревской армии. К 15 г. до н. э. однако вышли из моды, сменившись аукиссами (15). Эта редкая и бытовавшая короткое время вещь имела фактически всего один шанс попасть в Предкавказье – в 46 г. до н. э. с римскими нерегулярными войсками, принявшими, вероятно, участие в неудачном походе Митридата Пергамского, сподвижника Цезаря, на Боспоор для отвоевания переданного ему патроном престола, узурпированного Асандром. Тем же путем могла попасть и кружка типа Идрия, хотя для последней есть и другой вариант – участие сираков и аорсов в малоазиатском походе Фарнака Боспорского, сына Митридата Евпатора, попытавшегося в 48–46 гг. до н. э. вернуть себе утраченное отцом царство-Возможно, именно во время этого похода союзники Фарнака по дороге разграбили Фасис. Хотя об этом и нет упоминаний в источниках, но иначе трудно объяснить находку в погребении серебряной фиалы V–IV вв. до н. э., посвященной храму Аполлона в Фасисе (№ 120). Так долго фиала могла сохраняться лишь в сокровищнице храма.

В контексте всего сказанного особый интерес представляет меч из погребения. Он уникален, точных аналогий ему не известно, но некоторые детали вызывают определенные ассоциации. Сердечковидное сплошное навершие и прямое перекрестие рукояти меча украшены золотой насечкой – вырезанные из золотой пластинки ажурные узоры инкрустированы в железную поверхность. Нужно сказать, что это самый ранний из известных нам случаев применения такой техники, распространение она получила значительно позже, с конца VII в. в памятниках типа Вознесенки (16, рис. 5, 1–7).

С другой стороны, возникают ассоциации с распространенными в римской армии ажурными бутеролями и обкладками ножен гладиусов, в так называемом стиле *opus inter-rasile*. Иногда они бронзовые литые, но бывают и вырезанные из пластинки. Последние чаще на норицких длинных кельтских мечах ауксильриев и варваров (17; 18). Это было в моде в августовское и в тибериевское время. Не имеем ли мы и в данном случае дело не с навершием, а с бутеролью несохранившихся ножен. При последней реставрации меча на это было обращено специальное внимание. К сожалению,

реставраторы не нашли оснований ни подтвердить, ни окончательно опровергнуть это предположение.

Наконец еще одна ассоциация возникает при рассмотрении меча. Ажурный узор навершия в какой-то мере напоминает ажурные литые навершия из Усть-Полуя в Зауралье (19).

Уникальный меч, вызывающий такое сочетание странных и далеких, западных и восточных ассоциаций заслуживает еще специального изучения, пока он остается загадкой.

Что же касается хронологии комплекса в целом, то, исходя из приведенных выше данных, можно думать, что захоронение в кург. 1 у Зубовского хутора было совершено где-то в пределах третьей четв. I в. до н. э., во всяком случае не ранее 52 г. до н. э. Точнее, третья четв. – это время сложения комплекса, возможно 40-е годы, само погребение могло быть совершено и позже, в последней четв. I в. до н. э., но у нас нет особых оснований думать, что это произошло после рубежа н. э. Небольшие полусферические бляхи со сценами нападения грифона на быка оказываются в таком случае, самыми, пожалуй, ранними находками изделий в бирюзово-золотом стиле в Европе.

Плохо поддается узкой датировке кург. у ст. Воздвиженской (20). Целая серия вещей – бляшки (№ 29), браслет и гривна (№ 30, 31), пряжка (№ 32), зеркало (№ 34), глиняный кувшин (№36), бронзовые котлы (№ 37, 88), курильница (№ 39) – датируются I в. до н. э. в целом. А наконечники стрел (№ 43), панцирь (№ 44), кольчатые и трехзубные псалии (№ 47–49) даже I в. до н. э. – II в. н. э. По классификации наконечников стрел А. М. Ждановского (21, рис. 3, 5–12; рис. 5) дата экземпляров из Воздвиженского кургана может быть сужена до I в. до н. э. – I в. н. э., но это мало меняет ситуацию.

В последние годы предпринимались попытки создания общей системы сарматской кавказской хронологии (И. И. Марченко, Н. Е. Берлизов и др.), но результаты пока не опубликованы полностью, охват материалов каждый раз не был исчерпывающим, возникали определенные расхождения и противоречия, поэтому я пока не рискую использовать эти системы. Они должны еще устояться, согласоваться. Когда это произойдет, возможно мы сможем уточнить и хронологию погребений Зубовско-Воздвиженской группы. Сейчас же я принимаю даты, предложенные И. И. Гущиной и И. П. Засецкой.

Самыми ранними вещами Воздвиженского комплекса могут оказаться серебряные фалары со сценами терзания пантерами козла (№35), поскольку они сохраняют стилистические особенности «греко-бактрийского» стиля, возникшего еще во II в. до н. э., но продолжавшего существовать и в I в. до н. э. Однако для вывода его за рубеж эр у нас нет данных (22; 16, р. 96–97).

Если верно определена дата римского пилума (№ 42) – I в. до н. э., то достаточно реальным было бы предположение, что он попал к воину из Воздвиженской в результате упоминавшихся выше событий 40-х гг. I в. до н. э. Тогда дата захоронения не должна отстоять далеко от даты кург. 1 у Зубовского хутора. Однако с определенностью базироваться на этом предположении мы не можем.

Самую узкую дату в комплексе имеет стеклянный канфар-скифос типа Ша. варианта 2 по классификации И. П. Засецкой и И. И. Марченко (№ 33), датированный второй пол. I в. до н. э. – рубежом эр (23; 1, с. 98). А самым поздним предметом оказывается алебастровый сосудик (№ 40) типа Ха³ по классификации К. Ф. Смирнова (24, с. 74), если датировка его только I в. н. э. достаточно корректна. Только он по сути дела вытягивает узкую дату комплекса за рубеж н. э. Складывается впечатление, что погребение в Воздвиженской могло быть совершено чуть позже Зубовского, возможно в последней четв. I в. до н. э. или непосредственно на рубеже эр. При широкой датировке можно говорить о I в. до н. э. – I в. н. э. в целом.

Синхронным ему может быть кург. «Суловский» у ст. Ярославской. У скифоса I типа отсюда отбиты ручки, что затрудняет определение варианта, основного хронологического показателя. И. И. Гущина и И. П. Засецкая датируют его I в. до н. э. в целом (1, с. 96) или второй пол. I в. до н. э. (1, с. 85). Более надежна дата амфориска финикийского стекла (№ 25) августовского времени, 30-е гг. I в. до н. э. – 14 г. н. э. (25, р. 37–38; 26, с. 159).

Следующую группу погребений у нас больше оснований относить ко времени уже после рубежа н. э. Дату впускного погребения в кург. 4 у Армавира определяет лишь спиральный браслет с наконечниками в виде лошадиных головок (№ 81), если считать его датировку первой пол. I в. н. э. достаточно обоснованной.

Дату впускного погребения в кург. «Острый» у ст. Ярославской определяют два предмета. Скифос типа Ша, вари-

ант 3 по И. И. Засецкой и И.И. Марченко. Показателем хронологического положения этого типа по мнению авторов служит находка такого же скифоса в кург. 9 у ст. Михайловской вместе с патерой Эггерс 154 ступени В₁ европейской хронологии (8). Такие патеры бытуют в Центральной Европе на протяжении всей ступени, т. е. приблизительно с 6 г. н. э. до 70-х гг., но большая часть (25 экз.) находок приходится на ступень В_{1а}. Девять из них, правда, занимают промежуточное положение со следующей ступенью В_{1б}, в которой представлено в чистом виде всего три комплекса с патерами Эггерс 154 (27, Diagramma, A, 13). Граница между ступенями В_{1а} и В_{1б} лежит где-то в интервале 20–40 гг. I в. н. э. (10, Part. II, ill, 4).

Второй предмет из «Острога» с более или менее определенной датой – бронзовая патера первой пол. I в. н. э. (№ 16). Непосредственно сама патера не датируется и авторы каталога выстраивают цепочку: аналогичная патера в погребении Саблы в Крыму имеет атташ в виде кисти руки, последними занимался Б. А. Раев в связи с находками из Соколовского кург. на Дону. Следует вывод о первой пол. I в. н. э. Я не берусь его оспаривать.

Кроме того, во впускном погребении «Острога» были найдены ручки серебряного канфара (№ 7), служившие оберегами. Они от канфара второй пол. I в. до н. э. – первой пол. I в. н. э. по А. Оливеру (28, № 78, 79) и Д. Е. Стронгу (29, р. 134). Найдены также предметы с широкой датой I в. до н. э. – I в. н. э. – бронзовый котел, круглая глазированная фляжка, наглазники, браслеты. В целом о дате комплекса можно говорить как о первой пол. I в. н. э., хотя ранняя часть этого интервала кажется несколько более вероятной.

Очень неопределенна дата «Большого» кургана у Армавира. Ряд вещей I в. н. э. – фибула в виде фигурки барана, подвеска-медальон с сердоликом, фаянсовая бусина; ряд с еще более широкой датой I в. н. э. – первая пол. II в. н. э. (бляшки, амулеты) или I – II вв. н. э. (золотые бусы, ухвертка, деревянные пиксиды).

Смущает предлагаемая авторами датировка золотой фибулы так называемой «лебяжинской серии» (№ 87). Поскольку она сохраняет среднелатенскую конструкцию, трудно представить ее бытование в глубинах I в. н. э. Хотя А. К. Амброз (30, с. 55–66) при определении хронологии латенских фибул пользовался завышенными датами систе-

мы Я. Филипа (31), и теперь его данные нуждаются в корректировке (32: 10), но в данном случае он прав, определяя дату в пределах I в. до н. э.

Дату кург. «Лысая гора» у Майкопа определяет стеклянный канфар-кубок типа III, вида 2, варианта 2 по И. П. Засецкой и И. И. Марченко «первой пол. I в. н. э. или несколько раньше». Бусы I–II вв. н. э. и панцирь с широкой датой I в. до н. э. – первая пол. II в. н. э. уточнить эту датировку не могут.

Аналогичная картина и с кург. 2 у хут. Зубовского. Узкую дату имеет лишь скифос типа III, варианта 2 первой пол. I в. н. э. (№ 146). Остальные вещи – браслеты, бусы, серьги, пряжки, зеркало, глиняный кувшин, алебастровые сосудики типа IX и X по К. Ф. Смирнову и прочее имеют широкие даты. Можно лишь отметить, что как и в «Большом» кург. Армавира, вещи I в. н. э. преобладают над существовавшими и в I в. до н. э.

Уточнить несколько дату могла бы, пожалуй лишь золотая фибула, изображающая Гелиоса на колеснице (№ 136). Если верно предположение, что во времена Аспурга на Боспоре произошло возвышение культа Гелиоса-Митры, на чем основана и трактовка С. Ю. Сапрыкиным золотой пластинки из Горгитшии (33, с. 77, 68), то и фибулу из Зубовского можно было бы отнести ко времени Аспурга, правившего с 8 г. по 38 г. н. э. Тогда где-то в это же время или чуть позже было совершено и погребение в кург. 2 у хут. Зубовского. Погребение 5 кург. 1 у Армавира дает три предмета первой пол. I в. н. э. – канфар-кубок типа III, вида 2, варианта 3, краснолаковая тарелка и глиняный бальзамарий. Прочие вещи – браслеты, фибула в виде баранчика, бусы, зеркало, железный канделябр эту дату не уточняют.

И, наконец, погребение у аула Хатажукаевский, дающее большой разброс дат. Здесь и зеркало IV типа по А. М. Хазанову III в. до н. э. – I в. н. э., и золотые ромбовидные пронизи I–III вв. н. э., спиральные серьги и фибула в виде зайчика I в. до н. э. – I в. н. э.

Наиболее точно дату погребения определяет ойнохоя Эггерс 124 (№ 68) ступени В_{1а} европейской хронологии 6–40 гг. н. э. (10, Part II, ill. 4). Не исключено однако, что погребение было совершено и несколько позже. На бронзовом котле типа, существовавшего на протяжении I в. до н. э. – I в. н. э., имеется родовая тамга Фарзоя (№ 67), время правления которого по монетам, чеканенным в Ольвии,

фиксируется с 49 по 81 г. н. э. (34; 35). Есть еще два предмета из числа бытовавших во второй пол. I – нач. II вв. н. э. Это белый скарабей (№ 57) и бронзовое литое кольцо со скульптурными головками мулов (№ 62).

Можно было бы по этим самым поздним предметам определить и дату комплекса, однако по всему сочетанию вещей наиболее вероятное время захоронения – середина I в. н. э. Особых оснований переносить это время в конец I в. или в нач. II в. н. э. у нас все же нет.

Таким образом, Zubовско-Воздвиженский курганный могильник, скорее всего, функционировал где-то с 40-х или 60-х гг. I в. до н. э. по 40-е – 50-е гг. I в. н. э., и хоронили на нем представителей некой сильно военизированной группировки населения, знатных дружинников-катафрактариев с их семьями, не чуждых, вероятно, и какой-то магической практики: железные жезлы и канделябры, каменные топоры эпохи бронзы, помещенные в могиле. Погребенные были современниками, а очень возможно и активными участниками политических событий названного времени.

Весьма вероятно, что старшие из них, захороненные в центральном погребении кург. «Острый» и в кург. 1 у Zubовского хут., застали еще смерть Митридата Евпатора в 63 г. Во всяком случае они наверняка слышали и о победах Помпея над Митридатом в последнем туре затяжной римско-понтийской войны, и о предательстве его сына Фарнака, перешедшего на сторону римлян, и о самоубийстве в Пантикапее великого полководца, филллина и потомка Ахеменидов. Тот же воин из Zubовского и воин из Воздвиженской в составе сарматского контингента из сираков и аорсов вполне могли принимать участие в боевых действиях Фарнака в 48–46 гг. до н. э. – видеть затопленные земли дандариев, дамбы которых Фариак разрушил, пройти вместе с ним в Закавказье, разграбив святилище в Фасисе, а затем в Малую Азию, разорить Амис, сражаться с легионерами наместника провинции Азия Домиция Кальвина под Никополем, с галатами Дейотара, а в 47 г. потерпеть поражение от Цезаря у Зелы и бежать, перебив лошадей, на кораблях вместе с Фарнаком на родину, избежать гибели в сражениях с захватившим на Боспоре власть Асандром, а потом вместе с ним сражаться в 46 г. до н. э. против Митридата Пергамского (Dio Cass. XLII, 9,2; 45; 46; App. Mith. 120, 121; Luc. X, V, 475; Flor. Bil. civ. II, XIII).

Люди из остальных погребений были, очевидно, младшими современниками Асандра и его жены Динамии, дочери Фарнака, могли быть свидетелями гибели первого и воцарения второй при восстании Скрибония, в 21–20 гг. до н. э., попытки присоединения Боспора к Понтийскому царству Полемона, разгрома Боспорских периферийных городов и крепостей, учиненного последним, и его гибели в ловушке, устроенной аспургианами. Во всяком случае, они явно слышали и знали об этих событиях. Жили они, очевидно, и во времена правления Аспурга, сына Динамии и Асандра. В частности погребенный или, скорее, погребенная в кург. 2 Zubовского хут. была, по всей вероятности, не чужда и некоторым идеологическим представлениям двора Аспура (фибулы с изображением Гелиоса-Митры), возможно даже имела и какие-то более тесные связи с правящей боспорской династией.

Ее, как и женщину из Хатажукаевского аула, могли задеть каким-то образом и события 35 г., когда в римско-парфянском конфликте из-за Армении одна из сарматских группировок поддержала парфян, направив туда войска, которые правда, так и не достигли цели из-за высокого уровня Каспия, закрывшего проход по побережью, а вторая группировка успешно помогала иберам, союзникам римлян (Tac. Ann. 41, 31–37). Находку скифоса из 2-го Zubовского кург. И. П. Засецкая и И. И. Марченко связывают именно с этими событиями. Разная политическая ориентированность сарматских группировок Предкавказья отражала, возможно, и определенные противоречия между ними. Конфликт назревал и свидетельницей его вероятно была более молодая женщина из Хатажукаевского аула. Она могла еще застать и воцарение на Боспоре сына Аспурга Митридата, и бурные события 45–49 гг. Десант римских войск в Пантикапей, бегство Митридата к варварам, выступление на стороне последнего сираков во главе с их царем Зорсином, обращение римлян и нового боспорского царя Котиса за помощью к аорсам, войну 49 г. со взятием римлянами сиракской крепости Успе, сдачей Митридата царю аорсов Эвнону и отправкой пленника в Рим (Tac. Ann. XII, 15–21).

Если верно предположение, что сирако-аорский конфликт является или одним из эпизодов (или стимулом) более широких процессов, охвативших сарматский мир и выразившихся в сдвиге ряда сарматских племен на запад (36, с. 39 сл.; 37), а в частности в возникновении царства

Фарзоя в СЗ Причерноморье (35), женщина из Хатажукаевского, похоже, как-то причастна и к этим событиям, потому что весьма вероятно была связана какими-то родственными узами с Фарзоем. На котле из погребения изображена родовая тамга, такая же как и на монетах, чеканенных этим царем в Ольвии. Не исключено, кстати, что какие-то родственные связи существовали у этого рода и с домом Аспурга, поскольку тамги обоих имеют определенное сходство (Рис. 1).

Очень похоже на то, что во время войны 49 г. или вскоре после нее прекратились захоронения Zubовско-Воздвиженской группы курганов и приблизительно в это же время на противоположном берегу Кубани возникает «Золотое кладбище», захоронения группы сарматов, тоже сильно воензированной, тоже с богатым набором импортных вещей, но практикующих уже другой, катакомбный, обряд погребения.

Я не буду рассматривать здесь хронологию «Золотого кладбища» и его соотношение с Zubовско-Воздвиженской группой, так как такая работа подготавливается И. И. Гушиной и И. П. Засецкой (1, с. 89). Насколько я знаком с ходом этой работы, вывод об асинхронности этих курганных некрополей выглядит достаточно убедительно, да и другие исследователи неоднократно этот факт отмечали (38, с. 50 сл. и др.).

Сдвиг сарматских племен и на запад, фиксируемый сопоставлением этнокарт Страбона (Strab. VII, 17; XI V, 7–8) и Плиния (Plin. IV, 80) и имевший место следовательно где-то между 18—79 гг. н. э., подтверждается и археологическими находками (36; 37; 39), причем сопровождается появлением в Причерноморье целого ряда предметов явно восточного происхождения – китайские и «бактрийские» зеркала или подражания им, нефритовые скобы для ножен мечей, и узкие длинные мечи с бронзовым перекрестием китайско-корейского типа, китайские арбалеты, колесницы, напоминающие пазырыкские, кусочки опия-сырца некоторые виды керамики (например высокий серый гончарный сосуд из кургана 13 у ст. Казанской, очень напоминающий керамику Иволгинского городища), изделия в бирюзово-золотом стиле (40; 41, с. 128; 42; 13, с. 148; 6; 43, fig. 10, 1 и др.).

Восточное, среднеазиатско – сибирское происхождение последнего не вызывает особых сомнений. В Причерноморье и на Кавказе нет такого обилия бирюзы, чтобы обеспечить

производство этих предметов. Несомненно стилистическое сходство с вещами Сибирской коллекции Петра I (44), с находками из Тилля-Тепе в Афганистане (45) и в ряде других мест. На востоке этот стиль имеет и более глубокие корни, проявляя определенное стилистическое сходство еще с вещами Аму-Дарьинского клада и Пазырыка, что уже отмечалось исследователями (44; 46; 47). Манера подчеркивать объем, мускулиность изображаемых животных цветным бликом, восходит, вероятно, к приему, издавна применяемому иранскими и среднеазиатскими ткачами и ковровщиками, что хорошо видно, например, на знаменитом пазырыкском ковре. Удивительное сходство с пазырыкскими демонстрируют, например, изображения грифонов на недавней находке золотого фалара из Косики в Астраханской области (48, с. 37).

Н. Е. Берлизов склонен объяснять весь этот приток восточных вещей открытием «шелкового» торгового пути (13). Как известно, первый караван с китайским шелком достиг границ Римской империи в 36 г. до н. э., а затем в 23 г. н. э. путь прервался из-за утраты китайцами Восточного Туркестана и был возобновлен в 74 г. (49). И вероятно Н. Е. Берлизов в какой-то мере прав. Многие вещи могли попадать в Причерноморье именно таким образом, и упоминание Страбона о аорсов, владеющих большей частью Каспийского побережья и ведущих караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, разбогатевших на этой торговле и носивших поэтому золотые украшения (Strab. XI, V, 8) лишний раз это подтверждает.

Но трудно себе представить, чтобы предметами купеческой торговли были такие вещи как килограммовая золотая гривна с шествием зверей в бирюзово-золотом стиле из «Хохлача», массивные золотые браслеты того же комплекса, гривна и браслеты 10-го кург. Кобяковского могильника (62), близкие по стилю и манере исполнения, с одной стороны, диадеме из погребения на р. Тенетнике в Казахстане (44, рис. 58), а с другой браслету из Пешевара (44, рис. 232), или роскошные золотые ножны из кург. «Дачи» (50), так живо напоминающие ножны кинжала из погребения «князя» в Тилля-Тепе, или роскошные вещи из погребений в Порогах на Днестре, тоже перекликающиеся с тилля-тепинскими (51). Это явно вещи царского достоинства, ин-

ва, инсигнии власти или очень высокого социального ранга их владельцев. Такие вещи не покупают на базаре, не доверяют караванщикам. Они могли попасть в Причерноморье или вместе с их знатными владельцами, или в качестве дипломатических даров, при династических браках или других контактах на очень высоком социальном уровне. И не исключено, что как раз в то время, когда прервался шелковый торговый путь, теми же караванными дорогами двигались отряды совсем других всадников с совсем другими целями. Двигались толкаемые событиями, которые привели к утрате китайцами Восточного Туркестана, заставляли гирканцев слать послов к Нерону (Тас. Ann. XIV, 25), привели к прекращению захоронений в Тилля-Тепе и развалу Емши-Тепинско-го княжества, одного из пяти государств, созданных некогда юэджями в Бактрии еще в конце II в. до н.э. (52, с. 251), а в конечном итоге способствовали возникновению Кушанского царства между Аралом и Индией, сколь ни были бы спорны даты кушанской хронологии (53).

При том сдвиге сарматских племен на запад, о котором шла речь выше, Плиний помещает языгов в Среднем Подунавье, в районе Карнунта, что подтверждает и Тацит, рассказывая о их помощи царю квадов Ваннию в его борьбе против гермундуров и лугиев (Тас. Ann. XII, 29–30). Аорсов-амаксобиев, роксолан и алан Плиний селит к северу от Истра и примыкающего побережья Понта, т. е. в Молдове и Днепровском Правобережье, а сираков — в районе «Ахиллова дрома», в непосредственной близости от Ольвии. Поэтому предположение А. С. Русяевой о сиракской принадлежности Фарзоя не лишено правдоподобности (54).

Здесь, однако, нужно оговориться. Плиний следуя давней традиции глубокого уважения к свидетельствам Геродота и стереотипам обыденного сознания об этнических процессах, питающем до сих пор представления о преимущественно глубоком автохтонизме и извечности всех народов, был вынужден искать место и для всех племен геродотовского списка, в реальности уже не существовавших. Он и разместил их между Днепром и Доном (Plin. IV, 88). Поэтому в действительности ареалы расселения всех современных ему сарматских группировок могли быть шире. Возможно, что места их прежнего обитания, отмеченные Страбоном,

тоже оставались за ними, за исключением, вероятно, языгов. Однако в целом Плиний обладал достаточно надежной информацией об их владениях, особенно о их западных границах, поскольку имел весьма компетентных информаторов — жившего в Риме пленного Митридата, наместников Мезии Флавия Сабина и Плавтия Сильвана (55, с. 8–12). Свидетельство Плиния о присутствии алан где-то в Северном Причерноморье, и скорее в его западной части, является достаточно надежным, хотя точно локализовать их невозможно.

Это, однако, не самое первое упоминание об аланах. У философа Сенеки, учителя Нерона, мелькнула фраза об «Истре, представляющем путь к бегству диким аланам» (Вестник, 630. Сенека был вынужден покончить самоубийством в 65 г., а значит можно несколько сузить дату интервала, в котором произошел сдвиг сарматских племен на запад. Между 18 и 65 гг. аланы уже проникали до Дуная и даже переходили его. Не исключено, что имеется в виду еще один, не известный по другим источникам эпизод из событий 61 – 62 гг. – набег алан мог бы иметь место осенью-зимой 61 г., когда V Македонский легион ушел из Мезии в Армению на помощь Цезарию Пету (Тас. Ann. XV, 6), чем и воспользовались аланы. Путь для бегства им мог предоставить лишь замерзший Дунай. Акция Плавтия Сильвана, «усмирившего волнения сарматов» (CIL, 3608), летом 62 г. могла быть вызвана не только действиями Фарзоя, заявившего еще в 55 г. выпуском золотой монеты о своей независимости, но и упомянутой Сенекой военной активностью кочевников. Но все это, естественно, лишь в области предположений.

Племянник Сенеки, поэт Лукан, участвовавший, как и его дядя, в заговоре Писона и так же закончивший свою жизнь в 65 г., написал поэму «Фарсалия» о гражданской войне 50–45 гг. до н. э. В уста Помпея, рассказывающего о своей деятельности на Кавказе в 65 г. до н. э., он вкладывает слова о «вечно воинственных аланах» (Luc. II, VIII, 215–225). Это свидетельство Лукана вызывает соблазн сопоставить с аланами Зубовско-Воздвиженскую группу – начальная дата, военизированность, контакты с римлянами, бирюзово-золотой стиль. Однако следует проявить осторожность. Даже если у Лукана не произошло описки и аланы не перепутаны с албанами, с которыми Помпей действительно воевал, перед нами все-таки поэтическое произведение, со всеми возможными в этом жанре поэтическими вольнос-

тиями. У Лукана Цицерон уговаривает Помпея дать скорее битву при Фарсале, хотя, как мы твердо знаем, да и сам Лукан не мог не знать, Цицерона не было в это время в лагере Помпея. Другое дело, что зерно исторической истины есть и в «Фарсалии». Во времена Нерона имя воинственных и диких алан, очевидно, было на языке у римской публики, возможно просачивались какие-то слухи и о действиях на Кавказе. Поэтому Лукан и вставил их в свою поэму. Но это времена Нерона, когда Зубовско-Воздвиженская группа пре-кращается, а не времена Помпея.

Аналогичная ситуация и с упоминанием алан в «Аргонавтике» Верия Флакка. Пересказывая миф для своих учеников, внуков Августа, он также называет алан на Кавказе в связи с походом аргонавтов. Свидетельство тем не менее чрезвычайно важное, поскольку означает, что уже во времена Августа имя алан было известно римлянам где-то на Кавказе. Тем самым шансы аланской версии трактовки Зубовско-Воздвиженской группы увеличиваются, хотя совпадение опять не совсем полное.

Самым достоверным свидетельством об аланах I в. н. э. считается описание их рейда в страны Передней Азии через 4 года после самоубийства Нерона, т. е. в 72 г., которое мы находим у Иосифа Флавия (Flav. VII, 7, 4). Недавно Н. Е. Берлизов справедливо отметил некоторые несуразности, возникающие при обычной трактовке этого похода через Кавказ. Аланы сначала атакуют Мидию, а потом уже Армению, проходят через «железные ворота», построенные Александром, хотя, македонский полководец не бывал на Кавказе. Замена царя гирканов на царя иберов, которой исследователи пытались ликвидировать недоразумение, ничем не обоснована, а аланский набег во главе с царем Базу-ком, описанный в «Картлис Цховреба», явно относится к более позднему времени, к 114–115 гг. (13, с. 154–161). В этой связи Н. Е. Берлизов предполагает приход алан в 72 г. из Средней Азии, через Гирканию вдоль южного берега Каспия.

По его мнению, Флавий допускает ошибку, довольно распространенную у античных географов, путавших две Меотиды и два Танаиса, откуда, по Флавию, начинали свой поход аланы – в Причерноморье и в Средней Азии (13, с. 158). Версия, не лишенная некоторых оснований, хотя археологически трудно доказуемая.

Открытие японскими археологами двух катакомбных могильников с достаточно ярко выраженными среднеазиатскими чертами в долине Далайман в юго-западном Прикаспии (56) казалось бы подтверждает эту версию, но точного хронологического совпадения нет и, кроме того, считать могильники исключительно аланскими не приходится. Они могли быть оставлены саками и даями, тоже упоминаемыми Иосифом Флавием в связи с походом 72 г. (Flav. XX, 4, 3).

С аланами картина, в результате запутывается окончательно. Они то двигаются из Средней Азии, то фиксируются еще раньше где-то на Кавказе и в то же самое время на Дунае и в СЗ Причерноморье.

Ситуация однако может проясниться, если представить себе, что первые алапы, о которых идет речь, не были еще ни особым народом, ни племенем в полном смысле этих терминов. Это могла быть группа, дружина аристократов, потомственных воинов-профессионалов, обладающих высокой выучкой и тайнами психофизической подготовки. Удивительно умелое владение аланами арканом специально оговаривается в «Картлис Цховреба». Это был своего рода «рыцарский орден», имеющий при этом родственные связи с аристократическими домами самых разных более стабильных кочевнических объединений от Гиндукуша до Дуная, тоже обладающими, как и полагается аристократам, династическими связями между собой. В силу этого аланы могли представлять особую социальную надплеменную прослойку сарматского общества. Группа могла быть и не очень многочисленной и не очень стабильной, но весьма мобильной, постоянно ищущей применения своим силам в разных частях сарматского мира и на его границах, и подчас организуемой и собственные акции.

Две наиболее удачные этимологии слова «алан» от греческого глагола «бродить», «странствовать» (Миллер Г. Ф.) и от ариев (Абаев В. И.), потомками которых могли объявлять себя аланы, вполне объяснимы в таком контексте (57, с. 7).

Оперировал этот «орден», в основном, в той сако-массагетской среде, из которой вышли и юэджи, разорившие Греко-Бактркйское царство, предки погребенных в Тилля-Тепе, и роксоланы, и аорсы (58, с. 251). Мы знаем, что аланы – это бывшие массагеты (Dio Cass. I, XIX, 15).

Взаимосвязанность этой среды на аристократическом уровне, постоянная, а скорее дискретная, может объяснить распространение таких вещей как «греко-бактрийские» фалары, а позднее изделия в бирюзово-золотом стиле. Напомним кстати, что в Тилля-Тепе неожиданно проявляются такие детали погребального обряда как помещение сосудов (в данном случае золотых) под голову покойного и скрещенные ноги (52). Детали, справедливо считающиеся на Кавказе наследием меотского обряда, переняты сарматами. Последние достаточно широко разнесли его по свету, в том числе и на восток. Связи между отдаленными уголками сарматского мира могли быть гораздо более тесными, чем мы привыкли себе представлять.

При таком подходе становятся в какой-то мере объяснимыми странные и неожиданные появления алан то в одном месте, то в другом, без какой-либо видимой логики и последовательности. Страна Яньцао переименовывается по данным китайцев в страну Аланью (Бичурин, с. 121). Заметим, кстати, что процесс сопровождается и какими-то идеологическими переменами. «Греко-бактрийский» стиль, где часто присутствуют человеческие фигуры, сменяется возрождением древнего звериного стиля.

Со временем, вероятно, авторитет аланского «ордена» все возрастает, его представители оказываются во главе многих «домов», руководящих различными сарматскими группировками, имя алан постепенно вытесняет названия этих группировок, да и само название «сарматы» (Amm. Marc. XXXII, 217). Бирюзово-золотой стиль к этому времени, правда, уже исчезает, сменяясь в свою очередь красно-золотым (59). Я понимаю всю умозрительность и интуитивность данного построения, наши данные слишком скупы, но пока для себя не нахожу иного объяснения, позволяющего лучше связать разрозненные факты.

Если же высказанное предположение соответствует действительности, а оно не ново и близкие соображения уже звучали (60; 61), то теряют смысл до сих пор довольно безуспешные попытки вычислять ранних алан по каким-либо чертам погребального обряда, будь то катакомбы, подбои или диагональные захоронения. Они отражают массовую культуру сарматского населения, могут фиксировать его подвижки, но не обязательно связаны с самими аланами.

Не следует думать, что и наличие вещей бирюзово-золотого стиля может служить безусловной этикеткой алан-

ской принадлежности. Аланы, конечно, могли носить такие вещи, и даже быть инициаторами этого дела, но все же стиль, очевидно, был «интернациональный», был модой, и мы не знаем в каждом конкретном случае, входил ли носитель этих вещей в аланскую группировку. Могло быть и так, и иначе. А иногда, в силу династических связей, его положение могло оказаться и двойственным. Фарзой с Ининсмейем могли быть и аланами, и сираками или аорсами одновременно.

Не исключена аланская принадлежность таких военизированных группировок, которые представлены погребениями Зубовско-Воздвиженской группы и «Золотого кладбища», но без дополнительных данных доказать это невозможно. Ранние аланы столь же археологически неуловимы, как тюркюты в составе Тюркского каганата, или сами хазары в составе Хазарского.

Не менее сложно будет уловить самих алан в более позднее время, во II–V вв., даже если и удалось бы локализовать страну Яньцай, переименованную в Аланью. Мы можем фиксировать случаи совпадения хронологии и локализации алан этого времени с археологическими памятниками и переменами в материальной культуре, конкретизировать на этой основе этнополитическую ситуацию, но не должны поддаваться аланомании. Следует помнить, что эти аланы не обязательно являются прямыми потомками алан I в н. э. Связи здесь может быть не больше, чем между Римской империей и Священной Римской империей.

Поэтому и попытки строить длинные ретроспективные цепочки от тех или иных проявлений культуры средневековых алан в глубину веков (напр., 13) имеют смысл лишь для выяснения генезиса этой культуры. Но следует отдавать себе отчет, что уже на первом шаге ретроспекции мы можем попасть на те группировки, которые лишь приняли на себя имя алан, а на втором уже на тех, кто аланами себя и не считал, знал о них больше понаслышке, а на третьем и на тех, кто о них и слышать не мог, поскольку слова такого еще не существовало.

1. Гущина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. – начало V в. н. э.). – Археологические исследования на юге Восточной Европы Тр. ГИМ, вып. 70, 1989.
2. Веселовский Н. И. Курганы Кубанской области в период римского владычества. – Тр. XII АС, т. I, 1905.
3. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

4. Березовская Л. Ю. К проблеме выделения и датировки памятников Zubовско-Воздвиженской группы.– I КАК. Краснодар, 1989.
5. Щукин М. Б. Об «узких» и «широких» датировках. – ПА, вып. 2, Л., 1978.
6. Симоненко А. В. Импортное оружие у сарматов.– КЕСАМ Новочеркасск, 1989.
7. Werner J. Die Bronzekanne von Kelheim.– BVbl., 1954, 20.
8. Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg; 1951.
9. Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie der römischen Import im freien Germanien.– Jahrbuch RGZM, 1955, 2.
10. Shchukin M. B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europa 1st Century BC–1st Century AD.– BAR, Int. Ser., 542. Oxford, 1989.
11. Graue J. Die Gräberfelder von Ornavasso.– НВА, В. 1, 1974.
12. Werner J. Zur Bronzekanne von Kelheim. Ruckblick und Ausblick.– BVbl. 1978, 43.
13. Берлизов Н. Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э. – III в. н. э.).– Дисс. канд. ист. наук. Л., 1990.
14. Duval A. Une type particulier de fibule gallo-romaine précoce: la fibule „Alesia".– Antiquités Nationales, № 6, 1974.
15. Щукин М. Б. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры.– СА, 1989, № 3.
16. Семенов А. И. К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы.– АСГЭ, вып. 29, 1988.
17. Mayer E. Zur zeitlichen und kulturellen Siellung des Dolchortbandes von Gundorf, Kreis Leipzig.– Arbeits-und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, Bd. 8, 1960/
18. Werner J. Spätlaténe-Schwerter norischer Herkunft.– Symposium Ausklang der Laténe-Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet. Bratislava, 1977.
19. Чернецов В. И. Бронза усть-полуйского времени.– МИА, № 35, 1953
20. Гущина И. И., Попова Т. Б. Воздвиженский курган, памятник III тысячелетия – I в. до н. э.– Ежегодник ГИМ за 1965–1966 гг. М., 1970.
21. Ждановский А. М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени. – Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1983.
22. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М., 1940.
23. Засецкая И. П., Марченко И. И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени.– АСГЭ, вып. 32 (в печати).
24. Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии.– В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1974.
25. Dusenbery E, Ancient Glass from the Cemeteries of Samothrace.– JGS, Vol. 99, 1967.
26. Кунина Н. З. Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора. – ТГЭ. вып. XIII, 1972.
27. Wolagiewicz R. Naplyw [importow rzymskich do Europy na polnoc od srodkowego Dunaju.–AP, 1970. t. 5, z. 1.
28. Oliver A. Silver from the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver. Catalog. Meriden, Connecticut, 1977–1978.
29. Strong D. E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. L., 1966.
30. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. – САИ, Вып. Д1-30, 1966.
31. Filip J. Keltove ve Stredni Europe. Praha, 1956.
32. Godlowski K. Okres latenski w Europe.– Archeologia pierwotna I wczesnosredniowieczna, Czesc 4. Krakow, 1977.
33. Сапрыкин С. Ю. Золотая пластинка из Горгиппии.– ВДИ, 1983, № 1.
34. Карышовский П. О. О монетах царя Фарзоя. – Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.
35. Щукин М. Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья.– СГЭ, вып. 47, 1982.
36. Щукин М. Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования).– КЕСАМ. Новочеркасск, 1989.
37. Scukin M. B. A propos des contacts militaire entre les Sarmates et les Germains a l'epoque Romaine (d' apres l' armement et specielment les umbo boucliers et les lances).–Actes de Colloque international „L'armee Romaine et les Barbares du 4 au 7siecles" Paris (au printé).
38. Ждановский А. М., Марченко И. И. Сарматы в Прикубанье.– ПСАИ. Азов, 1988.
39. Щукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе.– СА, 1989, № 1.
40. Клейн Л. С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов.– Скифосибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
41. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры.– ПСАИ. Азов, 1988.
42. Балонов Ф. Р. Колесный транспорт сарматской эпохи.– Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980.
43. Davydova A. V. The Ivolga Gorodishche a Monument of the Hiung Nu Culture in Trans-Baikal Region.– ААН. t. 20, 1968.
44. Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.
45. Sarianidi V. Bactrian Gold from the Excavation of the Tillya-Tepe in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
46. Раев Б. А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели.– Скифо-сарматский мир. Кемерово, 1984.

47. Раев В. А. Аланы в Евразийских степях: восток-запад.— Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
48. Дворниченко В., Плахов В., Федоров-Давыдов Г. Сокровища сарматского царя.— Наука и жизнь, 1985. № 3.
49. Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей с древнейших времен до X в н. э. — Труды НИАЭ Тадж. ССР, т. 53, 1957.
50. Беспалый Е. И. Сокровища из сарматских курганов.— Дон, 1988, № 1.
51. Симоненко А. В. Фарзой, Инисмей и аорсы.— История и археология Нижнего Подунавья. Рени, 1989.
52. Яценко С. А. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-Тепе (Афганистан).— Уч. зап. Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока М. 1989.
53. Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
54. Русяева А. С. До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами.— Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. (Тез. докл.). Київ, 1989.
55. Скржинская М. Ф. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
56. Egami N., Fukai S., Masuda S. Dailaman II. The Excavation at Noruzmahale and Khoramrud 1960.— The Tokio University Iraq-Iran Expedition. Raport 7. Tokio, 1966.
57. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
58. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э.— АСГЭ, вып. 16, 1974.
59. Бажан И. А., Шукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клаузоне эпохи Великого переселения народов.— АСГЭ, вып. 30, 1990.
60. Сатеев О. Н. Социально-экономические факторы формирования военнo-демократического комплекса в сарматском обществе (К вопросу о раннеаланской стадии).— I КАК. Краснодар, 1989.
61. Наглер А. О., Чипирова Л. А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах.— Античность и варварский мир. Орджоникидзе. 1985.
62. Прохорова Т. А., Гугуев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону.— Изв. РОМК, вып. 5, 1988.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

Рис. 1. Хронология погребений (номера соответствуют каталогу И. И. Гузиной и И. П. Засецкой).

Курган «Острый», центр погр.: 1 — золотая накладка, 2 — золотые бусы-пронизи, 5 — стекл. бусы.

Зубовский кург. 1: 128 — стекл. чаша, 126 — бронзовая кружка типа «Идрия», 125 — удила и псалии, 130 — детали шкатулки, 134 — жезл, 123 — фибула типа «Алезия», 113 — бляхи пояса со стеклом меллифиори, 121, 122 — панцирь с фалерами, 127 — бронзовый котел, 129 — глиняный кувшин.

Курган «Суловский»: 24 — стекл. скифос, 25 — амфориск.

Воздвиженская: 35 — фалары, 42 — пилум, 33 — стекл. скифос, 29 — золотые бляшки, 32 — пряжки, 34 — зеркало, 36 — глиняный кувшин, 37, 38 — бронзовый котел, 39 — курильница, 43 — наконечники стрел, 44 — панцирь, 47 — удила и псалии, 40 — алебастровый сосуд.

Армавир, кург. 4: 81 — золотой браслет, 82 — обломок стержня.

Курган «Острый», впускное погр.: 18 — бронзовый котел, 19 — глиняная фляжка, 21 — браслеты, 11 скифос, 16 — бронзовая патера, 7 — ручки серебряного канфара.

Армавир, «Большой курган»: 87 — фибула «лебяжинской» серии, 104 — зеркало, 84 — фибула-баранчик, 85 — халцедоновая подвеска, 90 — фаянсовая бусина, 83 — золотые бляшки, 88 — амулеты, 86 — золотые бусы, 92 — ухвертка, 95 — деревянные пиксиды.

«Лысая гора»: ПО — панцирь, 112 — стекл. канфар-кубок, 108 — стекл. бусы.

Зубовский кург. 2: 138 — золотой браслет, 140 — золотые пронизи, 136 — фибулы-Гелиос, 146 — скифос, 135 — бляшки, 139 — золотые бусы, 142 — железные пряжки, 143 — зеркало, 145 — глиняный кувшин, 141 — стекл. бусы.

Армавир, кург. 1, погр. 5: 71 — золотые браслеты, 73 — стекл. канфар, 78 — краснолаковая тарелка, 79 — глиняный бальзамарий, 72 — фибула-баранчик, 75 — зеркало, 77 — алебастровый сосуд, 74 — бусы, 76 — глиняные миски, 80 — железный канделябр.

Хатажукаевский аул: 61 — зеркало, 52 — золотые серьги, 53 — фибула-зайчик, 51 — бляшки, 56 — пронизи, 68 — ойнохоя Эггерс 124, 67 — бронзовый котел, 57 — фаянсовый амулет, 62 — бронзовое кольцо с головками мулов.

Рис. 2. Сероглиняные гончарные сосуды с Иволгинского городища (1) и из кург. 13 у ст. Казанской (2).

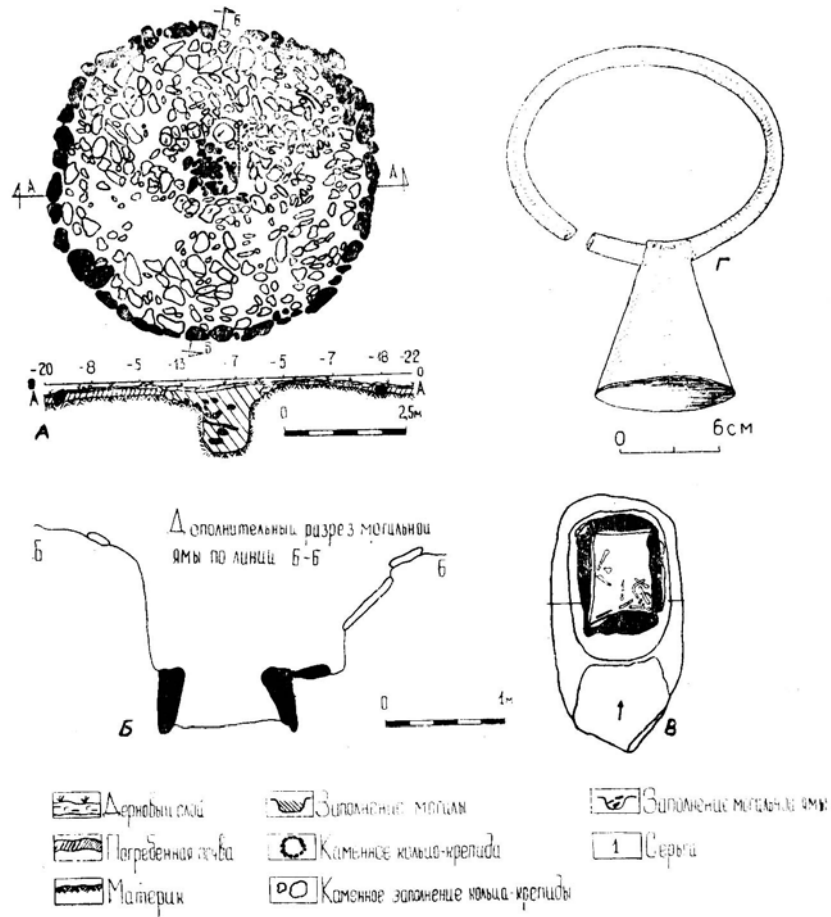


Рис. 1 к статье А.С. Васютина

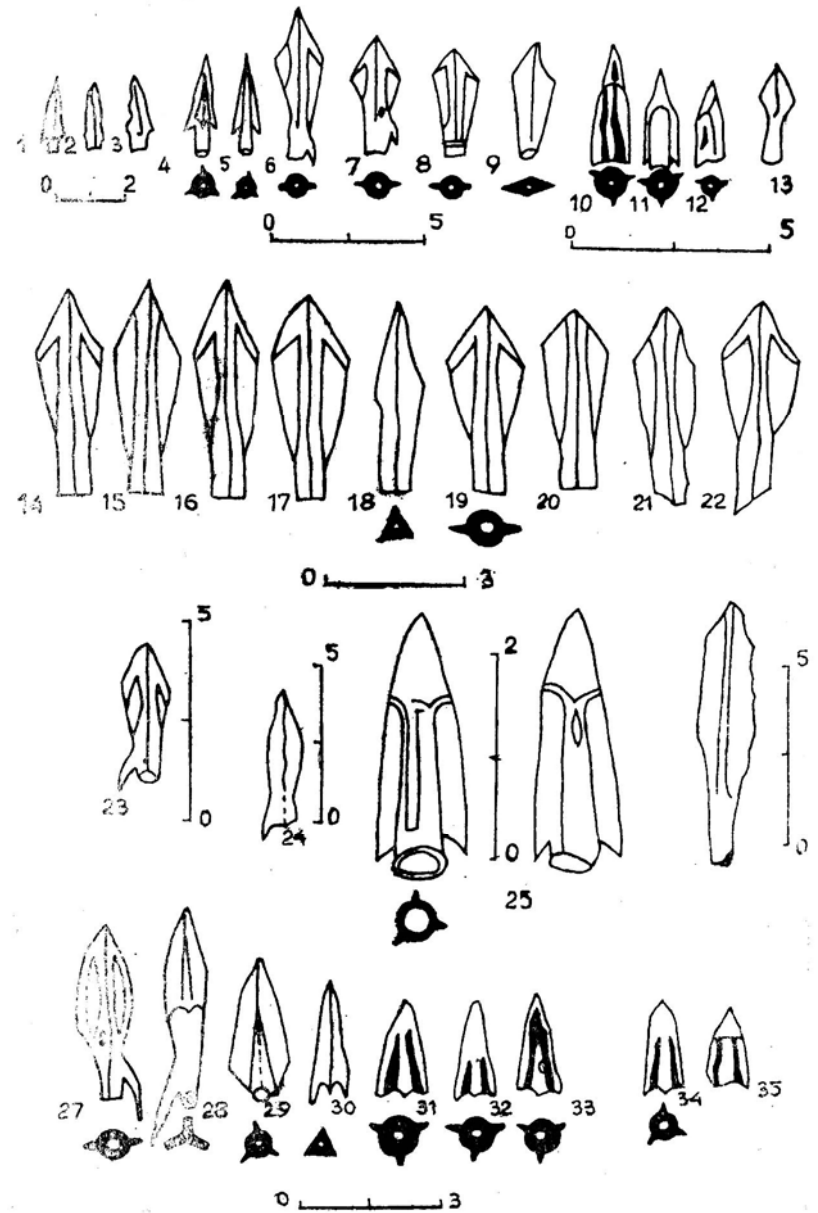


Рис. 1 к статье Хр. Буюклиева

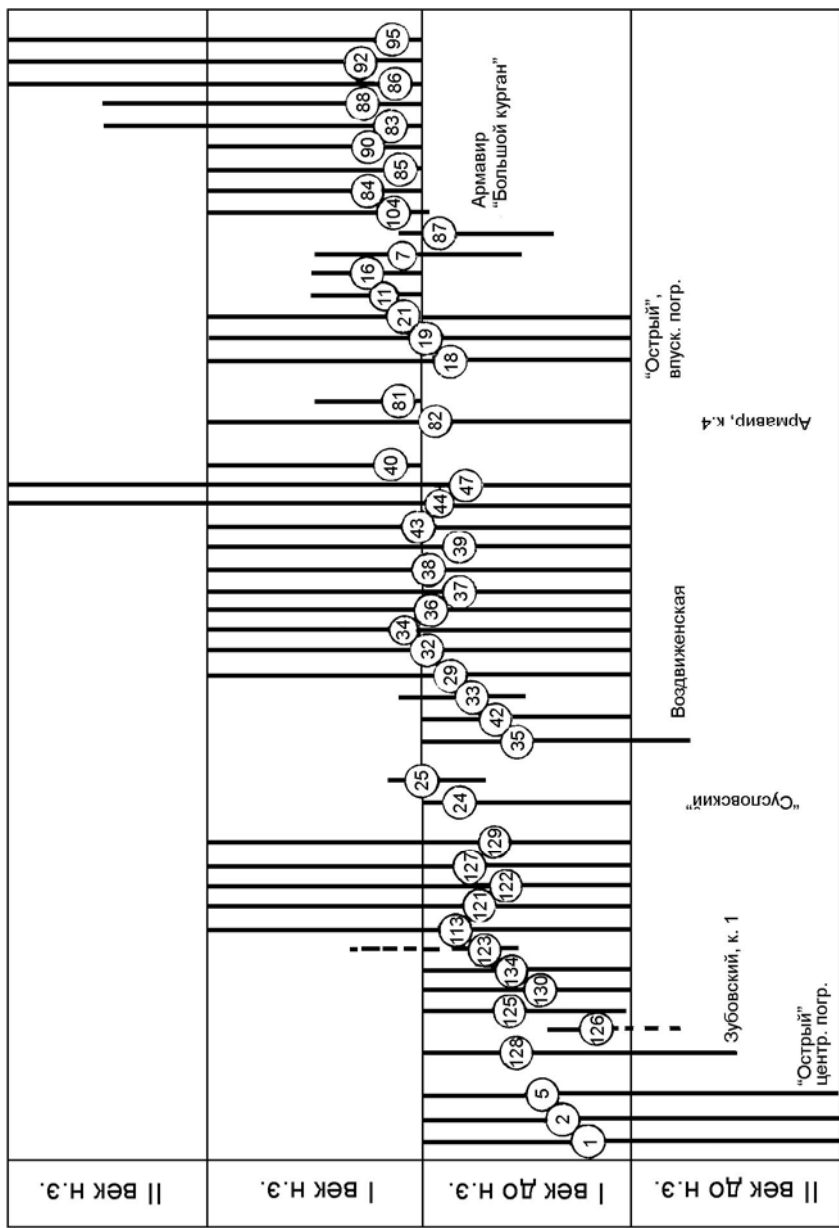


Рис. 1 к статье М.Б. Щукина

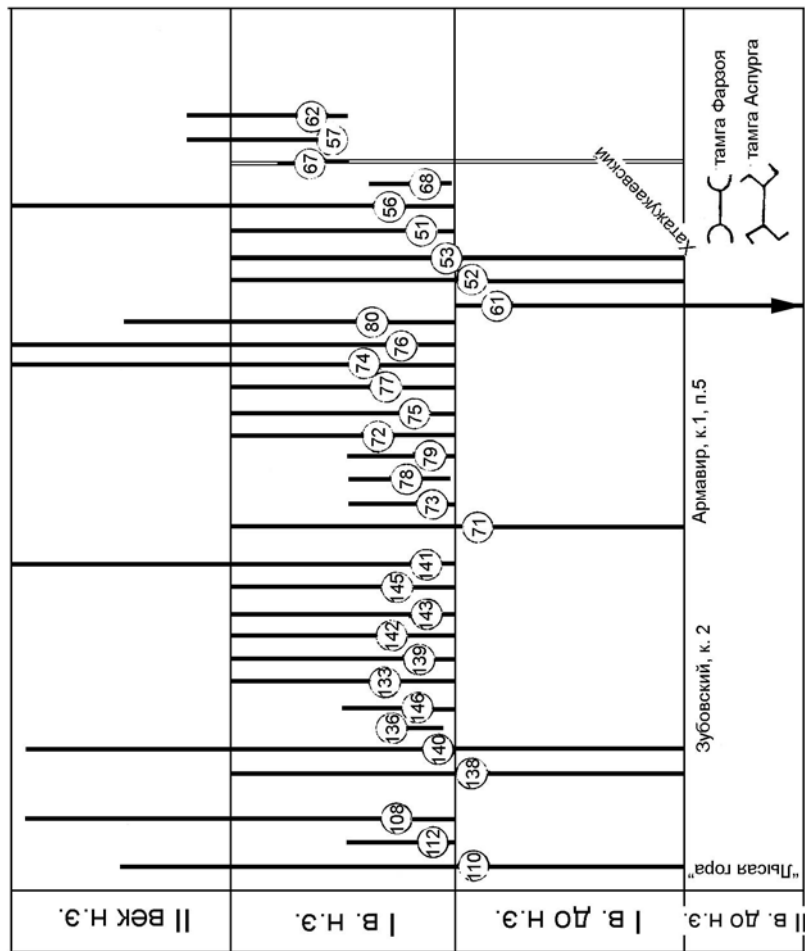


Рис. 1 к статье М.Б. Щукина (продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ

Б.П.Селецкий. Некоторые случаи миграции кочевников, сыгравшие решающую роль в развитии оседлых обществ.....	5
Б.Я.Ставиский. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблема контактов, их периодизация и характер.....	14
Т.М.Кузнецова. Греко-скифские отношения в период архаики.....	18
А.В.Симоненко. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии.....	24
А.С.Васютин. О памятниках алды-бельского типа в Саяно-Алтае.....	34
С.В.Махортых. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР.....	37
С.Л.Соловьев. Особенности домостроительства Нижнего Побужья VI – нач. III вв. до н.э. в контексте греко-варварского взаимодействия в Северо-Западном Причерноморье.....	44
Хр. Буюклиев. Использование лука и стрелы в древней Фракии в эпоху раннего железа.....	52
А.Н.Гертман. К проблеме возникновения городов у скотоводческого населения. Модель на материалах VII-VIII вв. н.э. Южного Приаралья.....	61
М.Дж.Халилов. Сарматия – Кавказская Албания: границы, контакты (I в. до н.э. – II в. н.э.).....	68
Э.Б.Вадецкая. Античные бусы в Южной Сибири.....	76
В.Р.Эрлих, С.П.Кожухов. Об основных этапах развития меотской культуры Закубанья.....	82
Е.А.Беглова. Гончарство меотов в V-IV вв. до н.э.....	89
А.Б.Черняк. О конъектуре Липсия Aorsî в рассказе Тацита о боспорском походе римлян.....	95
М.Б.Щукин. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан.....	103

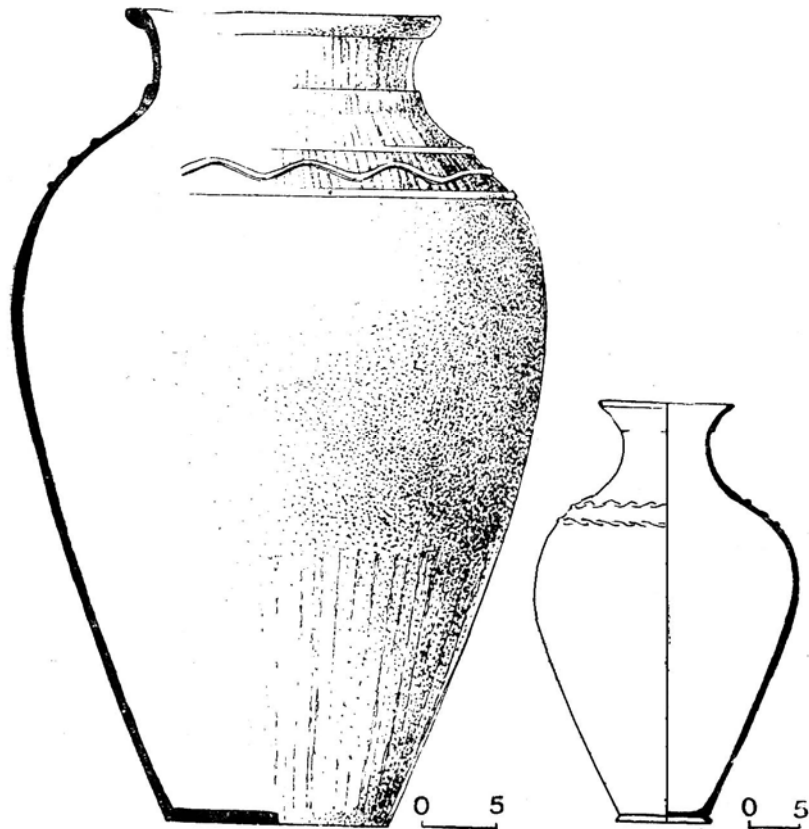


Рис. 2 к статье М.Б.Щукина